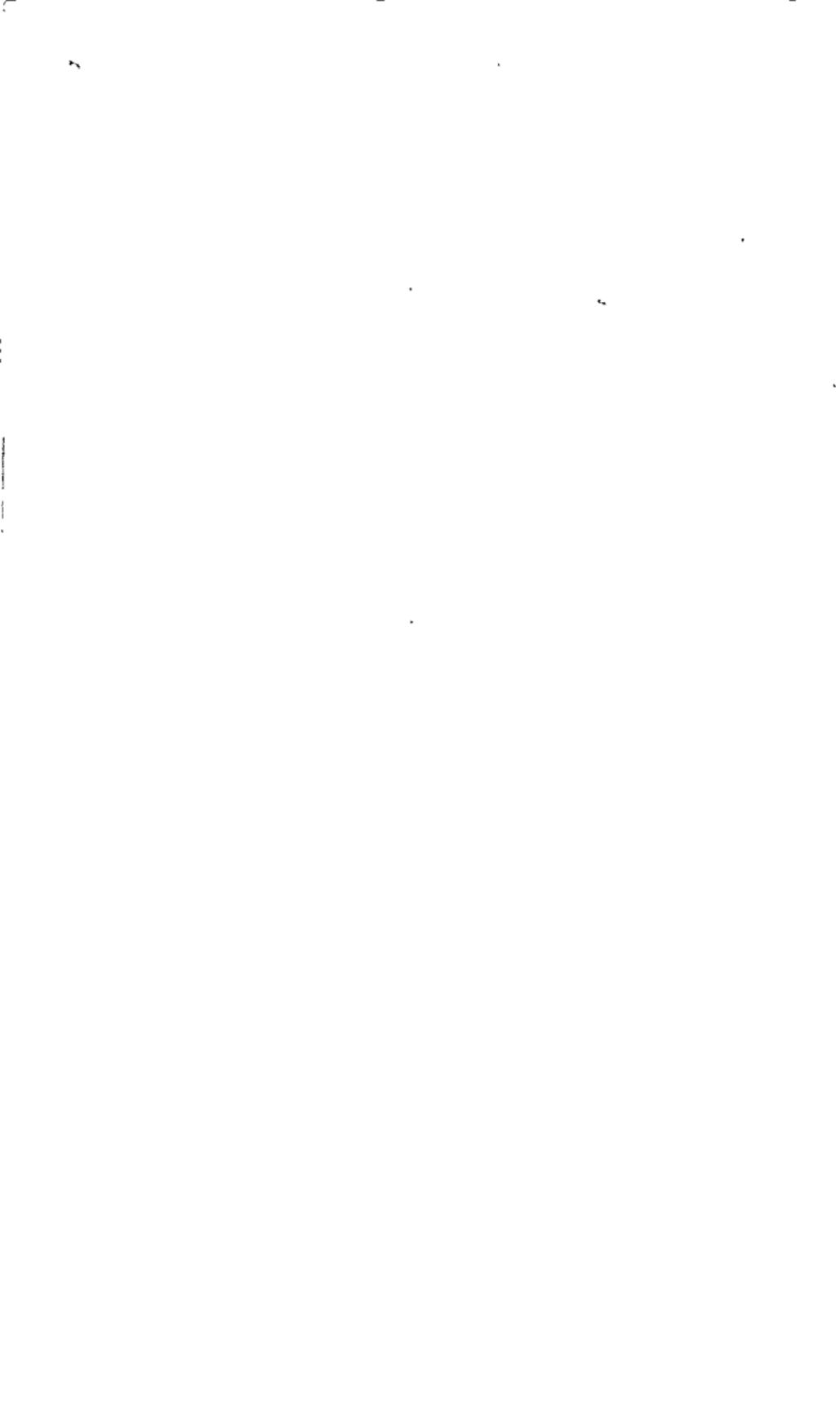

ПРОТЪ АЛЕКСАНДРЪ КИСЕЛЕВЪ

ОБЛИК
ГЕНЕРАЛА
А.А.ВЛАСОВА

(ЗАПИСКИ ВОЕННОГО СВЯЩЕННИКА)

ПРОТ. АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ

О Б Л И К

генерала

А. А. ВЛАСОВА

(ЗАПИСКИ ВОЕННОГО СВЯЩЕННИКА)

© Put' Zhizni, St. Seraphim Foundation, Inc.
322 West 108 Street
New York, N.Y. 10025, U.S.A.
Library of Congress Catalog Card No. 76-50910

*Printed in U.S.A. by Computoprint Corporation
335 Clifton Ave., Clifton, N.J. 07011*

*Генерал-лейтенант
Андрей Андреевич Власов*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЗАКЛЯТИЕ.

Из крови пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений --
Возникнет праведная Русь.

Я за нее одну молюсь --
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгущих строится мошах,
В безумных плавится молитвах.

(Максимилиан Волошин. 1920 г.)

ОТ АВТОРА

Передо мной встал вопрос: имею ли я право не рассказать о генерале Андрее Андреевиче Власове того, что сам видел и слышал или что мне стало известно от других, достойных доверия, людей.

В наше время, когда история фальсифицируется, когда облики людей искажаются до неузнаваемости, можно ли промолчать об исторической правде?

Андрей Андреевич неоднократно просил разных людей и какбы завещал нам: — "Расскажите о нас правду".

И если мое повествование не обладает полнотой всех данных, то оно, располагая тем, что мне известно, как капля морской воды отражает в себе химический состав всего океана.

Своей книгой я хочу участвовать в воскрешении подлинного облика генерала Власова, его сподвижников и в их общем с нами деле — духовном восстановлении нашего отечества.

Приношу мою глубокую благодарность всем тем, кто поделился со мной своими воспоминаниями, помог, исправил мои ошибки.

Протоиерей Александр Киселев.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАШЕ ПРОШЛОЕ.

Каждое историческое событие имеет свою пред- историю, свои корни в прошлом. Прежде, чем делать краткое описание событий, во время которых зародилось Власовское Движение, мы должны бросить взгляд на предшествующие ему 150 — 200 лет.

Две великих войны этого периода были ознаменованы как победоносные шествия французского капрала и немецкого ефрейтора. Оба эти завоевателя, в итоге своих блестящих побед, устремляются на Россию. Оба находят закат своей славы в России. Один — на Московских кремлевских стенах, другой — на подступах к Москве.

После Отечественной войны 1812 года над Россией прокатился первый грозовой удар приближающейся революционной катастрофы. Но он не был громом среди ясного неба. Вряд ли можно думать, что все то, что породило декабристов, было лишь плодом их соприкосновения с Западом. Мы знаем, что Запад проникал в Россию уже при царе Алексее Михайловиче. А через прорубленное царем Петром "окно" Запад хлынул к нам потоком. В своем большинстве наша аристократия и многие образованные люди преклонялись перед Западом задолго до 1812 года. Знаменитые "кондиции" князя М. М. Голицына при воцарении Анны Иоанновны — это то же самое, что дело декабристов, только осуществляемое не путем восстания, а путем дворцовых интриг. Проходит несколько десятилетий после восстания декабристов и то, что в начале века встречало отклик у элиты, становится достоянием разночинной интеллигенции. К сожалению, не

высокие достижения духа заимствовали мы у Запада, а его секуляризованную, духовно выхолощенную культуру.

Внутренний распад мысли, разложение целого на его составные части, которые в расчлененном состоянии своем уже не несут в себе жизни целого, был и продолжает быть соблазном и пагубной новизной Запада.

Эту западную болезнь, как поветрием окутавшую нас, теперь мучительно переживает не только сам Запад, но и весь мир.

Но не один распад и угашение духа в русском человеке следует считать пред-историей наших дней. В русском народе жила, и за десятилетия власти материализма не угасла, та здоровая самобытность, особенностью которой является стремление жить не только для личного благополучия. Это очень хорошо выразил современник наш, выдающийся писатель В. М. Шукшин, сказав: "Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту..."¹

Если бы слова Тютчева о том, что "Не плоть, а дух растлился в наши дни" следовало считать объективным выражением всеобъемлющей действительности, то откуда бы взяться тогда людям, которые шли бороться с поработителями духа? Откуда бы из среды подсоветских людей могло тогда возникнуть движение против Советской власти? Нет, в массе русского народа всегда жило искание подлинного и жажда правды. Жертвенное служение правде, в своем пределе, Правде с большой буквы, всегда было одной из наиболее характерных черт русского человека. Достаточно вспомнить из бесчисленных примеров нашей литературы хотя бы некоторые бессмертные образы жертвенности незаметных русских героев, как капитан Тушин в "Войне и мире" Льва Толстого, или солдаты эстляндского полка в "Августе 14-го" у А. Солженицына, шедшие в качестве "охотников" — добровольцев закрыть собою "дыру" во фронте.

1. Из последнего письма В.М. Шукшина в издательство "Молодая Гвардия", от 21 августа 1974 года. См. *Василий Шукшин* Т. I, изд. "Молодая Гвардия". Москва. 1975 г. стр. 3.

Откуда в русском человеке "особая статья", побуждающая видеть в России такую грань духовного облика, которую нельзя воспринимать иначе как мистически:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья —
В Россию можно только *верить*.

Это не горделивое превозношение, исповедующее свою исключительность, свое мессианское значение. В глубинах нашего народа испокон веков до наших дней живет другое, близкое по созвучию, но далекое по содержанию, сознание своей особой миссии, сознание мессианское.

Особый — не значит исключительный, а лишь знающий свои собственные национальные задачи наравне с другими народами, из коих каждый имеет свою особую, не ту же самую, что другие, неповторимую задачу, которую на протяжении истории призван выполнить.

Великая задача, порученная нашему народу, не есть основание для самопревозношения ибо это не есть результат собственного труда нашего, но дар, но доверие, которому мы так часто, к тому же, оказывались неверными.

Очень хорошо об этом даре, заложенном в народном сознании, сказано у писателя Андрея Платонова²:

"Одному человеку нельзя понять смысла и цели своего существования. Когда же он приникнет к народу, родившему его, и через него к природе и миру, к прошлому времени и будущей надежде, — тогда для души его открывается тот сокровенный источник, из которого должен питаться человек, чтобы иметь неистощимую силу для своего деяния и крепость веры в необходимость своей жизни".³

Вышесказанное может быть передано одним словом — *соборность*. Этим непереводаемым словом, родившимся в русском языке и вошедшим во всеобщее употребле-

2. Жил в России 1899 — 1951 гг.

3. Андрей Платонов *Смерти нет* И-во "Советский писатель" Москва. 1970 г. стр. 8.

ние как "симфония свободных волей, направленных к одной цели".⁴ Да, именно *свободных* волей. Это не коллектив, не система, подавляющая личность. Мы живем в Новом Завете, где нет превозношения "плоти и крови", но где, несмотря на это, остается в полной силе понятие большей близости к своим, чем к прочим: "Если же кто о своих и особенно о домашних не заботится, тот отрекся от веры и хуже неверного" (I к Тим. 5.8).

Это чувство, расширенное до понимания всего своего народа, горячо исповедует ап. Павел говоря: "Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти" (Рим. 9.3).

Не вынужденная, а вольным хотением отдача себя всенародному общему делу и есть наша миссия — то дело, которое задано нашему народу. Для выполнения этого ему отпущены соответствующие силы-дары, благодаря чему "в Россию можно только *верить*".

*
* *
*

Бег исторического времени нарастает. Зло, которое в дореволюционной России, накапливаясь столетиями, приводило к социальным потрясениям, в пореволюционной России назрело за два десятилетия. В этой, *предельно* насыщенной взрывчатостью атмосфере, нам и нужно искать ближайшую пред-историю Власовского Движения.

Власовское дело это — продолжение непрерывных народных восстаний, которые стихийно возникали на протяжении коммунистического господства в России. Это — Антонов, Кронштадт, Сибирь, Волга и т. д. Ленин сказал, что они: "... опасность, во много раз превышающая всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе".⁵ Пореволюционная Россия все время продолжала бурлить. Но проявления сопротивления удавалось подавлять, ибо не было опоры, могущей поддержать и развернуть разьединенные действия в одно целое.

4. Др. С. А. Левицкий.

5. Ю. Сречинский. *Как мы покорялись*. И-во "ЗАРЯ". Канада 1974 г. Стр. 6.

Началась война. Военные действия могли сыграть роль этой опоры.

”В июне 1941 года этот толчек извне пришел, и подлинная русская революция вспыхнула. Не в Москве и не в городах и селах, все еще находившихся под властью Сталина, а в занятых немецкими войсками областях с населением почти в 70 миллионов человек.”⁶

За этими словами стоит великая трагедия русского народа —

”Поистине надо быть доведенным до последнего отчаяния, чтобы сознательно сделать выбор между врагом внутренним и внешним в пользу врага внешнего”.⁷

Всю историю повстанческой борьбы в СССР, конечно, хорошо знал Сталин и больше всего боялся именно политической акции и использования ее Германией. В подтверждение сказанному приводим разговор Власова с Гиммлером в 1944 году.

”...Вы должны знать и то, — сказал ген. Власов, — что сам Сталин не верил, что вы верите в победу одним военным сапогом. Он рассчитывал на политическую атаку с вашей стороны. Ранней осенью 1941 года Сталин созвал совещание всех командующих армиями. Он выразил свое торжество по поводу политических провалов Германии и признался, что его волновали не первые успехи германской армии, а возможность, что Третий Рейх выставит, как козырь ”русскую освободительную армию”. Тогда уже, господин министр, Сталину пришла в голову мысль со своей стороны прибегнуть к уловке и, начиная с 1942 года, объявить войну ”отечественной”. Тогда он впервые упомянул наших исторических героев. Сталинская теза, в рамках жизни СССР, была настолько необычной, что она была принята генералами красной армии только после большого колебания, да и то с недоверием. Но Сталин шел дальше. Он допустил некоторые свободы, зная заранее, что они не долговечны....

Господин министр, поверьте моим словам, что в то

6. В. Штрик-Штрикфельд. *Против Сталина и Гитлера*. И-во ”Посев”. Франкфурт: Германия 1975 г. стр. 37.

7. И. Русланов. *Молодежь в русской истории* И-во ”Посев”. Франкфурт, Германия. 1972 г. стр. 82.

время Германия проиграла свою самую важную и большую битву в России... Но несмотря ни на что, я считаю, что еще не поздно".⁸

Сталин использовал русские патриотические чувства: война объявляется "отечественной",⁹ вводятся ордена, вспоминаются русские национальные герои.

"В то время как Сталин присваивал себе роль высшего защитника Отечества, восстанавливал старые русские погоны, православную Церковь и распускал Коминтерны, Гитлер посильно помогал ему, в сентябре 1943 г. распорядился разоружить все добровольческие части и отправить их в угольные шахты".¹⁰

Война в СССР стала войной только ради защиты родины от немецкого завоевателя, когда могла бы быть и освободительной войной от интернационального коммунизма. В Германии же не поняли того, что связывая действия миллионов идейных русских антикоммунистов — патриотов своей родины, они спасали коммунизм и копали могилу себе.

У Сталина буквально горело под ногами и в войсках и в оккупированных немцами областях, и в прифронтовом тылу. Но вся полнота картины истинного положения вещей была известна лишь доверенному кругу должностных лиц. Ген. Власов об этом узнал, когда он, в марте 1942 г., был вызван к Сталину и назначен заместителем командующего Волховским фронтом. На этом совещании открыто говорилось о фактах неверности в войсках и у гражданского населения. Всем слышанным Власов был ошеломлен. Он не допускал мысли, что об этом при Сталине могли так прямо говорить.

В совершенно секретном приказе Сталина № 0019, говорится: "На всех фронтах..." имеются многочисленные элементы, "... которые даже бегут навстречу противнику и при первом соприкосновении с ним бросают оружие".¹¹

8. *Очерки к истории Освободительного Движения Народов России*. И-во СБОНР. Канада. 1965 г. стр. 67.

9. Вторая Мировая война была названа "отечественной" в первые же дни ее возникновения.

10. А. Солженицын. *Вестник Р.Х.Д.* № 115. Париж 1975 г. стр. 169.

11. Dallin, p. 64

В своих воспоминаниях английский премьер-министр В. Черчилль приводит текст телеграммы Сталина, просившего о немедленной помощи:

"... Великобритания могла бы без риска высадить в Архангельске 25-30 дивизий, или отправить их через Иран в южные районы СССР. Таким путем могло бы быть установлено сотрудничество между советскими и британскими войсками на территории СССР."¹²

Легко можно себе представить положение страны, которая приглашает на свою территорию чужие войска!

Но эти иностранные войска нужны были Сталину не только для помощи советским войскам в их борьбе на фронте, но и как угроза своим ненадежным элементам и в армии и в тылу.

Естественно должен был быть и дальнейший расчет. Если бы Гитлер решил создать армию из русских антикоммунистов, то она встретила бы на Восточном фронте с западными союзниками и тем потеряла бы в дальнейшем возможность сговора национальных русских сил с Англией и Америкой. Отчасти это и произошло в конце войны, когда Гитлер перебросил разрозненные антисоветские добровольческие части на западный фронт. Факт участия в военных действиях на западном фронте русских антибольшевиков, хотя и вынужденный, стал камнем преткновения для понимания американским командованием парламентариев генерала Власова.¹³

Но это дальний прицел. Ближайшей же целью приглашения иностранных войск на свою территорию было желание найти в них опору против своей собственной армии и своего населения. Как Сталин хотел, опираясь на англичан, укрепить свою власть, так Власов, используя немцев, хотел добиться освобождения России. Была ли это измена? На это хорошо отвечает А. И. Солженицын:

12. Винстон Черчилль. *Вторая мировая война*, кн. VI. И-во Имени Чехова. Н. Йорк 1955 г. стр. 108.

13. В ряде случаев "власовцами" позднее именовались батальоны никогда ген. Власову не подчиненные и, несмотря на все его протесты, отправляемые на западный фронт.

"Советский закон поставил их вне себя еще прежде,¹⁴ чем они поставили себя вне советского закона".¹⁵

Особая сложность дела ген. Власова заключалась в том, что ему нужно было, находясь в плену, на территории врага — Германии, получить от этой же Германии оружие и право на создание независимой Русской Армии для победы над коммунизмом. Однако, и для Германии в сотрудничестве с Власовым был риск. Создавая русскую национальную силу, Германия не только теряла надежду на приобретение новых земель и славянских народов в качестве полу-рабов, но и приобретала для себя прямую угрозу. А если русские националисты, победив с немецким оружием в руках коммунистов, предъявят Германии счет за разрушение русских городов? А что, если найдут новый остров св. Елены для ефрейтора, как нашли его в свое время для капрала? У немцев было достаточно документальных доказательств почему они имели право бояться русских национальных сил.

Один из видных старших офицеров РОА писал:

"У нацистской верхушки, конечно, было основание не доверять русским. Они понимали, что Русское Освободительное Движение (РОД) и Русская Освободительная Армия (РОА) в одинаковой мере направлены как против большевизма, так и против нацизма. Через свою агентуру немцы знали о настроениях русских, они были осведомлены о спорах: кто враг № 1 — большевики или немцы? Очень многие антикоммунисты считали врагом № 1 немцев. "Бей немцев, а потом разберем что к чему"... Все русские т.е. ОСТ-овцы¹⁶ и военнопленные, не то что не любили немцев, а ненавидели их острой ненавистью. Да и было за что. Эти люди на своей собственной спине убедились, что немцы никогда не могут быть друзьями русских"...¹⁷

Глубоко правильно заключение западного аналитика, сказавшего: "Гитлер прекрасно понимал, что все множес-

14. Имеется в виду заявление, что у Советского Союза нет пленных, а есть только изменники родины.

15. А Солженицын. *Вестник Р. Х. Д.* № 115. стр. 180

16. От немецкого слова "Ost" — Восток, т.е. рабочий с востока.

17. А.Г. Алдан. *Армия Обреченных.* И-во Архив РОА. Нью Йорк 1969 г. стр. 10, 11.

тво советских пленных не его сторонники, а враги его врага".¹⁸

Опасения немцев были вполне обоснованы. Но они понятны лишь до известной фазы войны. В завоевательной войне, когда есть надежда на победу зачем же идти на риск, давая русским националистам оружие? Но когда война перешла в безнадежную стадию, то немецкий отказ от своего собственного спасения, ценой даже риска, можно объяснить только маниакальностью власти.

В книге В. Штрик-Штрикфельдта приводится очень интересный разговор с полковником ген. штаба бароном фон Фрейтаг-Лорингхофен, который принимал деятельное участие в подготовке покушения на Гитлера. Власов сказал: "Гитлер боится завтрашней национальной России, а проигрывает войну против Советской России уже сегодня... У меня же теперь лишь одна забота, чтобы Освободительное Движение не пошло ко дну во время крушения Германии".

Потом добавил:

"Это будет возможно, если найдутся германские офицеры, с которыми мы решимся на этот последний отчаянный шаг для спасения свободы всех европейских народов, включая народы Советского Союза".¹⁹

К положению безнадежности Германия пришла осенью 1944 года, после катастрофических неудач на фронте и неудавшегося покушения на Гитлера.

Чем располагала Германия в этот момент? Ее человеческий потенциал, как и технические возможности, были почти исчерпаны. Тайнственное оружие "Фау" было еще в состоянии разработки и, как мы теперь знаем, так и не было закончено до конца войны. Последним и единственным реально возможным шансом спасения Германии был договор с национальными силами России — с ген. Власовым. Но этот последний шанс своего спасения Германия не оказалась способной использовать. И эта неспособность была прежде всего психологической.

Несмотря на все крайние трудности немецкой индус-

18. Lyons, p. 237

19. В. Штрик-Штрикфельдт. стр. 313.

трии, на потери всех занятых русских территорий, дававших для дела Власова 60-70 миллионов населения, у Власова было еще достаточно возможностей для создания армии.

Вот ряд свидетельств это подтверждающих.

“Вероятно никогда историки не смогут точно установить, сколько россиян пошли бороться на стороне немцев против коммунизма, против ненавистной власти Сталина. В штабе немецкого генерала Гельмиха были собраны статистические данные всех добровольческих военных формирований к июню 1943 года. Уже тогда насчитывалось под ружьем 600. 000 человек, т. е. почти 50 дивизий. А сколько добровольцев было одиночным порядком или горсточками вкраплено в разные немецкие части, сколько было этих пресловутых “Иванов” шоферами автомашин, кашеварами, механиками и на других отраслях работ на фронте и в тылу — осталось неизвестным. По общим подсчетам послевоенного времени, можно считать, что численность добровольцев достигала одного миллиона человек. Если к этой массе прибавить еще около миллиона, а может быть и больше “остовцев”, годных к военной службе, и остальных, которые могли работать в тылу и служить в вспомогательных частях, то прав А. А. Власов, когда он бросил немцам: — “Я вам дал 4. 500. 000 людей! Где они?”²⁰

“В результате трудной статистической работы — военной части часто умалчивали о численности добровольных помощников — установлено, что в июне 1943 года имелось больше 600. 000 добровольных помощников и 200 тысяч солдат в добровольческих частях. Это был значительный резерв, из которого, в любой момент, как только последовало бы разрешение, могла бы образоваться Освободительная армия.

На самом деле цифры эти занижены — так как в добровольческих частях служило не 200 тысяч, а больше 600 тысяч человек. Кроме того, нигде не отражено количество людей, находившихся в казачьих частях, украинских, белорусских, грузинских, армянских, калмыкских легионах. Таким образом, правильно утверждение

20. *Очерки к истории Освободительного Движения Народов России.* стр. 50.

Власова, что больше миллиона жителей России стояли уже под ружьем против Сталина”.²¹

По мере того, как военные дела Германии ухудшались, сознание своих ошибок все больше распространялось не только в военной, но и в партийной среде. Однако, оно шло крайне медленно, как бы насилуя фактическим положением вещей горделивое сознание высокостоящих партийцев.

Весьма показательна история с выдающимся СС-цем д'Алькэном проводившим, по распоряжению Гиммлера, пропагандную акцию "Скорпион". Это был бессовестный немецкий обман — утверждение, что существует Власовская Освободительная Армия. На фальшивку — якобы призыв самого ген. Власова, — стали перебегать из Красной армии тысячи бойцов ежедневно, только на одном южном фронте, где эта акция проводилась. Перебежчики не хотели говорить с немцами, а искали ген. Власова. И это происходило в 1944 году, меньше чем за год до конца войны, когда Красная армия имела уже все основания считать себя победоносной. Такие изумительные результаты открыли глаза д'Алькэну и вдохновили его уговорить Гиммлера встретиться с ген. Власовым.

Результат немецкой фальшивки в то же время обличил и фальшивку советскую, что:

"... война вскрыла небывалую в истории сплоченность народов СССР..."

"... Нет неправды большей, чем эти лживые фразы. Если мы хотим правильно понимать обстановку военных лет, то мы должны прежде всего усвоить одну непреложную истину: на всем протяжении многовековой истории России не было войны, во время которой вскрылась бы такая степень отсутствия внутреннего единства страны, как это было в войну 1941 — 1945 годов. Показателем этого отсутствия единства было пораженческое движение в стране..."²³

Тенденция немцев пропагандными трюками заменить подлинное было тем, обо что разбивалось все то, что

21. Свен Стеенберг. *Власов*. Русский перевод. И-во Русский Дом в Мельбурне. Австралия. 1974 г. стр. 120.

23. Б. И. Николаевский "Пораженчество 1941 — 1945 годов и ген. А. А. Власов". *Новый Журнал* XVIII. Н. Й. стр. 209.

могло спасти Россию от коммунизма. Это немецкое безумие стояло на пути не только русских патриотов, но даже такого верноподданного нациста, каким был д'Алькэн. Для него, конечно, не существовало морального вопроса, он руководился лишь интересами Германии, для спасения которой в настоящий момент был необходим честный поступок взамен пропагандного трюка. Если д'Алькэн встречал такие огромные трудности при проведении его акции, то в каком же положении находились все простые армейские капитаны и ротмистры, друзья Свободной России, старавшиеся работать для Власовского дела? А такие подлинные друзья среди немцев были и много сделали. К их числу в первую очередь относятся капитан В. К. Штрик-Штрикфельдт, капитан Н. Г. Гроте, ротмистр барон Э. К. Деллингсхаузен, С. Б. Фрёлих и другие. Следует, как особую тему, отметить то отношение, которое к русской проблеме проявили балтийские немцы. Именно в этой среде мы встречали наибольшее понимание и доброжелательство. Часто это были люди двух культур — "русские немцы".

Конечно, были потенциальные друзья России и среди высоких чинов немецкой армии.

Существовала собственная линия поведения у верховного командования и у отдельных немецких военачальников, шедшая в разрез с политической линией ведения войны правительством. Это всегда удивляло Власова, отмечавшего, что "такого" в Советском Союзе и подумать нельзя.

Это обстоятельство вызывает удивление и у советского человека более молодого поколения — Солженицына. Он пишет:

"... самочинные, без ведома и воли Ставки и Гитлера; нашему подтоталитарному сознанию трудно вообразить такое самовольство, у нас ни шаг не может быть ступлен важный без самого верховного разрешения, но у нас и система несравненно тверже, мы и устаивались уже тогда четверть века, а нацисты — только 10 лет".²⁴

Для того, чтобы понять, какую "школу" прошел в

24. А. Солженицын. *Вестник РХД* № 115. стр. 168.

своей жизни Власов, как, впрочем, и почти каждый советский человек, я приведу характерный случай, описанный в книге В. Штрик-Штрикфельдта.

После покушения на Гитлера были расстреляны все те офицеры, которые принимали участие в заговоре. К заговору принадлежал и полковник ген. штаба барон Фрейтаг-Лорингхофен, который часто бывал у Власова и путем намеков подготавливал Власова к той роли РОА, которую она должна будет сыграть в будущем. После ареста ему был дан револьвер, чтобы он мог застрелиться и тем избежать суда и расстрела.²⁵ Когда В. Штрик-Штрикфельдт узнал об этом, он поспешил к Власову. У Власова сидели генералы Малышкин и Жиленков.

— Еще один очень близкий друг мертв: Фрейтаг-Лорингхофен, — сказал я.

— Я не знаю его, — сказал Власов с видом совершенно равнодушным.

— Ну, как же, дорогой Андрей Андреевич, тот блестящий полковник Генерального штаба, который так часто бывал у вас...

— Не помню.

Я вышел из комнаты и пошел наверх. Через несколько минут ко мне пришел Власов. Мы были одни.

— Я вам уже однажды говорил, дорогой друг, что *нельзя* иметь таких мертвых друзей. Я потрясен, как и вы. Барон был для всех нас особенно близким и верным другом. Но я думаю о вас. Если вы и дальше будете так неосторожны, следующий залп будет по вам.

Я возразил, что говорил в присутствии лишь двух генералов, наших ближайших друзей.

— Два лишних свидетеля, — спокойно сказал он. — Я ни минуты не сомневаюсь в их порядочности. Но зачем втягивать их? А если их когда-либо спросят: "Говорил ли капитан Штрик об этих заговорщиках как о своих друзьях? Что тогда? Из легкомыслия вы подвергнетесь смертельной опасности и потянете за собой других. Я знаю методы ЧК и НКВД, ваше Гестапо скоро будет таким же".²⁶

25. Воспоминания С. Б. Фреёлиха. Магнитофонная запись хранится у автора.

26. В. Штрик-Штрикфельдт. стр. 338.

Намеченное свидание Власова с Гимлером, хотя и отсроченное, состоялось 16-го сентября. Все сказанное там чрезвычайно важно. Свидание это обрисовывает не только положение того времени, когда этот разговор происходил, но и документально зарисовывает облик ген. Власова. Приводим его полностью.²⁷

Кроме приведенного в Приложении подробного описания встречи Власов-Гиммлер, имеются еще документы, подтверждающие точность передачи вышеупомянутого свидания. Прежде всего это воспоминания, опубликованные в 1947 году самим д'Алькэном, а также письма Э. Крёгера и Х. Элиха к д'Алькэну,²⁸ которые, как свидетели событий, подтверждают достоверность этих записей.

Сопоставляя вышесказанное с текстом из книги Ю. Торвальда (русский перевод): "Насколько нам известно, весь разговор Власова с Гиммлером был застенографирован и воспроизведен автором книги с предельной точностью",²⁹ мы получаем весьма солидно документированные данные о встрече Власова с Гиммлером. Этот документ представляет собою большую ценность. Во-первых, как изумительная зарисовка с натуры подлинного облика ген. Власова. Во-вторых, этот документ важен и как характерная картина той внутренней противоречивости, которая пронизывала всю структуру национал-социалистической Германии, от самого верха до низов. Все в борьбе противоречий и противодействий. Это внутреннее противоборство приводит все начинания к нулевому результату.

Единомыслия не было ни в армии, ни в национал-социалистической партии, ни в организации СС. Но этого мало. Необходимо для выяснения полноты картины тех условий, в которых приходилось действовать ген. Власо-

27. См. Приложение I.

28. Свен Стеенберг. Стр. 160.

29. *Очерки по истории Освободительного Движения Народов России*. Стр. 70.

ву, рассмотреть еще два момента: внутренние психологические противоречия у отдельных лиц и личную заинтересованность власть имущих.

Возьмем, как пример, личность самого "Черного Генриха" — Гиммлера. Это человек, до мозга костей пропитанный бредовыми идеями национал-социализма об избранничестве немецкой расы. Таких было много. Но он, сверх того — "избранный из избранных". Он привык не только к сознанию своего превосходства, но и к неограниченной власти. От его мановения зависят жизни людей. Он не говорит, а повелевает. Такова психологическая настроенность этого человека. Как трудно ему внутренне измениться под действием реальных военных катастроф. В таком человеке неизбежно внутреннее раздвоение, броски от реального к привычному. В конце его разговора с ген. Власовым, когда последний сказал ему, что Германии главой стены не прошибить и что русские формирования "в наших обоюдных интересах", Власову отвечал прозревший Гиммлер: "Конечно, конечно!" — торопливо и почти весело воскликнул Гиммлер, облегченно почувствовав, что все трудное и неприятное прошло".³⁰ И через каких-нибудь полчаса, простившись с Власовым, уже опять слепой Гиммлер говорит: "Однако он славянин, и остается славянином". Эта же травма, по нисходящей линии, была почти у всех, до последнего СС-ца.

Что же касается личной заинтересованности многих лиц, занимающих те или другие посты на иерархической лестнице немецкого начальства, то тут получается заколдованный круг. Вот один пример из множества подобных:

"Повторные протесты радио-отдела КОНР ни к чему не приводили. Реальной власти у него никакой не было, так как всю радио-программу Фриче цепко держал в своих руках и не собирался никому передавать. Начальник Восточного отдела пропаганды устраивал бесконечные совещания с генералом Жиленковым и начальником его радиоотдела,

30. См. Приложение I.

обещая самым срочным образом все переделать и... все оставалось по прежнему".³¹

Над всеми этими, как и психологическими трудностями привыкших к господствующему положению немцев, так и личным интересом тех, кто занимал спокойные должности, тяготел еще вопрос реальных возможностей. Быстро сокращавшийся немецкий тыл был буквально изрешечен американской авиацией. Соответственно этому было и состояние военной промышленности и та действительная скудость вооружения и амуниции, которой располагала Германия в последние месяцы войны. "Наши арсеналы, в данный момент, из-за переноса нашей промышленности, очень скудны",³² сказал Гиммлер при свидании с Власовым.

Совокупность всего этого создавала ту сумятицу последних военных месяцев, в которой немцы последовательно губили свой последний шанс на спасение — Власовское дело. Все сплелось в один спутанный клубок. Нам нет надобности его распутывать. Достаточно установить составные части губительных переплетений: недоверие, сознательный обман, психологические и фактические невозможности, личные интересы и многое другое.

"Уже через несколько дней после образования Комитета³³ начало выясняться, что немцы не собираются полностью выполнять обещаний, данных Гиммлером Власову по трем важнейшим пунктам, а именно: по национальному вопросу, по изменению положения русских рабочих в Германии и по темпам формирования вооруженных сил КОНР, а также по немедленному предоставлению Власову прав и полномочий главнокомандующего этими силами".³⁴

Наряду с этим имеются документы подтверждающие действительные шаги, предпринимавшиеся немцами после встречи Власов — Гиммлер. Приводим запись из днев-

31. Л. В. Дудин (Н. Градобоев) *Материалы к Истории Освободительного Движения Народов России*. Стр. 57.

32. *Очерки к Истории Освободительного Движения Народов России* стр. 68

33. Комитет Освобождения Народов России.

34. Л. В. Дудин (Н. Градобоев) *Материалы к истории Освободительного Движения Народов России*. стр. 55.

ника немецкого офицера штаба Командующего добровольческими отрядами на западном фронте, обер-лейтенанта Гансена:

"2-го октября вечером... -- Из штаба главнокомандующего западным фронтом пришло экстренное сообщение, что политика по отношению к генералу Власову изменилась на 100%. Достигнуто соглашение между Власовым и Гиммлером. В кратчайший срок должны быть сформированы большие русские части под командованием русских офицеров. Привести в исполнение приказ: собрать остатки добровольцев и включить их в это формирование".³⁵

Очень показательны цифровые данные о добровольцах в немецкой армии, которые теперь, после встречи Власов -- Гиммлер, должны были быть преобразованы в РОА.

"Спустя восемь дней (после встречи с Власовым), 2-го октября, Гиммлер пригласил к себе генерала от кавалерии Кёстринга, командующего всеми добровольцами... -- Сколько русских в вашем распоряжении? -- спросил Гиммлер. Генерал Кёстрин ответил, что -- только в авиации и во флоте... находилось около ста тысяч русских в боевых и вспомогательных частях. Однако, большинство служит в армии. Приблизительно девятьсот тысяч и даже миллион --

Гиммлер оставил чашку кофе, которую как раз подносил к губам. Он оторопел: -- Но это же невозможно! Это же... абсолютно невозможно! Это же составляет две полных армейских группы!

-- И все же это так! -- не поднимая глаз от своих изящных рук, ответил Кёстринг".³⁶

В разговоре с казачьим генералом Поляковым, генерал Власов спросил: "Известно ли вам, сколько сейчас в Германии русских, включая женщин и детей?" И, отвечая на вопрос, сказал: "не менее 16-ти миллионов. Возьмите только 10%. Получилась бы огромная армия, которая бы

35. *Очерки к истории Освободительного Движения Народов России*. стр. 74.

36. *Очерки к истории Освободительного Движения Народов России*. стр. 75.

смела все на своем пути. А немцы все еще не понимают, что связывая меня, они сами роют себе яму".³⁷

Ниже мы приводим цифровые данные, относящиеся к концу 1944 года. Они подтверждают, что даже тогда, за 6-7 месяцев до конца войны, у ген. Власова были реальные шансы на успех дела.

"К моменту опубликования Манифеста с этой стороны фронта в пределах, к тому времени уже очень урезанной с востока и запада Европы насчитывалось от 18-ти до 20-ти миллионов русских. Это составляло свыше 10% населения нашей страны, но политически удельный вес этой массы был неизмеримо большим. С этой стороны почти не было детей и людей старше 50-ти лет. И военнопленные, и привезенные на работу были или совсем молодыми людьми, или в начале так называемых средних лет. Беженцы были, как правило, более старших возрастов, но ни многодетные семьи, ни старые люди не могли двинуться в такую неизвестность, да и не могли уйти в такую даль. Если они и уходили от родных очагов, то еще до границы Советского Союза их достигал быстродвигающийся на запад фронт.

Главную массу количественно составляли "остовцы". Их насчитывалось до 12-ти миллионов, в то время нередко цитировалась даже такая подробность, что 8 миллионов их занято в сельском хозяйстве и 4 миллиона в промышленности.

До пяти миллионов считалось беженцев, несмотря на большую быстроту передвижения сумевших каким-то образом добраться до границ Германии и перейти через них.

Следующей по численности была группа военнопленных, разделенная на рабочие команды, мало чем отличающиеся от остов.

Около 800 тысяч было служащих в германской армии".³⁸

Даже если вышеприведенные цифры не совсем точны, то они все же дают правильное представление о грандиозности событий. Советские источники в этом мало

37. Ген. И. А. Поляков. *Краснов — Власов*. Нью Йорк 1959 г. стр. 40.

38. А. Казанцев. *Третья Сила*. Стр. 289.

отличаются от западных и исчисляют уменьшение населения СССР к осени 1942 года в 63 миллиона.³⁹

Все эти цифры мы привели как доказательство огромной потенциальной возможности создания РОА — Русской Освободительной Армии. Желание миллионов людей активно бороться за освобождение России от коммунизма, открывали для РОА почти неисчерпаемые возможности.

Но ни ген. Власов, ни его ближайшие сотрудники, ни рядовые участники Движения никогда не ставили освобождение России в прямую зависимость от армии и оружия. Армия была нужна, прежде всего, как воплощение идеи Освобождения, опираясь на которую, можно говорить и с внешним и с внутренним врагом. Ген. Власов говорил, что став действительным командующим армией, а не двумя дивизиями, ему надо будет не начинать войну, а кончать ее "по телефону". Он был абсолютно убежден, что большинство советского генералитета, и прежде всего сам маршал Жуков, сразу пойдут против коммунизма за освобождение России: Красная русская армия примкнет к русской Освободительной армии.

39. Николай Вознесенский (член Политбюро) *Военная экономика в СССР в период отечественной войны*. Госполитиздат. Москва. 1948 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КЕМ ПОРОЖДЕНО ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ?

Может показаться странной даже постановка такого вопроса. Если это Власовское Движение, то кем же, как не Власовым, оно могло быть порождено? Но это только один ответ из многих. А раз ответов дается много, то необходимо все же этот вопрос рассмотреть и объективно его осветить.

Достаточно распространено было мнение, что Власов — это только немецкий пропагандный трюк.

Был ли генерал Власов — подставное лицо или подлинный возглавитель Русского Освободительного Движения?

Что же на самом деле представляла собой Русская Освободительная Армия — РОА? Те, кто пошел с ген. Власовым это — "немецкие наймиты", "шкурники", "предатели родины" или честные русские патриоты?

К сожалению все эти вопросы существуют и, говоря о духовном облике ген. Власова, от них нельзя просто отмахнуться.

"Первоначально Власовское движение было задумано немцами как чисто пропагандная акция", пишет один из историков Власовского Движения.¹ Он же сам, в другом своем труде, говорит: "Неправильно думать, что Русское Освободительное Движение создано немцами. РОД² возникло стихийно и немцы только пытались исполь-

1. М. Китаев. *Как это началось*. И-во Архива РОА. Нью Йорк 1970 г. стр. 5

2. Русское Освободительное Движение.

зовать его в своих интересах".³ Значит ли это, что автор сам себе противоречит? Отнюдь нет. Можно было бы только оспаривать употребление им слова "первоначально" ибо мы могли наблюдать ряд подобных явлений, возникавших одновременно в разных местах.

Если рассматривать процессы, происходившие в Советском Союзе и перед и во время Второй мировой войны, то вряд ли горсточка русских, собранная немцами в зданиях немецкого "Оберкоммандо дер Вермахт"⁴ в Берлине на Виктория штрассе имеет право на "первоначальность" Власовского Движения.

Глубоко был прав А. Казанцев, когда писал:

"Начинать или не начинать дело было нельзя, этого никто не решал и никто его к жизни не вызывал — оно началось само по себе в тысячах разных мест в первые же дни вторжения немецких армий в Россию. Начавшее формироваться потом, после опубликования Манифеста, начавшее принимать организационные формы, Движение было только завершением тех процессов, которые начались в первые дни войны и проявление которых обусловлено и вызвано самим советским строем".⁵

М. Китаев утверждал, что основной чертой, определяющей Власовское Движение, было:

"... его массовость и его народность. Массовость — это означает, что идеи власовского движения являются выражением стремлений большинства народов России. Народность — это значит, что эти идеи одинаково близки всем основным социальным группам: рабочим, крестьянам и интеллигенции. Эти утверждения не есть просто слова, нанесенные на бумагу. Власовское движение с его первого шага характеризует стихийный и бурный рост присоединяющихся к нему последователей. В течение первых же месяцев своего существования, несмотря на множество различных групп, союзов, партий и т. д., власовское движение завоевывает абсолютное большинство среди миллионов остовцев, военнопленных и населения занятых

3. М. Китаев. *Материалы к Истории Освободительного Движения Народов России*. И-во СБОНР. Канада 1970 г. Стр. 13.

4. Или ОКВ — Верховное командование вооруженных сил в Германии.

5. А. Казанцев. Стр. 352.

немцами областей. Это было, именно, движение, а не партия".⁶

Трагический для Германии исход войны становился очевидным для многих представителей немецкого военного командования. События на фронте открывали глаза на подлинное положение вещей и на подлинный облик противника. Слова фельдмаршала Браухича, что Россию можно победить только Россией же,⁷ стали символом для прозревших немцев.

Когда ген. Власов, награжденный самим Сталиным спаситель Москвы, чье имя ставилось рядом с именем маршала Жукова,⁸ оказался немецким военнопленным, т. е. стал доступен для ведения с ним переговоров, среди немецкого военного командования стали говорить: "Мы нашли русского де Голля".⁹

Высокий, широкий в плечах, худощавый генерал с умным лицом, пронизательными и спокойными глазами, не забывался людьми, видевшими его.

"Ряд американских корреспондентов интервьюировали ген. Власова в его штабе под Москвой, 17-го дек. 1941 г.... Они все описывали его сильным, высоким, имеющим вид человека занимающегося наукой, в очках; они все также отмечали на его уверенность в окончательной победе".¹⁰

К числу таковых принадлежит Ларри Лесюр — корреспондент Columbia Broadcasting System (CBS) и французская журналистка Ева Кюри, которая писала, что ген. Власов:

"... подходил к каждому вопросу с чисто военной точки зрения. Он с глубоким уважением говорил о Наполеоне и

6. М. Китаев. *Как это началось*. Стр. 17.

7. См. текст резолюции фельдмаршала, *Новый Журнал* № 18, стр. 217. Эту разумную мысль впервые высказал Фридрих Шиллер: "Russland wird nur durch Russland überwunden", вложив ее в уста Сигизмунда III (Demetrius, Act I).

8. Безусловно Власов играл выдающуюся роль в защите столицы от атак нацистов. Пресса официально провозгласила его, наряду с другими шестью генералами "спасителями" Москвы и 2 января 1942 г. он из рук Сталина получил орден Красного Знамени". Lyons p. 240.

9. *Очерки к истории Освободительного Движения Народов России*. стр. 22.

10. Lyons, p. 240-241

считал совершенно неосновательным сравнивать его с Гитлером. Ей было очень приятно узнать, что он был знаком со взглядами Шарля де Голля на современную военную науку и что он уважал генерала Гудериана, против которого воевал. При прощании последние слова Власова Еве Кюри были: "Моя кровь (жизнь) принадлежит моей Родине."¹¹

Внешний облик ген. Власова, гармонизировавший с его внутренней убежденностью, которая передавалась слушающим его, дополнялся независимостью, совершенно поразительной в его положении военнопленного.

"Он производил впечатление человека прямого, писал немецкий ген. Гелен, на которого можно положиться. Твердый и ясный голос дополнял его речь, которая обнаруживала человека тонкого ума. Превыше всего о его недюжинных военных способностях свидетельствовали бои под Киевом и Москвой".¹²

Его, как личность, и позицию начатого им дела очень живо передают нижеприведенные воспоминания его первых сотрудников:

"... попав на Викториа-штрассе, мы ждали и требовали встречи с ген. Власовым. Встреча зависела не только от нашего желания. В окно были вделаны массивные решетки, и, хотя Власов находился в том же доме, попасть к нему было нельзя, так как все двери находились под замками а у входа помещалась многочисленная немецкая вахта, примерно, из расчета один солдат на одного пленного.

Генерал Власов собрал нас в редакционной комнате. При встрече присутствовал немецкий офицер, представитель ОКВ, капитан Ш., отлично владевший русским языком. Генерал Власов говорил негромко, спокойно и, как всегда, очень искренно.

— Вы не думайте, что это только пропагандная штучка. На такое дело я не стал бы вас звать. Мы начинаем большое дело, святое. Они — он кивнул в сторону немецкого офицера — думают ограничиться пропагандой. Пускай думают, что хотят. Я ничего не хочу скрывать и камня за пазухой у меня нет. Нет, — проговорил он после паузы, задумчиво, — тут одной пропагандой не огра-

11. Salisbury, p. 527

12. Gehlen, p. 84

ничиться. -- и, внезапно подавшись в нашу сторону, сказал весело и энергично: так или не так я говорю? -- так. То-то и оно-то. Они, -- генерал Власов подчеркнул это презрительно ироническое "они" и снова кивнул в сторону немецкого офицера, -- меня часто спрашивают, какие гарантии я могу дать, что получив оружие, не поверну его против немцев? А я отвечаю: лучшая гарантия -- ваше собственное честное поведение по отношению к нам, русским. Что значит честное, объяснять не стоит: сами должны знать. А иначе лучше мне оружия не давайте, обязательно поверну против вас, немедленно поверну при первой же подлости с вашей стороны!"¹³

Другой из его первоначальных сотрудников, А. Казанцев, пишет:

"С появлением Власова в нашем заключении для нас, общающихся с ним, стало как-то сразу все на свои места. И не только у нас, в нашей маленькой лаборатории, но и -- мы это чувствовали, -- во всем большом антикоммунистическом русском мире. Было ясно, что если будет когда-то, так называемая русская акция, в форме ли создания национального русского правительства, или какого-то другого начинания, во главе его стоять будет только он..."¹⁴

Конечно, не все и не всегда одинаково положительно высказывались о ген. Власове. Например, И. А. Курганов вынес сдержанное впечатление от его первой встречи с ген. Власовым. В своих берлинских записках (рукопись) он пишет:

"На другой день я встретился с ген. Закутным и он сразу же спросил: ну, как? Неважно, Димитрий Ефимович, неважно. Конечно, Власов теперь наше знамя. Без этого знамени нет армии и нет надежды. Но надо его окружить действительно серьезными, честными государственно-мыслящими людьми. Спасение только в этом, только в окружении. Старайтесь повлиять на подбор такого окружения..."

Для того времени было характерно, что люди были готовы второстепенное подчинять главному. Чувство необходимости совместного труда ради спасения России было сильнее личных амбиций. Благодаря этому была

13. М. Китаев. *Как это началось*. Стр. 6.

14. А. Казанцев. Стр. 153.

сплоченность. Общее дело шли делать не только безоговорочно положительно оценивающие ген. Власова, но и критически к нему относящиеся.

У ген. Власова было много таких поступков, которыми восхищались абсолютно все и за которые были ему бесконечно благодарны.

Они диктовались свойственной ген. Власову исключительной независимостью, совершенно невероятной для условий войны и оккупации. Так, например, выступая в Риге, он открыто отклонил предложение перевода его речи на немецкий язык, заявив, что говорит для русской аудитории. Так он поступил в присутствии штаба немецкого командования, сидевшего в партере театра чуть не в полном составе. Это было летом 1943 года, когда он объезжал северный участок фронта и оккупированные русские земли. Поездка эта сопровождалась такими массовыми выражениями к нему народной любви и доверия, а он так поднимал в народе уверенность в собственные русские силы, что это произвело переполох в немецких кругах. Поездка была прервана и ген. Власов возвращен в Берлин и переведен на положение вроде домашнего ареста.

Поступков, слов, заявлений в духе приведенного выше случая, было много. Они говорят не только о мужественной независимости пленного генерала. Они говорят и о большем. О том, что у Власова и Гитлера были разные цели. Они не могли бы идти вместе даже если бы один из них этого захотел. Однако, у них был общий враг.

Все это взятое вместе делало для ген. Власова вопрос о переходе на сторону врага вопросом нелепым, просто несуществующим. С ним происходило другое: попав в немецкий плен ген. Власов вскоре убедился, что он попал к своим, волею судеб находящимся в стане врага. Был только один вопрос: как нам, русским, действовать, находясь между коммунистическим молотом и национал-социалистической наковальней.

“Власов и миллион его последователей никогда не принимали нацистскую доктрину и никогда не обещали служить интересам Гитлера после войны”.¹⁵

15. Epstein, p. 63.

Эти слова не следует понимать в смысле малодушного или дипломатического умалчивания. Нет. Не только на словах, но в самых основных документах КОНР'а, как Пражский Манифест и многие другие, говорится о самобытном устройстве политического будущего России, о том, что немецкая помощь принимается только на условиях не ущемляющих интересы России и т. д.

В этом смысле характерен первый приказ ген. Власова в качестве Главнокомандующего Вооруженными Силами КОНР'а.

"Ставка — 28 января 1945 года.

§ I. Сего числа Фюрер Великогермании передал мне, и я вступил в командование Военными Силами Комитета Освобождения Народов России".¹⁶

Не сказано: назначил или утвердил, а "передал" — факт, устанавливающий должное, т. е. передачу по назначению того, что не принадлежит немецкому Фюреру. Передача лицу, имеющему на то право, русскому генералу, который и говорит: "я вступил в командование".

Не сказано: благодарю. За что можно благодарить убившего миллионы наших людей. Не сказано: прошу. Он сам должен дать нам нужное если хочет остаться жив.

Такова была независимая позиция ген. Власова и возглавляемого им КОНР'а, людей, находящихся в немецком плену и вставших на дело спасения своего отечества.

*

* * *

Переходя к вопросу об идейных вдохновителях РОД, надо указать на обычно упоминаемые два источника: Мелентий Зыков и НТС.¹⁷ Широко распространено мнение, что именно им надлежит приписывать зарождение идеологического самоопределения Власовского Движения.

На вопрос, кто был Мелентий Зыков, точного ответа

16. "Воля Народа", от 28 января 1945 года.

17. Национально-Трудовой Союз (или Солидаристы).

нет. Это до сих пор остается неясным, так же как и сдача его в плен и загадочное его исчезновение. Во всяком случае это был далеко незаурядный человек: одаренность, разнообразие знаний, журналистические способности... все Зыкову было отпущено в большой мере. От подозрения, что он "подброшенный" советский провокатор его спасало то, что было почти доказано его еврейское происхождение. Оба подозрения — провокатор и еврей — смертные грехи в национал-социалистической Германии — карались расстрелом. Каково же должно было быть его уменье "балансировать", чтобы спасти себя и от того и от другого обвинения.

Он говорил о себе, что принадлежал к Ленинской гвардии, был, якобы, женат на дочери Бубнова, комиссара Народного Просвещения, и делал блестящую карьеру будучи заместителем Бухарина в редакции "Известий". Он был марксистом до мозга костей и его огнедышащая ненависть к Сталину зиждилась на измене последнего классическому марксизму. Зыков подал немцам свой разработанный проект победы над Сталиным.

Другим вдохновителем Власовского Движения называют НТС. Об этой организации А. Казанцев пишет нижеследующее:

"...Психологическая особенность эмиграции заключалась в том, что она была политической эмиграцией, непримиримо и активно антикоммунистической...

Мысли и чувства эмиграции, устремленные к России, сопровождали каждый ее шаг, каждое движение.

Беззаветную любовь к родине и веру в ее воскресение отцы передали и нам, второму поколению, выросшему, а отчасти и родившемуся за рубежом.

Отцы — в основном трудовая российская интеллигенция, разойдясь по всему миру, работали часто тяжелым физическим трудом, но детей воспитывали и учили, поднимая, как минимум, до своего уровня...

Отцы работали шоферами такси в Париже, углекопами в Болгарии и Бельгии, землемерами в Югославии и Африке, работали на заводах, фабриках, на лесных промыслах и в сельском хозяйстве, а на заработанные медные гроши дети кончали средние школы и университеты...

В студенческие годы, и еще раньше, мы начинали чувствовать ненормальность нашего положения, ощущать зияющую пустоту в каком-то уголке души, неполноценность свою в окружающем нас и знакомом и близком, но все-таки далеком и чужом мире. Добросовестный, но не одухотворенный труд в лабораториях и на фабриках, у заводских станков и на стройках не давал удовлетворения. Под ногами же не было почвы, в которую всеми корнями можно было бы вырасти. Так рождалась тоска по родине, по далекой сказочной стране, которую молодежь знала зачастую только по рассказам родителей.

Родина была мачехой, отвергшей нас с момента нашего рождения, поставившей вне закона без всякой нашей вины.

Мы стали искать причин происшедшего, погрузились в изучение и истории и настоящего родной страны. Мы скоро увидели, что родина — мачеха не только для нас, а и для тех, кто там живет. Так вошли мы в политическую жизнь.

Где бы мы ни были, что бы ни делали, мы всегда вели как-бы двойную жизнь. Одна — вот эта, настоящая, со службой, работой, с ежедневными обязанностями и заботами, а другая, от всех скрытая, — для души. Это была Россия, которой отдавались все лучшие чувства и помыслы. Эти чувства не под силу было носить в одиночестве. Стали делиться ими друг с другом, искать единомышленников. Так родилась организация...

Поход Гитлера на восток для нас не был неожиданностью. Начиная с 1935 года, наши друзья, сидящие в глубоком политическом подполье в Берлине, сообщали нам, что готовится страшное преступление: Гитлер вооружается, чтобы оккупировать, путем физического уничтожения обезлюдить западные области России и включить их, как аграрный придаток, в Германию...

22-ое июня поставило нас перед двумя вариантами нашего отношения к событиям — остаться в стороне и наблюдать, кто кого, Сталин Гитлера или наоборот, или броситься в эти события и устремить все свои силы на достижение наших русских целей. Для нас был приемлем только второй вариант.

План действий был сложен и труден. Во-первых, во что бы то ни стало в этой борьбе нужно было стать рядом со своим народом, во-вторых, сразу же бросить в народные массы идею о создании "Третьей силы", стоящей на

страже интересов народа, а не коммунистической партии, и при помощи ее, этой "Третьей силы", отстоять целостность страны от посягательств внешнего врага, а также освободиться и от коммунизма.

После 22-го июня мы приступили к осуществлению этого плана...

У нас были зовущие и волнующие надежды, что в этой борьбе за освобождение от внешнего врага и от внутреннего, вместе с нами будет наш народ.

В этом мы не ошиблись".¹⁸

Прочтя у А. Казанцева — деятельного члена НТС о том, как возник и что представлял собой этот Союз, нам станет понятным почему...

"... Когда Казанцев прочел этот "организационный план Зыкова", его всегда нахмуренное лицо озарила редкая для него широкая улыбка. Тогда ни Мартин, ни Гроте, ни Дюрксен не знали о тайных планах Байдалакова и его группы, и не смогли бы разгадать эту... улыбку Казанцева."¹⁹

Разгадка этой улыбки была проста. НТС, председателем которого был тогда В. М. Байдалаков, уже давно работал в Берлине над русской проблемой. Значит ли это, что на некоторые мысли проекта Зыкова оказали воздействие солидаристы? Мы этого не знаем, но нужно сказать, что идейное звучание у Зыкова и НТС было разное. Если Зыковым двигала ненависть к Сталину, прежде всего как к нарушителю идей интернационального марксизма, то НТС дорога была Россия национальная.

Интересны практические результаты работы этих двух направлений, незамедлившие проявиться в процессе их деятельности.

"К моменту организации РОД существовало два направления, о которых стоит упомянуть: программа Зыкова и программа НТС. Эти два направления и определили подбор организационного аппарата.

Зыков более стремился подобрать людей, способных хорошо работать, и меньше обращал внимания на причины, побудившие их принять участие в РОД. Его

18. А. Казанцев. Стр. 29-34.

19. *Очерки к истории Освободительного Движения Народов России*. Стр. 20.

программа в целом больше касалась тактики борьбы с большевизмом, чем ее идеологических основ...

...Непосредственным человеком, подбирившим кадры, был генерал Трухин.²⁰ ... Он стремился привлечь наибольшее число идейно настроенных людей, всеми правдами и неправдами концентрируя их вокруг себя. Он рассчитывал, что немцы рано или поздно будут вынуждены трезво взглянуть на вещи и тогда потребуются сразу большие кадры для организации Движения...²¹

Итак, в результате рассмотрения вопроса о том, кому мы обязаны возникновением Власовского Движения, следует прийти к заключению, что ни одна из сил, имевших к нему отношение, не может претендовать на право называться его родоначальником.

На Власовское Движение, как и на самого Власова, было, конечно, много влияний и кроме НТС и Зыкова. Но оно, как таковое, осталось, прежде всего, явлением стихийным, уходящим своими корнями в ту трагедию, какой обернулась для России ее революция. Власовское Движение было естественным продолжением, в условиях и возможностях Второй Мировой Войны, все той же непрекращающейся борьбы здоровых сил русского народа с марксизмом-коммунизмом.

Именно потому, что ген. Власов думал и чувствовал вместе с русским народом и как русский народ, дело Освободительного Движения и стало Власовским Движением. Определение ген. Власова "русским де Голлем" очень метко. Он был таковым, и как за таковым, за ним шли массы.

Здесь, может быть, уместна параллель: если по ту сторону фронта "Анна всея Руси" — Ахматова, была устами стона нашего народа: "... И если зажмут мой измученный рот, которым кричит стомиллионный народ",²² то такими же устами, выражающими народные чаяния по эту сторону фронта, являлся ген. Власов. Вот его слова:

20. Ген. Трухин был членом Совета НТС.

21. М. Китаев. *Материалы к истории Освободительного Движения Народов России*. Стр. 46-47.

22. Анна Ахматова. *Реквием*. И-во "Товарищество зарубежных писателей". Мюнхен. Германия 1963 г. Стр. 22.

... "Ни Сталин, ни большевизм не борются за Россию... Дело русских, их долг — борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия — наша! Прошлое России — наше! Будущее России — тоже наше!

Многомиллионный русский народ всегда на протяжении своей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет Русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в годину тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье".²³

Не идеями одного какого-нибудь человека или какой-либо группы, а тем более, не нашими врагами во время Второй Мировой войны — немцами, могло быть создано Власовское Движение. Движение, в котором участвуют миллионы людей, не ради, а вопреки личной выгоде, просто не могло быть кем-то искусственно создано. Такое феноменальное явление может быть только проявлением народного инстинкта — надличного народного сознания.

"... Эти люди, пережившие на своей шкуре 24 года коммунистического счастья, уже в 1941-м знали то, что не знал еще никто в мире: что на всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем более лукаво-изворотливого, чем большевистский, самоназвавшийся "советским". Что ни по числу замученных, ни по вкоренчивости на долготу лет, ни по дальности замысла, ни сквозной унифицированной тоталитарностью не может сравниться с ним никакой другой земной режим, ни даже ученический гитлеровский, к тому времени затмивший Западу все глаза. И вот — пришла пора, оружие давалось этим людям в руки — и неужели они должны были смирить себя, дать большевизму пережить свой смертельный час, снова укрепиться в жестоком угнетении — и только тогда начинать с ним борьбу (и посегодняя не начатую почти нигде в мире)? Нет, естественно было повторить прием самого большевизма: как он сам вгрызся в тело России, ослабленное первой мировой войной, так и бить его в подобный же момент во Второй".²⁴

23. *Заря*, 3-го марта, 1943 г. Берлин.

24. А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛАГ*. И-во ИМКА-ПРЕСС. Париж 1975 г. Том III, стр. 31.

Однако, первоосновой Освободительного Движения была вера не в силу оружия, но в силу идеи. Сознание, что в идее, несущей свое русское понимание устройства жизни без интернационала и без немцев — наше единственное спасение, было всеобщим. Это было не что-то "выдуманное" там, где-то на Западе, а потому неизвестно, как его воспримет русский народ в целом, а то свое собственное, что выражает волю всего народа. Это убеждение было в душе каждого власовца. Никто не хотел поднять руку на брата. Все горели верой в соединение разделенных фронтом людей.

Все высказанное можно суммировать следующим положением: основной политической идеей, платформой Русского Освободительного Движения было то, что созрело в глубине духа его участников — народа, прошедшего горнило страданий от попытки насильственной его переделки на коммунистический лад. Создать из русского некоего нового "советского" человека так и не удалось. Народ устоял в этой борьбе за свой внутренний облик и остался самим собой. Как только народ оказался вне советского давления, он стал проявлять свои чаяния, мечты, свои представления об основах устройства будущей государственной жизни свободной России.

Народ, многострадальный русский народ и только он породил Власовское Движение.

Коротко это выражено фразой ген. Власова: "Наша идея победит, ибо она близка русскому народу!"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОГДА ВЛАСОВ СТАЛ ВЛАСОВЫМ

Андрей Андреевич Власов родился первого сентября 1900 года в семье крестьянина села Ломакино Нижегородской губернии. Дед его был крепостным. Отец Власова стремился дать своим детям образование. — "Грамоту не за плечами носят: самый что ни на есть правильный капитал у человека!" — любил говорить он.¹

Революция застает Власова кончающим духовную семинарию. В 1918 году он поступает на агрономический факультет Нижегородского Университета. Весной 1919 года его призывают в армию. Начинается военная жизнь, ставшая его стихией.

От солдата до полковника, командира дивизии, проходит он за первые двадцать лет своей службы. После двухлетнего пребывания в Китае на военно-дипломатическом посту, в ноябре 1939 г.² он отзывается в Россию и назначается командиром 99-й стрелковой дивизии, одной из самых отсталых, в Киевском военном округе. Всего через год, на маневрах, эта 99-ая дивизия объявляется лучшей дивизией в Красной армии. Власов — "командир передовой дивизии", приобретает всесоюзную известность. К этому времени относятся первые выступления Власова по военно-политическим вопросам. Тогда в военных кругах всех волновал вопрос о подчинении политруководства военному командованию. Единомыслие в этом вопросе сближает Власова с будущим маршалом

1. В. Осокин. Стр. 12.

2. В. Осокин. стр. 18.

Жуковым. В начале 1941 года Власов произведен в генерал-майоры и назначен командиром 4-го мотомеханизированного корпуса. На этом посту его застает вторая Мировая война.

Его корпус оказался чуть ли не единственным, который не был разбит немцами и с боями отступал к Киеву. Маршал Буденный вызвал ген. Власова в Киев и возложил на него обязанности командующего 37-й армией и начальника Киевского гарнизона.³ После кратковременной тыловой службы, в конце 1941 г., ген. Власов — командующий 20-й армией. Эта армия под его командой участвует в спасении Москвы, нанеся немцам первое поражение, отбросив их до Ржева. За эту победу Власов производится в ген.-лейтенанты⁴; новое назначение — заместитель командующего Волховским фронтом с заданием освободить осажденный Ленинград. Когда 2-я ударная армия гибла в болотах и лесах под Ленинградом, ген. Власов летит в окруженную армию. Его сопровождает сестра милосердия, т.к. раненый еще под Киевом, ген. Власов не покинул строй. Долгая и безнадежная борьба окруженной армии, не получающей никакой помощи от своего верховного командования, велась в нечеловеческих условиях, закончилась разгромом и пленом.

Такой была военная карьера этого талантливого военачальника. Он не напрасно говорил: "Меня режим не обидел". Эти его слова подтверждаются нижеследующим

3. Отдавая должную похвалу, описывается защита Киева "37-й Армией, оборонявшей Киев". (Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян. *Как началась война*. И-во Министерства Обороны СССР. Москва 1970 г. стр. 277).

4. По прошествии тридцати лет, боевые действия 20-й армии в декабре-январе 1942 года, при обороне Москвы, стали предметом изучения в современных военных академиях Сов. Союза как "первая наступательная армейская операция". (Ген.-полковник Л.М. Сандалов. *На Московском Направлении* И-во "Наука". Москва 1970 г. Стр. 275).

Кто же был командующим этой армией? Имя его не упоминается. Но нет опасности, что будет в России забыто имя генерала, поставившего под Москвой врага в положение, когда... "немецким войскам грозила судьба великой Армии Наполеона" (Немецкий военный историк ген. К. Типпельскирх. *История 2-й Мировой войны*, стр. 203).

заявлением западного наблюдателя: "Этот человек (Власов) был на таком высоком счету у Кремля, что союзная (англо-американская) разведка сначала отказывалась верить сведениям о его коллаборации с врагом".⁵

Однако, он жил в Советском Союзе, в стране, где как правило, человек вынужден жить двойной жизнью. Ниже мы укажем на некоторые случаи из его жизни, которые способствовали росту сомнений, росту потаенных мыслей в молодом Власове.

Осенью 1919 г. молодой лейтенант А. Власов воюет на Дону против ген. Деникина и впервые видит, что делает с народом советская "народная" власть. В это же время его старший брат Иван — тот самый, который много содействовал Андрею в получении образования — "...был казнен по обвинению в анти-большевицком заговоре"...⁶

Как-то, будучи наедине с женой, Власов критиковал новый правительственный декрет, которому была посвящена свежая газета. Вошел близкий сотоварищ-офицер. Власов с полуслова перешел на восторженно восхваляющий тон по поводу того декрета, который он только что критиковал. По уходе офицера, жена Власова с горечью сказала: "Андрей, разве так можно жить!?"

Гнетом легло на сердце Власова раскулачение родительской семьи, как отобрали единственную корову, которую молодые Власовы подарили старикам.

Затем, "чистка" в армии — страшные годы Ежовщины — которой он сам избежал, возможно, только потому, что был в Китае. Находясь вне Советского Союза, как бы в эмиграции, он знал о всем происходящем в СССР. И, однако, вернувшись домой в 1939 году, был потрясен грандиозностью происшедшей катастрофы: сотни и сотни людей, которых он либо знал лично, либо по наслышке, знал как "верных сынов партии Ленина-Сталина", были ликвидированы как "враги народа". Тяжесть впечатления усугублялась тем, что никто ничего об этом не говорил. Не смел говорить, хотя это был уже период т. н. "оттепели", когда кровавого Ежова сменил "гуманный" Берия.

5. Lyons, p. 239

6. Epstein, p. 53

Осенью 1941 г. ген. Власов "... был назначен заместителем командующего по тылу Юго-Западного направления..."⁷ Прибыв на место своего нового назначения, он находит тыл в хаотическом состоянии и отсутствие всего того, что нужно фронту. "Кто же был виноват в этом? В его сознании постепенно вызревал, страшный в своей убедительности, ответ: — виновата только система большевизма..."⁸

Позднее, прилетев под Ленинград, в район окруженной армии, ген. Власов нашел там голодающих людей, лишенных всякой помощи Верховного командования.

"Когда Власов прибыл на Волховский фронт, он увидел голодающую Красную Армию. Солдаты получали 50 гр. хлеба в день. Его последние сомнения в мудрости Сталина, как военного вождя, были рассеяны и он окончательно убедился в том, что русские люди не хотят драться и умирать за Сталина и большевизм. Впервые в своей истории русские люди сдавались в плен и дезертировали массами, пользуясь всеми возможными методами, чтоб остаться в районах, оккупированных немецкой армией".⁹

В немецком плену наши солдаты получали 100 гр. на день и за зиму 41-42 гг. из 4 1/2 миллионной массы вымерло 3 миллиона.¹⁰ Вторая Ударная Армия это — десятки тысяч людей, брошенных собственным командованием на вымирание.

"Несколько месяцев спустя, 2-я Ударная Армия, которой он (Власов) командовал, была отрезана в Волховском окружении, на восток от Ленинграда. Несмотря на то, что Сталин предлагал выслать самолет, чтоб спасти его, Власов предпочел остаться со своими разбитыми войсками. Мысли об освобождении своей страны от режима, которому он постепенно перестал доверять, а потом и возненавидел, уже тогда захватывали его. В продолжение месяца, Власов и те, кто с ним, прятались в лесах и болотах, но потом и они были пойманы.

Это время скитаний было судьбоносным для Власова. Он потом часто говорил о вопросах, которые возбуждали

7. В. Осокин. Стр. 21.

8. В. Осокин. Стр. 21.

9. Epstein, p. 57

10. Epstein, p. 149

Пленный ген. Власов доставлен в штаб 18-й немецкой армии.

его: "Разве не было бы преступлением проливать еще больше крови? Разве не большевизм и, в частности Сталин, главные враги русского народа? Разве не первый и святой долг каждого русского встать против Сталина и его клики? Там, в лесах и болотах, я наконец окончательно пришел к заключению, что мой долг поднять русский народ на борьбу с большевистской властью, за создание Новой России, где бы каждый человек обрел бы свое счастье".¹¹

Был ли для русского патриота, желающего спасти Россию, в тот момент, другой путь, чем тот, который избрал Власов?

"Мог ли вообще Власов возлагать какие-либо надежды на западных союзников, когда решил пойти вместе с немцами против Сталина? Нет, не мог. Он попал в плен в июне 1942 г., первый раз публично заявил о готовности возглавить освободительное движение, если не ошибаюсь, в сентябре 1942 г. Каково было положение на фронтах в то время? Вся Европа была под властью Гитлера. Англия продолжала находиться в состоянии осажденной крепости, а вопрос о высадке германских войск в Англии еще не был окончательно отброшен. Япония тогда наносила США одно поражение за другим. Единственным успехом западных союзников в тот период было то поражение, которое нанес фельдмаршал Монтгоммери Роммелю в Северной Африке, под Эль-Аламейном. Жуков и Власов нанесли немцам поражение под Москвой зимой 1941-42 гг., но это был временный успех местного значения. Ранним летом 1942 г. немцы начали новое наступление, фронт стал откатываться до линии Волги. Тогда сами немцы были уверены, что смогут дойти до Урала и там остановиться, заключить мир со Сталиным. Власов, как и все мы, в это не верил, и был уверен, что даже за Уралом Сталин будет продолжать сопротивляться, что войне этой конца не будет. Но что будет, тем временем, со всеми территориями по эту сторону Урала? Должны ли они превратиться в гитлеровскую колонию или же сохранить свою независимость? Быть или не быть России?

Вот, во имя этого Власов и пошел на сотрудничество с немцами, и в этом, прежде всего, величие его подвига. Надежда на западных союзников пришла гораздо позже, когда радикально изменилось положение на фронтах. Но

11. Lyons, p. 241

тогда, — летом и осенью 1942 г., — этой надежды вообще не могло быть. И не только потому, что союзники эти были союзниками Сталина, но и потому еще, что они ничего реального тогда еще сделать не могли. Возможность победы Германии и Японии над Англией и Соединенными Штатами тогда была еще не исключена, была даже еще вполне реальной. Власов, — как командующий армией и зам. командующего фронтом, — должен был тогда хорошо знать, как яростно настаивал Сталин, чтобы Черчилль и Рузвельт открыли второй фронт в Европе и как те отвечали, что сделать этого тогда они были не в состоянии. Поэтому всякая ставка на западных союзников в тот момент была исключена. Вопрос стоял только так: быть ли России под Сталиным, под Гитлером или же можно найти третий выход — свой выход?"¹²

Но кроме фактического положения вещей, остается вопрос принципиальный. Принципиально, допустим ли путь, на который вступил ген. Власов?

"... Вот, правда, ключевой вопрос: для целей, кажущихся тебе благородными, можно ли воспользоваться поддержкой воюющего с Россией немецкого империализма?

Все единодушно воскликнут сегодня: нет! нет! нет!

Но откуда же тогда — немецкийпломбированный вагон от Швейцарии до Швеции и с заездом (как мы теперь узнали) в Берлин? Вся печать от меньшевиков до кадетов тоже кричала: нет! нет! — а большевики разъяснили, что это можно, что даже смешно в этом укорять. Да и не один там был вагон. А летом 1918-го сколько вагонов большевики погнали из России — то с продуктами, то с золотом — и все Вильгельму в пасть! *Превратить войну в гражданскую* — это Ленин предложил раньше власовцев.

— *Но цели!* но цели какие были!

А — какие? А — где они, те цели?..

— Да ведь то — Вильгельм! кайзер! казерчик! То же — не Гитлер! И в России рази ж было правительство? временное... Однако и Временное же: ЧК не имело, в затылок не стреляло, в лагеря не сажало, в колхозы не загоняло, мутью к горлу не подступало. Временное — тоже не сталинское".¹³

12. Из частного письма Н. Градобоева.

13. А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛАГ*. Том 3, стр. 36.

Очень ценное высказывание по этому вопросу мы находим у Ф.А. Степуна, беседовавшего однажды с Власовцем, взгляды которого поразили Степуна.

”Этот разговор, пишет Ф.А. Степун, произвел на меня большое впечатление не только своей душевной взволнованностью и глубиной, но и отчетливостью высказанных моим собеседником взглядов, сводимых, без особой натяжки, к следующим трем положениям: 1. необходимо делать различие между отечеством и родиной, 2. измена отечеству ради спасения родины не только допустима, но, может быть, и обязательна, 3. пребывание на чужбине без борьбы за родину, наоборот, недопустимо. Если на чужбине невозможно жить родиной, то лучше возвращаться домой, хотя бы лишь за тем, чтобы умереть у себя.”¹⁴

У Власова по отношению к Гитлеру иллюзий не было. Не было их и у Гитлера.

”Гитлер прекрасно понимал, что все множество подсоветских людей были не его сторонники, а лишь враги его врага”¹⁵

Да, единственное, что было у Власова с немцами общего это-враг, коммунизм. Трагический факт, имевший свои роковые последствия, но все же Германия была единственной страной, которая стала воевать с оплотом коммунизма — СССР.

Укажите вторую реальную силу, которая в то время боролась с коммунизмом?

Союзники?

Но они были в то время союзниками Сталина!

Да, скажут, но это только для того, чтобы разбить Гитлера.

Не спорю. Но что, однако, делать с некоторыми упрямыми фактами? Власов-ли не хотел идти с англо-американцами или последние закрывали эту возможность?¹⁶ Книга Эпштейна особенно богата потрясающими

14. Ф. А. Степун. *Новый Журнал* № 43. Н.Й. Стр. 205.

15. Lyons, p. 237

16. ”Вопрос будущего России остается открытым, писал Власов. Она может ориентироваться на США и Англию, если Германия не проявит достаточной ясности в этом вопросе”. Dallin, p. 554

фактами, вскрывающими торговлю живыми людьми,¹⁷ неприкрытый обман¹⁸, тайные сговоры в обход официальных соглашений,¹⁹ моральное падение Америки.²⁰

На кладбище в штате Нью Джерзи есть могилы покончивших с собой в Форт Дикс русских военнопленных.²¹ Это, наверно, одни из тех многих тысяч, которые сдавались американцам с американской листовкой,

17. Договор союзников определять личность пленного по надетому на нем мундиру, полностью игнорировался по отношению к власовцам (немецкая форма) и полностью соблюдался по отношению к немецким гражданам, носившим английский или американский мундир. — Epstein, p. 31.

18. "Власовские солдаты, так же как и несчетные тысячи русских солдат, которые официально не принадлежали армии ген. Власова, сдались в плен американцам (меньше — англичанам и французам) по ясному и определенному приглашению Запада. Это приглашение сдаваться в плен американцам, например, было сделано при помощи миллионов американских листовок, сброшенных на западных территориях всей Германии.

Приблизительно 90% всех пленных, взятых на Западе, имели при себе (на себе) эти Союзные листовки. Это не удивительно, т.к. приблизительно 6 миллиардов листовок было сброшено на Европейский континент с аэропланов, имеющих свои базы в Англии, с сентября 3, 1939 до безусловной капитуляции Германии 7 мая 1945 года. Большая часть этих листовок приглашала противников, включая Власовских и не-Власовских советских, сдаваться Западу, который торжественно обещал хорошее отношение в соответствии с Гагской и Женевской Конвенциями". Epstein, p. 27 & 28.

"Следовательно очевидно, что официальный Доклад о Листовках, представленный ген. МакКлур (бриг. ген. Роберт МакКлур, глава Отделение Психологической Войны) искажал правду. Он не упоминал тот факт, что в июне 1944 г. ген. Айзенхоуер уже начал американскую акцию Килевание, в то время как Отделение Психологической Войны генерала МакКлур продолжало сбрасывать миллионы листовок, опровергая немецкое утверждение, что США будут насильственно выдавать советских поданных". Epstein, p. 29.

В результате этого из США были выданы все 28. 000, взятых в плен при высадке в Европе. Из Англии в октябре 1944 г. любезно доставлено в Мурманск 10. 000 человек. Bethell, 23

19. Секретный договор Англии с Советским Союзом — Epstein, p. 28-30

20. Администрация президента Рузвельта предпочла "Великого Союзника" "Великому Принципу" свободы личности. — Epstein, p. 197

21. National Cemetery at Salem, N.J. Epstein, p. 80-81

гарантирующей их невыдачу в руки Сталина. У того же Эпштейна²² подробно описана судьба тех, кто доверился американскому обещанию. Следует сказать не судьба, а трагедия, неслыханное бесчеловечие, которое несмысленным пятном останется в истории США. Этих советских военнопленных первоначально хотели погрузить на советский пароход в Сеатле, штат Вашингтон. После их кровавого сопротивления, пытались вторично, уже в Форт Дикс, Нью Джерси, предварительно одурманив газами, опять погрузить. Придя в себя, несчастные разгромили машинное отделение парохода и тем лишили его возможности двинуться. Их взяли обратно в Форт Дикс.

Некоторое время спустя был изобретен замечательный способ как, без всяких неприятностей, сдать этих русских их "хозяевам": в кофе всему лагерю было подмешано очень сильное снотворное и их, бесчувственных, как дрова погрузили на пароход.

И все это процветало при наличии Женевской Конвенции. Уживалось как двуликий Янус: написанное на бумаге и действительность.

"Женевская Конвенция, которая оставалась в силе со времени II-й мировой войны и не предусматривает возможности насильственной репатриации. Дух ее выражен в § 2: Военнопленные... должны во всякое время иметь к себе отношение человеческое и должны быть защищены, особенно от актов насилия, от оскорблений, и праздно любопытства... Меры репрессии против них запрещены".²³

Но, может быть, за все такие действия несут ответственность только местные власти, действовавшие без ведома администрации? К сожалению, вряд ли.

Обратимся к книге ген. Джона Дин, возглавлявшего с октября 1943 года по октябрь 1945 года американскую Миссию в Советском Союзе, имеющую своей целью создать более тесную координацию военных и политических действий США и СССР.²⁴ Вряд ли можно усумниться, что столь высокопоставленное лицо могло быть не

22. Epstein, зю 103-104

23. Epstein, p. 13

24. Deane, p. 10-11

осведомлено о проблемах русских военнопленных. Генерал Дин сам писал, что "... русские, взятые в немецкой форме... почти без исключения протестовали против возвращения их в советские руки из-за боязни жестокой кары".²⁵

Однако, этот же генерал на Ялтинской конференции союзников в феврале 1945 года подписал, как представитель США, договор с Советским Союзом — документ, излагающий правила репатриации.²⁶

Кого, после всего этого, следует клеймить ставшим позорным словом "коллаборант" — власовцев или западные демократии? Или коллаборирование с кровавым коммунизмом — добродетель, а с кровавым нацизмом — смертный грех?

Шила в мешке не утаишь, говорит пословица. Проходят годы и тайное становится явным.

Краснеть (не говорю уже о большем!) в наше время люди разучились... Однако, факты остаются для истории.

Вот, для примера, два из них, документально подтвержденные почтенным английским лордом Н. Бетелл, автором книги "Последняя Тайна".

Гиммлер, обращаясь к генералам СС 4 октября 1943 года, сказал:

"Что будет с русскими или чехами, меня совершенно не интересует... Если 10. 000 русских баб издохнут от изнеможения, копая антитанковую канаву, то это будет меня интересовать лишь только в смысле того, закончена ли эта канава, нужная Германии, или нет".²⁷

Р. Дж. Григг (английский военный министр) в августе 1944 года писал Антони Идену (министр иностранных дел) о стоящей перед британским кабинетом министров дилеммой: удовлетворить требование Сталина и выдать русских, попавших к англичанам при инвазии в Нормандии "на верную смерть"²⁸ или не выдать их и тем riskовать задержкой с возвращением и возможными трудностями для пленных англо-американцев, попавших в руки

25. Deane, p. 187

26. Epstein, p. 25

27. Bethell, p. 70

28. Bethell, p. 8

Советов на территории Германии и Польши. "... при выборе между трудностями для наших солдат и смертью для русских наш выбор прост".²⁹

По прочтении этих цитат вряд-ли нужно имеющему совесть читателю помогать делать вывод.

Чем, однако, можно объяснить такое недостойное поведение союзников?

"Британская боязнь советского "возмездия", которая, как мы увидим, полностью разделялась американцами, была основана на том факте, что тысячи немецких беженцев боролись против Гитлеровского Третьего Рейха в британских и американских рядах. Обе страны опасались, что эти немецкие граждане, попав в немецкий плен в британской или американской форме, будучи позднее освобождены Красной армией, будут рассматриваться Советами не судя по их мундирам, не как британцы или американцы, но как немцы. В таком случае, Советы, не придав значения мундирам, могли бы послать их как "немецких" пленных в те Сибирские рабские лагеря, в которых так многим немецким военнопленным пришлось томиться более десяти лет"³⁰

Так за чужое благополучие платили русскими головами и американской совестью!

Можно ли допустить мысль, что официальные союзники Сталина были неофициальными союзниками Власова, союзниками идеи свободной России, России без коммунизма, расизма, капитализма?

Есть ли друзья у идеи русской самостоятельности: "Россия — наша, Прошлое России — наше. Будущее России — тоже наше", или принятие этой идеи — смертельный приговор принявшему ее?

Конечно есть! Есть и среди американцев и англичан и немцев, как и среди самих подсоветских людей. Ниже мы приводим один из таких поразительных случаев, о которых нечасто приходится слышать. Это, однако, не значит, что подобные явления столь же редки, сколь редко они получают огласку, становятся нам известны.

"После страшных лет ежовщины я больше не верил, что в Советском Союзе... может существовать какая-либо

29. Bethell, p. 10

30. Epstein, p. 31

подпольная организация... хотя бы небольшие группы, которые выступали бы на борьбу с режимом"... Так пишет полковник советской армии В. Ершов, заведывавший приемно-распределительным пунктом, пропускная способность которого была от 3. 000 до 5. 000 человек. Требовалось, чтобы все репатриированные, отправляясь дальше на места заключения — принудительные работы, уже имели судебный приговор. "Тройка", выносившая такие приговоры, должна была успеть вынести около 1.000 приговоров ежедневно. Пол. Ершов рассказывает, как однажды к нему приехал высокий армейский чин и посвятил его в ряд тайных действий, благодаря которым открывалась возможность бежать из таких лагерей сотням людей... Полковник Ершов включился в эту конспирацию и тем спас много жизней.³¹

А сколько мы знаем американцев, которые поступали так же благородно, спасая от выдачи большевикам сотни "власовцев" и "остовцев"? Честь им и слава! Их поступки спасали честь американского флага!

Да, друзья у свободной России есть. Однако, наличие благородных англичан еще не спасает от бесчестных поступков английских властей, как, например, выдача большевикам безоружных казаков (Льенц, 1945 г.). Так же как не спасает множество добросердечных американцев от бессердечных и кровавых выдач русских солдат из Платлинга (Европа), Форт Дикс'а (США) и многих других мест.

Ген. Власов искал дружественной помощи и у немецких патриотов, многие из которых погибли, когда был раскрыт заговор на жизнь Гитлера, и у союзников, через генерала Малышкина в Париже, через генерала Жиленкова в Швейцарии, и через Ю. С. Жеребкова в различных посольствах европейских государств. И что же?

"Люди Власова хотели бороться против Сталина и сталинизма — режима, который никак не лучше Гитлеровско-нацистского режима — но были отвергнуты Западом по одной лишь причине: Запад был в союзе со Сталинским режимом террора".³²

31. *Новый Журнал* № 32. Нью Йорк 1953 г. стр. 220.

32. Epstein, p. 63

В самом первом своем воззвании, написанном в Виннице, в 1942 году³³, ген. Власов писал, что нет вопроса о необходимости свергнуть сталинский режим в России, но есть вопрос, на кого в таком деле опереться: на Германию или Англию и США?³⁴

Почти пророческими для времени, которое к нам очень приблизилось, звучат слова, взятого американцами в плен и дававшего свои показания, старого немецкого генерала-от-кавалерии Кёстринга:

”Мы, немцы, безусловно, из-за глупости, неспособности и незнания, уничтожили величайший капитал, который когда-нибудь существовал на земле для борьбы с коммунизмом... Вы не поймете сейчас, когда я говорю вам, что вы теперь уничтожили этот капитал во второй раз... Очень может случиться, что вы будете с отчаянием взывать в ближайшем будущем к тому, что вы сейчас уничтожили”...

Рассказывая об этом, Эпштейн добавляет:

”...Капитал, о котором говорил ген. Кёстринг, была дружба и помощь русских людей в борьбе с коммунизмом. Мы (американцы) расточали его, выдавая русских патриотов на сталинские виселицы и в лагеря рабского труда”.³⁵

Остается вопрос: почему же эта военная миллионная антикоммунистическая сила не превратилась в могучую армию, если и немцы и англо-американцы были бесспорными антикоммунистами?

Кто, в так называемом свободном мире, противопоставляющем себя миру коммунистическому, несет за это ответственность? Или говорить об этом бесполезно, не только сейчас, но и тогда, когда будут открыты все до сего дня еще засекреченные документы, ибо все решающее в делах такого рода делалось без протоколов и документов? Кто и для чьей выгоды это делал?

33. *Против течения* 1954 год № 2, стр. 83-85.

34. Dallin, p. 554

35. Epstein, p. 71

Давая название этой главе — когда Власов стал Власовым, — я не думал только о его политическом прозрении — когда его глаза увидели ложь коммунистической системы.

Говоря *когда*, я не имею ввиду день и год, а ту высоту, до которой поднялась его личность.

Для меня ген. Власов не только генерал или политическая величина. Говоря о его облике, для меня встает вопрос: "чем жив человек". Говорить о Власове в моем понимании, это не только говорить об одном из тех, кто пытался освободить нашу родину, а и о том, *что* он был бы способен вложить в эту "лучшую долю" будущего своего отечества. Человек не способен совершить больше того, на что он способен. Внешняя дееспособность не может быть больше, чем внутреннее созревание. Высота, градус этой внутренней зрелости определяет в человеке тот предел человечности, на которую данный человек способен.

Скажем так: *когда* тесто стало хлебом — когда Власов стал Власовым.

Все сдвиги, все прозревания в нас происходят постепенно. И если решение встать на путь борьбы за светлое будущее своего народа: "...за землю, за волю, за лучшую долю..."³⁶, ген. Власов принял, т. е. политически прозрел, в болотах и лесах под Ленинградом, то это не значит, что с этого момента прекратился его внутренний духовный рост.

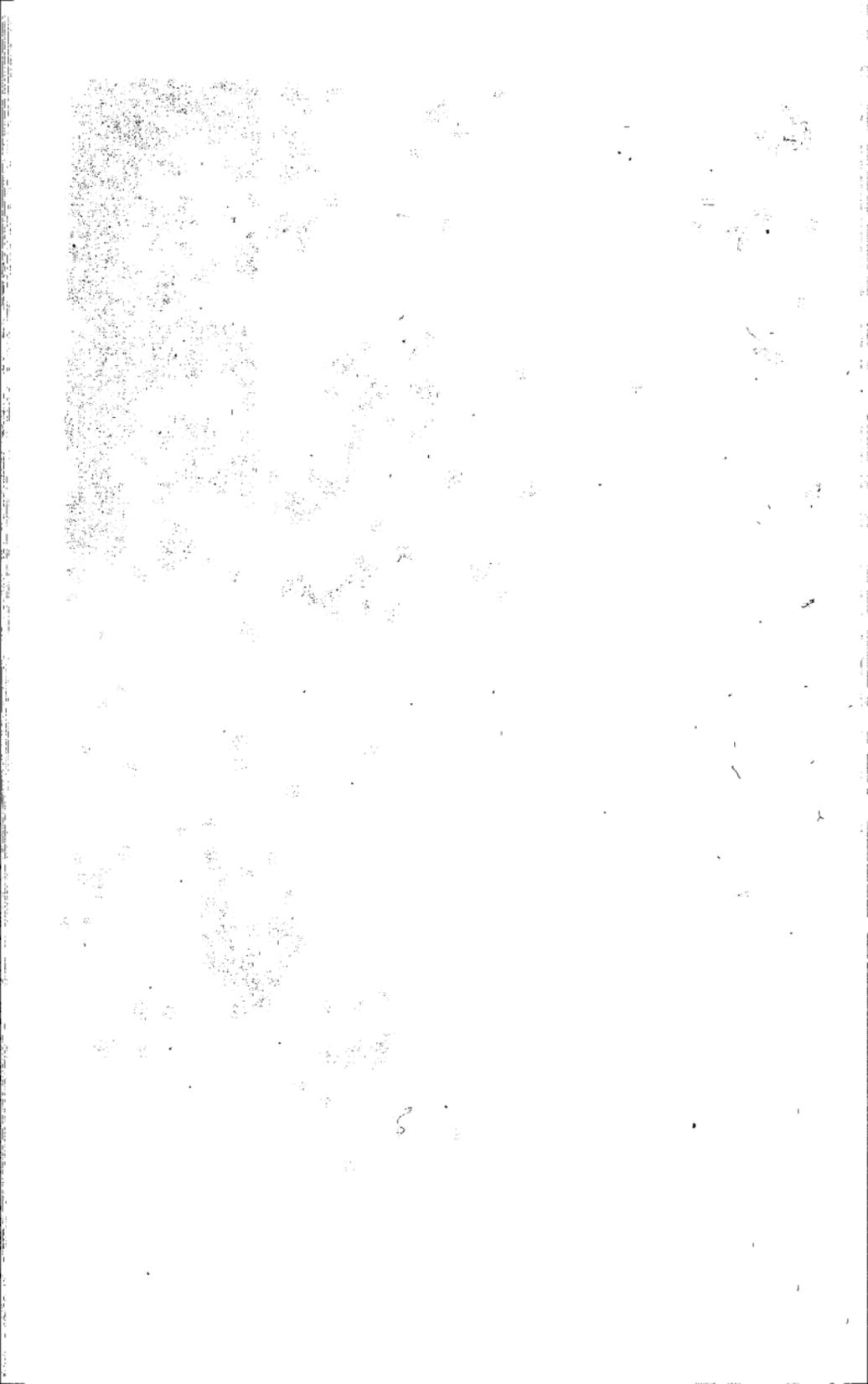
Одна из черт советской деспотии заключается в изоляции человека, лишении его возможности свободного общения и обмена мнениями. Даже информация о многом из происходящего в своей собственной стране недоступна советским гражданам. Как это ни странно, но плен открыл эти закрытые возможности.

Пленные советские генералы еще за 15 лет до того, как Хрущев сказал о преступлениях Сталина на закрытом заседании 20-го съезда КПСС в ночь на 25 февраля 1956 г.,

36. Песня добровольцев РОА, "От края и до края".

Ген. Власов в немецком лагере военнопленных.

поведали друг другу все те же ужасы и даже гораздо больше, чем то, что рассказал Хрущев. Хрущев должен был, обвиняя Сталина, обелять остальных главарей режима и партию. А им этого не нужно было делать. Они могли говорить все, что они знали и думали.

Это обстоятельство имело огромное значение.

Вторым важным моментом для расширения кругозора ген. Власова и его соратников оказались "штрик-штрикфельдты" — "русские немцы", люди, чья психология и воззрения не могли даже присниться подсоветскому человеку.

И, наконец, "белобандиты" — от полковника царской службы К. Кромиади — человека незапятнанной чести, до множества эмигрантской молодежи, жившей подлинной любовью к России и безграничной жертвенностью ради нее.

Все это впитывал ген. Власов. Все это оставляло след и на его внутреннем облике.

"Но в час полного немецкого поражения Власовская армия достигла часа славы — в Праге, *против* немцев".

Там же читаем:

"Власовская Первая Дивизия, под командой генерала Буняченко, единственная полностью вооруженная дивизия, — пришла на помощь находящимся в очень трудном положении Чешским резистантам и спасла город от немецкого уничтожения. В смертельной агонии, РОА смогла таким образом показать — для истории — на чьей стороне она подлинно была".³⁷

Слава? Величие?

В чем оно?

Когда Власов стал Власовым? Тогда, когда спас Москву от немцев?

Или, когда в немецком плену уподобился Кузьме Минину, сказавшему: "заложим жен и детей, но спасем Отечество"?

Или тогда, когда отказывался скраться³⁸ или бежать

37. Lyons, p. 251

38. Пол. В.В. Поздняков. "А. А. Власов". Сиракузы. США. 1973 г. стр. 427-428.

аэропланом в Испанию³⁹, или тогда, когда пошел на муки? Что делало его способным не уклоняться от этого страшного пути?

Может быть только один ответ:

Вера в то, что реальность присуща не только силам материальным, но еще в большей мере силам духа, что как "кровь мучеников — семя Церкви", так кровь патриотов — семя возрождения отечества.

Отказываясь от аэроплана, он сказал: "Вождь, бросающий своих людей в критический момент, становится бесполезным и для будущего... Я должен дойти до конца мне предначертанного пути".⁴⁰

Претворив эти слова в дело, ген. Власов стал русским национальным героем, сила которого не зависит от того, жив он или мертв.

*
* *

С благодарностью хочу привести слова американского автора, сказавшего: "Для многих его (Власова) имя стало знаменем. Они уверены, что когда-нибудь ярлык предателя будет снят с его памяти и он займет свое место среди великих героев свободного русского духа".⁴¹

39. Свен Стеенберг. стр. 216.

40. Свен Стеенберг. стр. 199.

41. Ю. Лайенс, стр. 252 -- 253.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВНУТРЕННИЙ МИР ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА

Можно ли забыть берлинское утро 22-го июня, когда, готовясь идти в церковь, — это был воскресный день, — я услышал сообщение по радио о начавшейся войне с Россией. Боже мой, ведь там уже льется русская кровь! Сколько новых страданий принесет война... и как встречная волна моего сознания: но ведь только этой кровью может придти освобождение от того моря крови и мук, которые претерпевал народ наш под коммунистической властью. Конечно! Какие могут быть сомнения! Может-ли война унести столько жизней, сколько два десятилетия коммунизма? Господи, спаси Россию!

Иду в церковь. На улице взволнованно переговариваются прохожие. У церкви русские люди гудят, как пчелы около улья. Служба идет особенно проникновенно и как-то расставляет в душевном мире вещи по своим местам. Помню, какой необыкновенной силой упования и незыблемой надежды звучали слова — "все святии земли Русской, молите Бога о нас". Канон особой службы всем русским святым мы пропели на молебне после Литургии и продолжали петь его ежедневно, собираясь в церковь на Находштрассе, чтобы взывать к милости Божией о судьбах своего народа...

И пошло, и пошло. Немецкие победоносные радиосводки с фронта, который не продвигается, а просто катится все дальше и дальше, вглубь России. В кинематографах, в специальных обозрениях, все больше показываются виды России, русские лица, наших пленных...

впиваешься глазами в каждое родное лицо, в каждую избу или дорогу, и все это мысленно крестишь и крестишь — спаси их, Господи!

Вот первые встречи с какими-то русскими, обнаруженными нами на починке железнодорожного полотна... Сначала их нужно было искать, потом их было все больше и больше: "ost" — рабочие с Востока, "P" — поляки, — евреи. Эти нашитые на грудь значки лишали человека права ехать трамваем или зайти в ресторан, в поезде позволяли находиться только в специальном последнем вагоне.

Большинство этой "рабочей силы с Востока" ("остовцы", "осты") которая вскоре стала исчисляться миллионами, жило в специальных лагерях, за колючей проволокой, при фабриках и заводах. Многие работали у крестьян или домашней прислугой. По существу, они все были бесправны и отношение к ним всецело зависело от лица, в распоряжении которого те или другие из них находились. Поэтому и условия их жизни были разные. Преобладали, конечно, как и при всяком рабовладельчестве, эксплуатация и произвол.

Моя священническая миссия заключалась в проникновении в "остовские" общежития и лагеря для военнопленных.

Дело это сочетало в себе самое радостное и самое горькое. Горькое — от бессилия помочь, от скорби видеть как вымирали, как мучились, сколько скорби переносили люди... радостное, как пасхальное ликование, от встречи с такой высотой духа, терпения, такой веры, о которой до того только читал в Евангелии. Во время этих путешествий я научился верить в русский народ. Не в существовании в его среде только отдельных праведников, но в сам народ, в его массу, в которой, несмотря на множество грехов, ощущаешь неистребимость образа Божия.

Попадать в такие лагеря было очень трудно.

Без разрешения от соответствующего отдела политической полиции¹ туда вход был закрыт. Хождение в это

1. "SD" — Sicherheitsdienst — Служба государственной безопасности.

учреждение было не безопасным делом, но мой настоятель (архимандрит Иоанн Шаховской) усердно меня туда посылал, ободрял, хотя называл это "хождением в львиную пасть". Был у меня такой случай. Я узнал, что в лагере сидит мой однокурсник по семинарии о. Дионисий Ильин. Понес в это учреждение ему "передачу" (пищевую посылку). Ее приняли, хотя и уверяли, что он ни в чем не нуждается. Когда же я принес вторичную передачу, то мне сказали, что если я и теперь не поверю, что у него всего достаточно и принесу еще одну передачу, то им не останется ничего другого, как послать меня туда, чтобы я лично убедился в правоте их слов. Признаюсь — третьей передачи я не понес...

Мне не пришлось побывать в самых страшных лагерях военнопленных, после посещения которых полк. К. Г. Кромиади сказал: "за это время я отучился смеяться²."

Но и мне довелось кое-что повидать. По сей день я не расстанусь с той чашей и, совершая Литургию, употребляю именно ее, ту, с которой я объезжал тогда лагерь и из которой причащал тысячи тех, большинства которых уже давно нет на этой земле. Среди них были смертники, приговоренные к казни и приговоренные к вымиранию от голода, были принимавшие мой путь — РОА и те, которые не шли ни на иоту "коллораации". Как сейчас слышу стук их бесчисленных ног в деревянных колодках по немецким дорогам. Истощенных, еле идущих, но с песней: "Страна моя, Москва моя, ты самая любимая..."

Уже позднее, в Фюссене (Бавария), в первые недели после конца войны, у меня произошло разногласие с митрополитом Анастасием. На Духов День он хотел служить сам в маленькой нашей эмигрантской церковке, а я хотел пойти служить в пересыльный лагерь, из которого отправляли тысячи людей в Сов. Союз. Св. Антиминс, (без которого нельзя служить Литургию), был только у меня... Митрополит исходил из своего сознания главы церкви, молящегося "за всех и за вся", а я из необхо-

2. Полков. К. Г. Кромиади — офицер царской армии, будущий начальник личной канцелярии ген. Власова.

димости дать увозимым последнюю молитву и последнее Причастие. Не послушался я, норовистый был, и ушел служить в лагерь, из которого мог и не выйти — лагерь был уже советский — и все с той же "моей" чашей.

Что значит: из этого лагеря я мог и не выйти?

Это был один из многочисленных сборных лагерей, куда свозили "остов" — "восточных рабочих", просто сказать — русских, для отправки на родину. Он находился уже в руках советской администрации и для привезенных туда свободного выхода уже не было.

Можно ли односложно сказать о настроениях тех, кто там был? Конечно, нельзя. Там были и такие, которые хотели вернуться, которые и хотели и боялись, и те, которые как огня боялись мысли о возвращении. И все это было покрыто одной общей "защитной окраской" — мы ликуем, что возвращаемся на родину! Нужно себе только представить: пришли в движение миллионы. Одних русских, по данным Стеенберга, через это прошло 6 — 7 миллионов человек.

Почему не бежали? Как не бежали. Бежали. Ведь "остов" в Германии было приблизительно десять миллионов, а отправили в СССР — семь. Где другие? Вот, они-то и бежали.

Но не думайте, что это легко. Бежать без документов, без денег в чужой стране, без языка!

Помню вот этот самый лагерь в Фюссене — сколько людей плакало, просило о богослужении и о последнем Причастии...

В таких лагерях с каждым днем крепло ощущение, им хорошо известной, хозяйской руки и многие оцепеневали, как кролик перед удавом: "Советская власть все равно, рано или поздно, всех заполучит, выловит, так уж лучше скорей!".

Помню такую мрачную картину. Приехал я в какой-то огромный рабочий лагерь. На обширном дворе, между фабричных зданий с какими-то зловеще дымящими трубами, происходит смена рабочих — отработавших сменяют новые. Между толпами худых и оборванных людей по двору мечется верхом на лошади комендант и палкой "содействует" ускорению движения. Сумерки,

красный отсвет от каких-то фабричных печей, ругань коменданта, визг от страха перед лошадью, крик отведавших комендантской палки... Ад! И в этом аду люди, и я с ними, молились так проникновенно, как, наверное, только в раю молятся. Там я крестил за-раз, одновременно, свыше 80-ти младенцев.

В Нюрнберге мне довелось иметь дело с неким офицером СС, заведывавшим всем районом, который содействовал мне и даже дал возможность устроить курс для группы православных проповедников в остовских лагерях. По моему выбору, из разных лагерей в Нюрнберге, была собрана группа благочестивых православных людей, с которыми я провел целую неделю, готовя их к будущей деятельности. Может быть из этого начинания могло выйти дело значительной духовной помощи нашим "остовцам", но все пошло прахом и вот почему. На Нюрнберг был произведен большой воздушный налет. В одном из лагерей были убитые. Чтобы показать добросердечие немцев на фоне жестокости врагов, было дано разрешение желающим вместе со мной сопровождать гробы убитых на кладбище. Но произошло неожиданное -- вышел весь лагерь. Тысячи людей, плачущих и поющих "Святой Боже", остановили движение... В результате этого "моего" СС-овца куда-то убрали, а я был подвергнут долгому допросу, не было ли во всем этом злого умысла.

Мне удалось вывезти из полуразрушенного Берлина епархиальный книжный склад³ и поместить его в окрестностях, в лагере для "перевоспитания" советской интеллигенции.

Некто, прочтя в этом лагере на двери нашей комнаты: "Епархиальный книжный склад", сказал, что после этого если он и в аду встретится с епархиальным книжным складом, то уже больше не удивится.

Ад-то адом, да и в аду люди. Что вы скажете о таком случае. Во главе этого лагеря, в котором были, конечно,

3. Этот книжный склад был делом архимандрита Иоанна (Шаховского), от которого он был отобран Гестапо (Тайная государственная полиция).

не только русские, но и разные "нацмены", стоял немец, значительный партиец из Розенбергского "Ост-министерства". Ходили слухи, что он не чистокровный немец, а есть в нем грузинская кровь. Однажды, на каком-то грузинском празднике, грузины решили проверить своего "лагер-фюрера", который тут же присутствовал как почетный гость. В лагере был замечательный танцор-грузин, который в свое время часто танцевал перед Сталиным. У грузинов есть чтимый обычай, что если танцующий лезгинку подойдет к кому-либо и поклонится, то тот, кто бы он ни был, знатный или старый, но танец должен продолжить. Иначе он не грузин. Если я не точен в передаче этого обычая, то прошу грузин простить меня. И вот, этот танцор в разгаре танца вдруг подошел и поклонился... "лагер-фюреру". Зал замер. Немец-партиец, в соответствующем его чину мундире, встал ... и протанцевал лезгинку. Не важно, сколь совершенен был его танец, а важно, что и под *таким* мундиром может властно заговорить сердце.

Вот почему в жизни нет такого ада, где не было бы надежды.

Благодаря этому и я в этом лагере нашел много добрых и верующих русских людей, при помощи которых у нас там развернулась значительная миссионерская работа. Скоро у нас собралась большая картотека адресов тех лиц, кому и через кого мы слали евангелия, книжки, крестики, иконки. Создались десятки религиозных православных ячеек в Германии, находившихся с нами в постоянном сношении.

Возле этого лагеря была немецкая кирка. Пастор, после его воскресных служб, предоставил свою церковь для православных богослужений. Нашими художниками был создан легко разбирающийся прекрасный двухярусный иконостас. Пели два хора — русский и грузинский, и большая кирка наполнялась православным людом.

В подвале под приходской библиотекой на Прагерштрассе, в Берлине, был создан некий центр помощи — склад одежды и продуктов, для поддержки, главным образом, военнопленных, чье положение было

хуже, чем положение "остовцев". Сколько заботы и любви вкладывали в это люди, главным образом, женщины. Собирали подержанную одежду — стирали, перешивали, искали пути передать нуждающимся. Особенно было трудно достать еду, ибо ее было очень мало и у живущих на свободе. Покупать где-то на стороне, на "черном" рынке, было невозможно из-за очень высоких цен. Иногда выручал чеснок, который, являясь витаминным продуктом, не имел, однако, у немцев широкого распространения, — когда его удавалось достать, была большая радость. Сытому трудно понять, но в те времена ломоть хлеба, головка чеснока, продлевали человеку жизнь.

Вспоминаю случай, когда в ответ на обоюдно опасные передачи нашим пленным, работавшим на Берлинском ипподроме, нам в ответ передали чайку, эмблему МХАТ-а, вырезанную ножом из куска кости. Заинтересовались. Это оказалось искусством рук актера МХАТ-а, С. Н. Сверчкова, находившегося на грани истощения.

Таких очагов помощи как наш, было много и при церквях, и организованных по частной инициативе.

Много молодых людей шло по "зеленой дорожке" т.е. нелегально, в оккупированные немцами русские земли, чтобы собирать там "третью силу" — ни с немцами, ни с большевиками. Эту работу вел НТС.

Берлинский кафедральный собор в то время из здания, открывающегося в определенные дни и часы для богослужений, превратился в денно и ночно живое место участия и помощи. Под собором был большой подвал с огромной печью для центрального отопления. В этой печи всегда, в большом подвешанном чугуне, варилась какая-нибудь похлебка для каждого голодного... Службы стали ежедневными и утром и вечером, а если прибавить молебны и панихиды, то без малого — непрерывными. Душой всего этого был молитвенный и мудрый батюшка отец Адриан, новый беженец с юга России, прибывший с большой группой верных Церкви и ему людей.

Были организованы краткосрочные богословско-миссионерские курсы, где по вечерам, после закрытия официальной библиотеки, опустив глухие шторы, мы

готовили будущих священников. Всё для нее, для России.

Чтобы закончить описание той жизни, на фоне которой в Берлине появился ген. Власов, скажу, что небольшие берлинские церкви переполнялись и не могли вместить многих сотен "остовцев", которые по воскресеньям приходили в храмы. Особенно много собиралось в Собор. Митрополит Серафим получил однажды распоряжение от Гестапо⁴ не допускать "остовцев" в церковь, ибо там они соприкасаются с русскими эмигрантами. К чести митрополита, он имел мужество ответить, что его дело привлекать людей в церковь, а не препятствовать их приходу.

Воскресенье. Собор переполнен, по преимуществу "остовцами", до отказа. Совершается Литургия. Но вот завyli сирены, предупреждающие о воздушном налете. Мне поручено выйти из алтаря к молящимся и сообщить, что желающим рекомендуется поспешить в ближайшее бомбоубежище, но что совершение Литургии будет продолжаться. Вышли из храма единицы... Под гул зенитной артиллерии и страшные разрывы совершалось таинство Божественной Любви...

Такова была жизнь в то время, когда произошла моя первая встреча с ген. Власовым. Я был приглашен крестить младенца, отцом которого был один из видных офицеров только еще начинавшегося Власовского дела. К нежеланию этого офицера жениться на матери ребенка, ген. Власов относился неодобрительно. В знак этого, он вызвался быть крестным отцом младенца. Устроить крестины взяли на себя супруги Деллингсхаузен. Ротмистр барон Деллингсхаузен, бывший офицер русской царской армии, а теперь немецкий офицер, принадлежал к кругу тех русских немцев, которые способствовали делу ген. Власова. Баронесса Деллингсхаузен, Олимпиада Ивановна, была чисто русская, из московской купеческой семьи, человек исключительно милый и добросердечный. Во время крестин я был поражен тем, что крестный отец — ген. Власов, мог самостоятельно, наизусть, читать Символ Веры, чего очень часто не могут делать крестные

4. Тайная государственная полиция.

из-за незнания на память этого текста. Да, Власов, как в свое время и Сталин, учился в Духовной семинарии. Но ведь более двадцати лет отделяли Власова-семинариста от Власова-генерала. Мог ли он помнить эти слова, если хоть изредка не повторял их?

Что представляет собой этот генерал? Каков его внутренний мир? Эти мысли мелькали во мне, когда басистый голос статного, еще молодого генерала, читал и дочитывал Символ нашей православной веры: "... чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь".

После крестин, как обычно, всех пригласили к столу. Весь этот вечер разговоры были только о России, о нынешнем ее положении, о нашем долге в связи со всем происходящим.

О наших отношениях с немцами Власов без стеснения говорил, что немецкий "сапожник" упрям и недалек, что следует опасаться, как бы он не стал "ногу увечить по сапогу, а не сапог шить по ноге". Любовь к России светилась в каждом его слове — просто и естественно, без тени позы или сентиментальности.

Он с глубоким уважением говорил о Церкви, но Церкви прошлых времен. Сетовал на Церковь последних предреволюционных десятилетий за то, что она больше жила духовным богатством своего прошлого, чем умножала его в настоящем. "Жить Церкви тем, что "наши предки Рим спасли" нельзя, батюшка", сказал он мне. Его мнение, что религию нельзя ни запрещать, ни навязывать, что "она как вода, сама себе дорогу найдет", мне казались как раз тем, что было нужно для духовного восстановления России.

Все, что я слышал в этот вечер от ген. Власова, отвечало моим чувствам. Я ушел с крестин власовцем. Думаю, что и я, в какой-то мере, был ему симпатичен, ибо он настоятельно звал меня работать в общем деле и чаще бывать у него.

Так началась полоса моего деятельного участия во Власовском Движении и ряд встреч с ген. Власовым.

Если бы я, по характеру своему, больше был созерцателем, то мог бы собрать огромный материал наблюдений. Но я всегда был больше деятелем и во все то, что было мне близко и дорого, входил, как говорится "по уши". И все же, кроме чисто церковного служения, которым я участвовал в общем деле, мне приходилось многократно встречаться с ген. Власовым, ген. Трухиным, ген. Меандровым и другими. Возможно, что именно то, что видел я, не видел и не знал никто другой, это и обязывает меня написать эту книгу и тем сохранить для будущих дней все то, что я знаю о ген. Власове и его деле.

Ген. Власов жил в пригороде Берлина — Далем, где ему был отведен средней руки двухэтажный дом с небольшим садом. Тут же размещался и штаб его ближайших сотрудников.

О его личной жизни говорили разное. Молва же, распространяемая советской агентурой, не скупилась на краски, рисуя его жизнь богатой, разгульной и предельно безнравственной. На самом же деле ничего этого не было. Ни разгула, ни богатства, ни иных каких-либо вещей, отличающих его жизнь от обыкновенной жизни большинства, не было в Берлинской жизни ген. Власова. Сказанное выше не только мое мнение, но и свидетельство людей, которые бок о бок, под одной крышей, жили с ним изо дня в день, как, например, полковник К. Г. Кромиади — начальник его личной канцелярии, С. Б. Фрëлих — офицер связи, капитан П. В. Каштанов — начальник личной охраны и другие.

Как пример сдержанного поведения, свойственного ген. Власову, можно привести воспоминания И. Л. Новосильцева, присутствовавшего на ужине, данном министром Франком в честь Власова после подписания Манифеста в Праге. Ужин был богатый, вино, как говорится, лилось рекой. Многие не устояли перед соблазном и их поведение вызвало неодобрение Власова. Сам же он был к себе строг и не позволял себе никакого излишества. Чтобы проверить себя, он подозвал к себе Новосильцева и спросил его на ухо: "Игорек, как я себя держу?"

Ген. Власов в Берлине.

Был еще такой случай. Ген. Власов распорядился допустить к себе неизвестного человека, который впоследствии оказался засланным советским агентом, с поручением застрелить Власова. Когда, наедине с Власовым, агент начал рассказывать вымышленную историю о том, как он пробирался к нему из России, Власов позвал ординарца и приказал дать водки с закуской. Ординарец, в качестве закуски, принес нарезанные огурцы и томаты. На подосланного агента, уверенного в том, что "предатель Власов окружен женщинами и в шампанском купается", так подействовала "солдатская" простота жизни Власова, что он не выполнил задания. Конечно, не только бедность закуски, показавшая уклад жизни генерала, живущего на солдатском пайке, подействовала на подосланного убийцу.⁵

Власов производил сильное впечатление и своим внешним обликом. В нем светилась спокойная и покоряющая уверенность. Это не была самоуверенность. Источник его духовной силы лежал вне его. Это была сила правды, сила выстраданного и познанного. Не надуманное, а пережитое, не кабинетные теории, а крепкая мысль и житейский опыт открывали в нем дорогу тому, что, возможно, было глубже его собственного сознания. Вот причины, по которым его слово было всегда веским и оттенки звучания голоса убеждающими.

"Поразительна необыкновенно простая манера Власова говорить. Кажется, что он находится не в большой аудитории, а занимается беседованием со своими ближайшими друзьями. Именно — беседованием! Казалось, что особенно значительные и важные слова он кладет перед присутствующими на свою твердую натруженную руку и, взвесив, как бомбы, бросает во взрывающийся аплодисментами зал". "...Говорил Андрей Андреевич языком красочным, образным, все время пересыпая свою речь русскими пословицами и даже прибаутками — так часто говорят крестьяне. В то же время его речь была краткой и конкретной. Чувствовалось, что

5. На облик ген. Власова, жившего на солдатском пайке, указывают многие, как явление, производившее сильное впечатление. Это же ощущал и я, когда бывал у него.

Суворов является его учителем и идеалом. Он часто его вспоминал..."⁶

Этот же облик и манеру говорить запечатлел и небезызвестный Илья Эренбург, весной 1942 г. посетив ген. Власова на фронте.

"Любовно и доверчиво смотрят бойцы на своего командира: имя Власова связано с наступлением... У генерала рост метр девяносто и хороший суворовский язык. Он говорит бойцам о немецком солдате: "Прошлым летом он воевал со вкусом. А теперь? теперь он воюет с перепугу..."⁷

Нечто особое в его внешности и речи оказывало действие не только на широкие массы бывших подсоветских людей, но и на многих немцев, как на немцев старой культуры, так и на современных немецких властителей, вплоть до Гимmlера. Это качество, или лучше сказать наличие некой внутренней обогащенности, давало ему возможность не теряться при любых встречах с самыми разными людьми.

Очень интересен рассказ И. Л. Новосильцева о встречах ген. Власова в доме его дяди, Федора Владимировича Шлиппе, с представителями старой русской эмиграции. Ф. В. Шлиппе, в прошлом директор департамента министерства земледелия, товарищ председателя земско-городского союза, видный член монархической партии. Он был женат на дочери министра времен императора Александра III. В доме Шлиппе ген. Власов познакомился с ген. П. Н. Красновым и ген. А. А. Лампе.

Удивительный такт и чувство меры помогало Андрею Андреевичу свободно и достойно вести себя за столом, в гостинной, при разговорах с людьми совсем иного круга.

Обращаясь к Лампе, Власов спрашивает о его отношении к РОА, на что Лампе отвечает: "Мы, с ген. Красновым, монархисты, Андрей Андреевич". "Поезжайте в наше село, — гудит голос Власова, — там вы найдете третьего, — моего отца. Он кирасир и его идеал — император Александр III"⁸.

6. Из впечатлений присутствовавшего в "Европа Хауз" 18 ноября 1944 г. Полков. В. В. Поздняков. стр. 144 и 167.

7. *Красная Звезда*. 11 марта 1942 г.

8. Воспоминания И. Новосильцева. Магнитофонная запись хранится у автора.

Я не хочу сказать, что ген. Власову был свойствен светский лоск. Нет. Он им не обладал, а подражание этому могло бы сделать его облик даже смешным. В нем меньше всего было деланного. Естественность была одной из характерных для него черт. Увидеть же в нем мужика в роговых очках⁹ было, думаю, большим искажением его облика.

Сопоставляя свои собственные наблюдения с высказыванием многих лиц, хорошо знавших Власова, я пришел к выводу, что самый глубокий пласт его внутреннего мира слагался из веры в Бога и чувства социальной справедливости. На драгоценном слитке этих двух основ, при понимании, что одно без другого, не вырождаясь из реальности в отвлеченность, существовать не может, покоился его "внутренний человек".

Подтверждением моего впечатления о ген. Власове могут быть его собственные слова, высказанные в задушевной беседе с молодым и близким ему И. Л. Новосильцевым. На вопрос последнего о его вере, Власов ответил: "Ты знаешь слова Писания — Верую, Господи, помоги моему неверию? Такова, Игорек, моя вера... как же это так, вот, есть Бог, а сколько гадости на земле и что творят с людьми — это мое самое большое сомнение".¹⁰

Отвращение к тому, "что творят с людьми" и было тем, что открыло ему глаза на действительность подсоветской жизни. Он, идеалист-коммунист, стал прозревать. Когда в разгар коллективизации, он стал свидетелем того кошмара, который творили с народом на Кубани, здание его веры в коммунизм, как путь к народному благоденствию, дало трещину. Не этот ли момент нужно считать моментом зарождения Власовского Движения? Власов был сыном крестьянина и все связанное с землей, с крестьянством он особенно чувствовал.

Однажды жена штандартенфюрера Крёгера, приставленного к Власову от главного штаба СС, в разговоре с Власовым нашла нужным упомянуть, что в

9. А. И. Солженицын. *Вестник РХД* № 115, стр. 165.

10. Воспоминания И. Новосильцева. Магнитофонная запись хранится у автора.

свое время у ее отца на Кавказе было 30. 000 овец, на что Власов ответил: "а у моего отца было пять овец".¹¹

Мы уже говорили, что Власов учился в семинарии. Если бы не помощь старшего брата Ивана, Андрею Власову не попасть бы в семинарию, не получить бы образования. В дальнейшем, Власов-отец получил для сына полную стипендию имени Николая Чудотворца, благодаря которой сын и учился в семинарии.

Отец ген. Власова был сверхсрочным унтер-офицером в гвардейском кавалерийском полку. В гвардейских полках был распространен обычай помогать получать образование нуждающимся детям своего унтер-офицерского состава. По просьбе Власова-отца для Власова-сына исхлопотали стипендию "Николая Чудотворца".

Семинарские годы имели большое влияние на формирование молодого Власова. Там его детская вера приобрела свое логическое обоснование, и твердо навсегда угнездилась в нем. Живя уже пятый десяток и будучи в генерал-лейтенантском чине, он, в разговоре с начальником своей личной канцелярии, полковником Кромиади, "по-солдатски" определяет свое отношение к сложной проблеме веры: "Бога может отрицать только идиот".¹²

В период семинарской жизни, на основе, заложенной матерью — глубоко верующей женщиной, которую Власов всегда вспоминал с большой любовью, в нем выкристаллизовались очень ценные моральные качества: скромность, порядочность-доброкачественность и мужественность.

Семинария — не рай. Нет там недостатка в том, чисто человеческом, что можно увидеть, входя в толщу людей, окружающих Церковь. В этом убедился семинарист Власов. Для слабых это — соблазн, в результате чего нередко отпадения от Церкви. Для сильных духом это — закалка. Увидя, что не только в жизни вообще, но и среди церковных людей не всегда внешнее соответствует внутреннему, он выработал в себе тяготение к подлин-

11. Воспоминания И. Новосильцева. Магнитофонная запись хранится у автора.

12. Воспоминания полков. К.Г. Кромиади. Магнитофонная запись хранится у автора.

ному в противовес показному и фальшивому. Доброкачественность становится его характерной чертой. Проявление этого можно проследить во многом, хотя бы в его отношении к вопросу религиозного влияния в армии. Считая его необходимым, он, однако, не хотел вводить его как приказ, как навязывание сверху. "Хотят в роте батюшку, мы обязаны им дать его. Хотят муллу — дадим им муллу!" — Помню эти его высказывания на совещании по вопросу духовного обслуживания наших частей. "Вот, слово о. Александра напечатали все наши газеты.¹³ А кто им велел?" Напечатали — значит им понравилось, так я говорю?"

"Власов произвел на меня положительное впечатление своей скромностью и в то же время сознанием собственного достоинства, своим умом, спокойствием и сдержанностью, а особенно той, трудно определяемой чертой характера, в которой чувствовалась скрытая сила его личности".¹⁴

Скромность он не только считал необходимым качеством человека, но и проявлял ее в своей жизни. Уклад его жизни был скромен. И не потому, что не было других возможностей. Возможности были, их даже усердно предлагали и некоторые не уклонялись от возможности ими воспользоваться. В минуты раздумья о будущем, он не мнил себя на верхах руководства Свободной Россией, а лишь "инспектором пехоты", как мне помнится.

Мужество отнюдь не выражается мужественным видом или высказыванием соответствующих взглядов. Оно измеряется только поступками. Вот маленькая деталь, без лишних слов передающая мужественность этого человека:

"... Власов отдал распоряжение пускать всех соседей в небольшое бомбоубежище, оборудованное в саду виллы, в которой он жил... Когда мы подошли к спуску в бомбоубежище, оно было уже полно людьми. Власов не захотел,

13. Имеется в виду слово, сказанное мной 18 ноября в Берлине, во время опубликования Власовского Манифеста. См. Приложение IV.

14. В. Штрик-Штрикфельд. стр. 107.

чтобы из-за него кто-то должен был выйти, и просидел все время до отбоя в саду около входа в бомбоубежище".¹⁵

Об этом же говорит приводимый ниже отрывок из разговора ген. Власова с ген. Линдемманном, командующим немецкой армейской группой "Север", который взял в плен ген. Власова.

" — Да, я... остался! Дважды я получал приказ бросить людей и покинуть этот "мешок", но я... остался. Однажды за мной прислали самолет, но я уже больше не колебался. Смел ли я бросить тех, кого я сам завел в такое положение? Смел ли я снять с себя всю ответственность за это?...

— Сделав это на глазах у своих солдат... — как бы продолжая рассказ Власова, понимая его сердцем солдата, сказал Линдемманн.

— Да, на глазах у моих солдат... Ведь все эти глаза смотрели на меня! Я предпочитал, чтобы они смотрели мне в лицо, а не в уходящую спину. Если бы я их покинул, я бы чувствовал все эти взгляды на себе всю свою жизнь..."¹⁶

Четыре года спустя, за несколько дней до его выдачи Сталину, Власов поступает точно так же, как за несколько дней до того, как он попал в немецкий плен.

Вернувшись домой, — описывает события кап. Р. Антонов, адъютант Власова, — мы сразу же переоделись в штатское... через час все было готово: машина, одежда для Власова и все другое... Увидев это, Власов спросил: "Что это за маскарад?" Когда изложили план Тензорова¹⁷, он отверг его и сказал, что надо ждать ответа относительно всех войск РОА".¹⁸

Спасти самому, оставляя на произвол судьбы Первую дивизию и другие части РОА, было неприемлемо для ген. Власова. Личное мужество никогда не покидало этого человека.

Ген. Власова часто упрекают в том, что он продолжал переговоры с немцами, когда надежд на пересмотр ими политического курса больше не оставалось. Чем это было вызвано?

15. В. Штрик-Штрикфельдт. стр. 252.

16. *Очерки к истории Освободительного Движения Народов России*. стр. 24.

17. Тензорев — майор, начальник отдела безопасности КОНР-а.

18. Полков. В. В. Поздняков. Стр. 427-428.

В основе этого лежало характерное ему чувство человеколюбия, жалость к человеческому страданию. Да, человеколюбие. Не сочтите это слишком мягким для генерала. Это черта не сентиментально, а реально мыслящего человека. Под его начальством служить было не легко, но он говорил, что через тяжелую подготовку солдата в мирное время, приобретает его сохранение в бою. Он всегда мучился вопросом правильного, человеческого, совестливого устройства жизни. Война для него была неизбежным путем к этой новой, лучшей жизни России, где уже не будет кошмара, который он видел и в Советской России и в Гитлеровской Германии, который однажды он выразил словами: "А с людьми-то что делают!" Продолжая поддерживать с немцами отношения, он облегчал участь тех миллионов, полуголодных пленных и "остовцев", от которых отрекся Сталин во время войны,¹⁹ но головы которых потребовал по ее окончании. За этот свой родной народ, если даже и не за будущее своего народа, то хотя бы за ту его часть, которая томилась и умирала у немцев, Власов отдавал свою собственную судьбу.²⁰

Необходимость поддерживать отношения с немцами оставалась в силе и до самых последних дней, когда сам ген. Власов находился с I-й дивизией в Чехословакии, а другие его почти небооруженные войсковые единицы

19. "Надо признать, правительство Сталина сделало все, чтобы не допустить улучшения участи советских граждан, попавших в руки немцев. Оно не только упорно отказывалось присоединиться к Женевскому международному соглашению о военнопленных... Больше того: иностранным организациям помощи, которых тогда много возникло в демократических странах Запада, оно настойчиво рекомендовало не тратить на помощь советским военнопленным ни копейки из собранных денег... Они были обречены на вымирание". Б. И. Николаевский. "Пораженческое движение и ген. Власов". *Новый Журнал* № 19, 1948 г. Н. Й. Стр. 215.

20. "Давая свое согласие на участие в "Русском Комитете"... группа Власова... в качестве обязательного предварительного условия поставила немедленное же облегчение участи пленных,,,. Смертность в лагерях резко понизилась, и начиная с 1943 года лица, попавшие в плен, имели шансы остаться в живых. Раньше у них таких шансов не было". Б. И. Николаевский. "Пораженческое движение и ген. Власов". *Новый Журнал* № 19, Н. Й. 1948 г. стр. 215 и 216.

были в Германии и в любой момент могли быть репрессированы немцами.

*

Все приведенное выше, как мне кажется, дает достаточный материал к пониманию внутреннего облика ген. Власова. Нам остается только обрисовать теперь степень его церковности, его непосредственной веры во Христа.

Ниже мы приводим весь известный нам материал, который проливает свет на эту сторону облика ген. Власова.

Новосильцев вспоминает ряд любопытных подробностей: рассказы Андрея Андреевича о том, как в семинарии он пел в церковном хоре, как он помнит наизусть некоторые молитвы; однажды он, как заправский дьякон, прочел великую ектенью. Как-то он сказал Новосильцеву: "А знаешь, ведь сегодня суббота и сейчас в церкви наверное всенощная. Можно ли, не заходя в церковь, где-либо около церкви послушать, как идет служба?" Я рассказал ему, где это можно сделать. "Ну, пойдем!" сказал Власов. Хорошо помню этот осенний вечер и как мы вдвоем долго стояли под окнами церкви на Находштрассе и слушали всенощную. Потом Андрей Андреевич очень хвалил хор и сказал: "а знаешь, я мог бы с ними петь."²¹

—"А. А. Власов был очень религиозен... он все делал, чтобы увеличить влияние церкви в Русском Освободительном Движении. Благодаря его личной инициативе и по его приказам, православное духовенство имело широкий доступ ко всем русским частям".²²

Ротмистр Деллингсхаузен, который сопровождал ген. Власова во время его поездки на Северный фронт, рассказывает, какое впечатление на русских и на немцев производили проявления ген. Власовым своей рели-

21. Воспоминания И. Новосильцева. Магнитофонная запись хранится у автора.

22. Полков. В. В. Поздняков. стр. 178.

гиозности, которой он не бравировал и о которой можно сказать, что она у него "прорывалась".

В мае месяце 1943 года ген. Власов посетил древний Псково-Печерский монастырь. Старик-настоятель, узнав, что перед ним ген. Власов, земно ему поклонился и благословил его на святое дело. "Это сочувствие настоятеля монастыря произвело на Власова сильное впечатление".²³

Будучи в Вене, ген. Власов посетил собор св. Стефана и видел там людей, погруженных в молитву перед иконой Богоматери.

"Я хотел бы снова уметь молиться так, как эти люди, — сказал Власов, выйдя из собора. — Я потерял свою детскую веру, но я чувствую, что есть выше нас Сила и что человек теряет свое духовное "я" если отрывается от нее. И чем больше я думаю об этом, тем яснее мне видится, что этот отрыв от Высшей Силы, от Бога, и есть корень всех зол, которыми больны сегодня и отдельные люди и народы. У них нет больше ничего, что держало бы их на правильном пути. Только я не могу больше вернуться к простой детской вере и верить в то, что Сила над нами есть наш личный Бог, наш Бог-Отец. Может быть, два хороших русских священника, с которыми я говорил недавно в Берлине, и правы. Они сказали, что вера без любви к Богу - Отцу вера в Бога или Высшую Силу бесплодна... Часто я наблюдал у нас в селе, как душевная сила русских женщин светила через нужду и затмевала безбожие вокруг них. Да, смочь бы вот так молиться как те женщины".²⁴

При своем последнем свидании с кап. В. Штрик-Штрикфельдтом ген. Власов сказал: "Я знаю свой долг и не спрячусь от ответственности. Прошу у Бога силы выдержать все до конца..."²⁵

Я далек от желания приукрашивать облик ген. Власова или кого-либо из его окружения. Если нельзя многим из них приписывать глубокую церковность, то нельзя и отрицать, что в большинстве случаев это были люди, благожелательно относящиеся к Церкви.

Вот факты, которые говорят сами за себя: не Церковь просит или добивается, чтобы был поставлен вопрос о

23. Полков. В. В. Позняков, стр. 179.

24. В. Штрик-Штрикфельд, стр. 244.

25. В. Штрик-Штрикфельд, стр. 382.

духовном обслуживании частей РОА, но просьба эта исходит от военного командования. То, что об этом, в суматохе того времени не забыли, то, что сама эта мысль не встретила протеста, говорит о многом.

Представитель Церкви, говоривший на оглашении Манифеста в Берлине 18 ноября 1944 года, был там не по просьбе Церкви, а по приглашению КОНР-а.

Ген. Власов вывез из Карлсбада престарелого митрополита Анастасия в своем штабном автомобиле, чтобы митрополиту не ехать в тяжелых условиях эвакуации по железной дороге.

Все это не мелочи. Это важные показатели, особенно в условиях тех тяжелых лет.

В заключение ряда этих свидетельств мы приведем описание приема митрополита Анастасия, первоиерарха Русской Церкви за Рубежом, ген. Власовым.²⁶

Для полноты представления о внутреннем мире ген. Власова нужно рассказать о почти никому не известных встречах и многочасовых беседах ген. Власова с немецким философом проф. Эйбель, [EIBEL] поборником идеи морального возрождения человечества.²⁷

Встречи с философом для ген. Власова не могли иметь никакого практического значения и интереса с точки зрения извлечения из них пользы для его дела. Власов был движим совсем иным. Интерес к этим беседам освещает нам его внутренний мир с совершенно другой, дотоле мало известной, стороны.

Живая заинтересованность проблемами морального порядка уверяет нас в том, что в его лице мы имеем дело не только с генералом, политиком или организатором большого масштаба. Он не относится к отвлеченным вопросам упрощенно и поверхностно. Внутренний мир ген. Власова отнюдь не примитивен. Эти встречи, из коих каждая продолжалась по 2 — 3 часа, интересовали его потому, что идеи морального возрождения, на основе христианских принципов, как устройства справедливой человеческой жизни, всегда были ему очень близки.

26. См. Приложение II.

27. С. Б. Фрелих. Воспоминания. Магнитофонная запись хранится у автора.

Молебен. Открытие "Народной Помощи". Рождественская елка для детей.

Он начал думать над этим уже в юности, думал об этом живя в Китае, думал об этом и теперь. Я упомянул о Китае, потому что именно этот "китайский" период его жизни сыграл немаловажную роль в духовном развитии Власова.

"Позднее, будучи военным советником при штабе Чан-Кай-Ши (1938-1939), молодой полковник (Власов) познакомился с древней китайской культурой, занялся изучением китайской философии и накопил богатый политический опыт, внимательно наблюдая развитие китайско-японского конфликта."²⁸

Он пережил разочарование в коммунизме, обманувшем надежды его родного народа, позднее он увидел, к чему привел немецкий национал-социализм Германию. Где же выход, где же правильный путь? Эти вопросы всегда были с Власовым, он всегда искал их разрешения.

С. Б. Фрёлиха, переводившего беседы ген. Власова с философом Эйбелем, поразило то, что ген. Власов говорил с Эйбелем "как равный с равным". Он был не только генералом, но и "философски мыслящим человеком".

*

Полюбив и высоко оценив дело Власова, я всемерно в нем участвовал. Кроме моей работы в качестве военного священника, я еще был назначен вице-председателем создаваемой организации "Народная помощь".

Признаться, не помню, кому принадлежала идея создания такой организации, но идея была очень хорошей и крайне нужной. Не только потому, что необходимо было взять в свои руки заботу о нашем тыле и в первую очередь о семьях военнослужащих РОА. Сама принципиальная установка этой организации была глубоко правильной — помощь не откуда-то сверху, не "казенное" дело, а дело общее — *народная помощь*.

Это не были только слова, удачное название, данное организации. Если вы проследите №№ газеты "Воля

28. В. Штрик-Штрикфельдт стр. 109.

Народа” за конец 1944 и начало 1945 года, то удивитесь множеству пожертвований от всех категорий русских невольников в Германии, присылавшихся на поддержание работы “Народная Помощь”.

Председателем новой организации был назначен член КОНР-а, Г. А. Алексеев. Официальным ее открытием была многолюдная рождественская елка для детей, перед началом которой я с протодьяконом В. Мельниковым служил молебен. Священник Г. Бенигсен говорил о значении праздника, а Г. А. Алексеев о “Народной помощи”. Присутствовали генералы Власов, Трухин и многие другие члены КОНР, а.

Наши планы были большие, немецкие обещания — еще больше, но все не достигло своей реализации, происходя за недели до выхода Красной армии на линию Одера с непосредственной угрозой Берлину.

Вскоре начался хаос конца.

Мое отношение к ген. Власову было известно среди берлинской русской эмиграции и ко мне не раз обращались с вопросом и даже с укором, как могу я, священник, идти вместе с бывшим коммунистом и, наверное, безбожником. Чтобы иметь возможность в моих ответах основываться не только на моих домыслах и впечатлениях, я решил поехать к ген. Власову и услышать непосредственно от него самого ответ о его христианской вере.

Вот, я у него.

— Андрей Андреевич, я приехал, чтобы спросить вас прямо — верующий ли вы человек? Чем-то меня угощавший радушный хозяин, чуть растягивая слова, басит:

— Да как же можно без веры, отец Александр? Без веры ни одно дело не спорится.

— Я не о вере в дело спрашиваю, а о вере в Бога, Господа Иисуса Христа, спрашиваю.

Власов ставит на стол коробку с галетами и на мгновение останавливает свой серьезный взгляд на моем лице. Я жду с замиранием сердца. Отчеканивая слова, Андрей Андреевич говорит:

— Да. Я верую в Господа Иисуса Христа, отец Александр.

Мгновение и он и я молчим. Но вот опять тот же, чуть растягивающий слова, голос:

— Да что же вы, право, ничего не берете! Может чайку выпьем? Подождите, у меня есть, чем вас угостить! — Он идет к граммофону и ставит пластинку пасхальных песнопений.

Этот разговор с покойным Андреем Андреевичем остался в моей памяти светлым и радостным на всю мою жизнь.

Но каждое человеческое слово, в конечном итоге, проверяется только делом.

Такой проверкою слов ген. Власова были, вскоре наступившие, страстные дни для него и для всего Движения.

"... Когда его машина остановилась у американской заставы, Власов тяжело опустил свою руку на колено сидящего рядом с ним Антонова.²⁹ — Ну, друг, перед нами еще сто шагов до конца, — сказал он глухо. — Моя жизнь больше для меня ничего не значит, но, как ты думаешь, стоит ли она хоть немного, если я ее "им" предложу: моя жизнь в обмен за всех вас, которые в меня верили? Антонов растерянно молчал.

В это время к ним уже подошли американские часовые...

Перед американским генералом стоял настоящий Власов. Его голос, этот глубокий бас, еще раз звучал так убедительно, с такой уверенностью в своей правоте, как в лучшие дни.

Возможно, что, несмотря на переводчика, американец только наполовину понимал то, что говорил ему ген. Власов. Но подсознательно он поддался внутренней силе этого человека. Считал ли он Власова и его единомышленников предателями, или нет, но он понял, вернее почувствовал, что перед ним стоит необыкновенный человек... американец проникся глубоким уважением, когда этот странный русский великан вдруг сказал, что он безоговорочно отдает себя в распоряжение американских властей для выдачи Советам, если этим будет открыта дорога для спасения его, Власова, солдат. В этих словах не было патетики. В них звучала серьезная, продуманная

29. Капитан Антонов — адъютант ген. Власова.

готовность. Только тогда Антонов, стоящий рядом, осознал смысл тех слов, которые ему Власов сказал, приближаясь к американской демаркационной линии...

Когда Власов на следующий день вошел в приемную генерала, он на едва заметный момент задержал шаг. — Рядом с американцем стоял советский офицер. На минуту воцарилась тишина. Власов взглядом искал глаз американского генерала... но американец опустил веки и застыл как молчаливое изваяние. Власов круто, по-военному повернулся и вышел из помещения...

В передней дома их уже ожидал американский капитан... Капитан был очень молод, он пошел навстречу Власову и тоном, в котором звучали нотки детского превосходства и полного непонимания, сказал: — Велл, господин генерал, теперь для вас все кончено! К сожалению вы напрасно меняли ваших хозяев и взобрались на ошибочную лошадь!

Власов посмотрел на капитана взглядом, в котором не было ни удивления, ни обиды, ни презрения. В нем светилась тихая доброта человека, понимающего непонимание другого.

— Капитан! — сказал Власов. Его голос, казалось, долетал издалека, усталый, доброжелательный и мягкий. — всю мою жизнь я служил только одному господину... На лице американца отразилось удивление: — И это был? спросил он с мальчишеским задором.

Еще глуше прозвучал голос Власова. — Русский народ, мой мальчик."³⁰

*

Еще не прошло полных пяти месяцев с того вечера, как Андрей Андреевич, с некоторыми из своих близких друзей, встречал у ген. Ф. И. Трухина новый, наступающий 1945 год — последний год войны и предпоследний год жизни большинства присутствующих. Поднимая бокал, Андрей Андреевич сказал приблизительно следующее:

30. "Очерки к истории Освободительного Движения Народов России", стр. 119-120.

На границе Рейха стоит Советская Армия... даже наше физическое поражение не есть уничтожение духовное... мы делаем историческое дело, мы семена будущего освобождения России...³¹

Таков был духовный облик русского национального героя, патриота и православного христианина генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова.

31. Сообщил начальник канцелярии ген. Ф. И. Трухина, майор С. А. Шейко.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЛИЖАЙШИЕ СОТРУДНИКИ

Вступая на путь борьбы, ген. Власов вступал на него не один, а с теми, кого он назвал своими друзьями. В понятие друзей он включал как ближайших своих единомышленников, так и всех далее стоящих соратников, до последнего левофлангового солдата, о котором он не раз говорил: "Солдат, это святой человек".

Считаю своим долгом упомянуть, что знаю хотя бы о некоторых из них.

*

* * *

Генерал-майор Красной Армии Федор Иванович Трухин. Начальник штаба РОА. Образованный человек и кадровый офицер, читавший лекции в Академии Генерального Штаба. Он происходил из старой дворянской семьи. Брат его, Иван, (кавалергард) погиб в Самсоновской армии. Приведу маленький эпизод, характеризующий этого, всегда подтянутого, несколько замкнутого человека.

Ген. Трухин, находясь в немецком плену, в лагере Хаммельбург, был в команде погребателей, которые по утрам выносили из барачных трупы умерших за ночь. Трухин болел язвой желудка. Однажды, из соседнего сербского лагеря военнопленных, ему под проволокой дали несколько пригоршней белых сухарей.¹ Ген. Трухин не

1. Все военнопленные, за исключением советских -- благодаря тому, что Сталин отказался подписать Женевскую конвенцию о военнопленных -- получали нормальное довольствие.

взял сухари себе лично, а велел разделить их на пять частей, по числу лиц, состоящих в этой команде. К числу этих пяти принадлежал майор С. А. Шейко, который и рассказал мне этот эпизод. Майор Шейко знал семью Трухиных еще по России. Впоследствии он был в числе близких ген. Трухину лиц, работавших в штабе РОА. Шейко говорит о Трухине, как о человеке, верующем с детства. В изголовьи кровати у Трухина висела иконка Курской Божией Матери и он не ложился спать не помолившись.

Он глубоко верил в правоту Освободительного Движения. Кап. В. Штрик-Штрикфельдт вспоминает однажды сказанные им слова на совещании небольшого круга руководителей Движения: "Наше движение будет жить, пусть даже оно принесет плоды уже, может быть, тогда, когда нас не будет".²

Как сейчас помню его высокую, прямую фигуру, когда он нагоняет нашу колонну на марше из Мюнзингена — я шел с офицерской школой — и улыбается моему странному виду. Иду я, покрытый поверх рясы советской кавалерийской шинелью, которой меня укрыл от морозящего дождя милый майор Стрельников. Некоторое время ген. Трухин идет рядом со мной и рассказывает об общем положении дел.

*
* *
*

Генерал-майор Красной Армии Василий Федорович Малышкин был начальником организационного отдела КОНР'а, и одним из самых близких соратников ген. Власова. Он родился в семье инженера путей сообщения и был хорошо образованным человеком, до страсти любившим поэзию.

По окончании военной академии он был оставлен при академии для чтения лекций. Впоследствии, находясь на посту начальника штаба сибирского военного округа, был арестован по делу Тухачевского.

2. В. Штрик-Штрикфельдт. Стр. 241.

В это время В. Ф. Малышкин проявил редкое мужество и стойкость. Сколько ни билось НКВД, изоцряясь в пытках и истязаниях, но так и не смогло добиться от него "сознания" в несовершенных преступлениях. "... богатырь по натуре, Малышкин оказался на редкость стойким человеком. Много раз уносили его в камеру в бессознательном состоянии, но никаких показаний он не подписал".³

Трудно забыть приветливую улыбку этого обаятельного, умного и энергичного человека, который, столько перенеся в своей жизни, сохранил редкую жизнерадостность.

Во второй половине апреля 1945 г. ген. Власов послал его в сопровождении кап. В. Штрик-Штрикфельдта парламентаром к американцам. Он дошел до генерала Пэтча, командующего 7-й американской армией. Кап. Штрик-Штрикфельдт говорит, что при этих переговорах "Малышкин превзошел сам себя". В ответ на слова американского генерала, что Сталин и русские — их союзники, ген. Малышкин с жаром ответил:

"Мы — ваши союзники, ген. Пэтч, а не те. Мы ведь те же русские. Власов один из тех русских генералов и героев Красной армии, что защищали Москву от немецкого наступления и нанесли немцам их первое тяжелое поражение. Мы все — русские и бывшие красноармейцы. Но мы встали на сторону свободы. А что значит свобода, вы, ген. Пэтч, как американец, знаете много лучше, чем я". Малышкин говорил убедительно и страстно. По выражению его лица и по его жестикуляции видно было, насколько сильно он переживал трагическую судьбу своего народа и своих солдат. То, что я пишу, — лишь бледное отражение его страстной речи..."⁴

На следующий день, при вторичном свидании, ген. Пэтч сообщил парламентарам, что русские дивизии должны тотчас же сложить оружие и что с ними будут обращаться, как с немецкими военнопленными.

"Пэтч после этого неожиданно протянул Малышкину руку: — Как генерал американской армии, я сожалею, гене-

3. Б. Николаевский. Стр. 232.

4. В. Штрик-Штрикфельдт. Стр. 389.

рал, что это все, что я могу сказать вам. От себя лично я добавлю, что делать это мне весьма не по душе. Я понимаю вашу точку зрения и хотел бы заверить вас в моем личном глубоком уважении. Но и вы должны меня понять: я — солдат”.⁵

*
* *
*

Генерал-лейтенант Красной Армии Георгий Николаевич Жиленков вышел из среды беспризорников и поднялся до высокого чина генерал-лейтенанта. Такой путь свидетельствует о немалой одаренности человека.

Его, пожалуй, менее, чем кого-либо другого, считали выразителем идей Освободительного Движения. Вилла с блестящим адъютантом, красавицей секретаршей, породистыми псами, и сам генерал, как-то уже очень не гармонировали с общим настроением. На фоне всеобщего убожества может быть все это казалось более “роскошным”, чем было на самом деле? Я в этой вилле был у него лишь однажды. Он просил ознакомить его с тем, что я собираюсь сказать на оглашении Манифеста в Берлине.

Близко знавшие его по ежедневной работе сохранили впечатление о нем, как о человеке, живущем перед зеркалом: Хорошо ли я сказал? Хорошо ли я выгляжу? Некоторые считали его беспринципным, ибо он легко склонялся на сомнительные вещи, однако, он никогда не шел на соглашательство с гитлеровцами и резко оспаривал их, включая министра пропаганды Геббельса.

Однако, подлинное в человеке раскрывается не во время благополучия, (хотя бы относительного!) а во время горя.

Кап. В. Штрик-Штрикфельдт сидел вместе с ним в американском плену. Ему мы и предоставим слово.

”Во время воскресного богослужения мы вдруг обнаружили в церкви Жиленкова. Он также нас увидел. Во второй половине дня он уже нашел к нам дорогу — через

5. В. Штрик-Штрикфельд. Стр. 393.

ряд сообщающихся друг с другом чердаков. Это была одна из его очередных блестящих проделок. Там, где ему приходилось наткаться на стены, он терпеливо выламывал кирпичи, проделывая лазы... Жиленков добился, что через несколько дней его перевели в наше помещение... Жиленков, без сомнения, был наилучшим товарищем, которого можно было себе пожелать в плену... Он раздавал свои сигареты и часто даже часть своего пайка... Бывшему гаулейтеру Вартегау, сильно исхудавшему Грейзеру, Жиленков, проходя мимо, подсовывал иногда что-нибудь съестное, когда тот, сидя один за столом (остальные его избегали), жевал свою скудную пищу. Он жалел даже и этого человека, которого раньше никогда не видел. Этот, некогда высокого ранга политический комиссар и генерал, вспомнил опыт своей жизни беспризорника и развил поразительную деятельность, в которой сочетались ловкость, находчивость, юмор и чисто русская человечность... Наша комната вскоре стала временами походить на сапожную или портняжную мастерскую. Материал и инструменты Жиленков доставал у американцев легально или же, как он говорил, "с маленьким взломом" кладовой, в которой американцы хранили постельные принадлежности, презент и др. вещи".⁶

*
* *
*

Из всего нашего генералитета мне больше всего приходилось встречаться с ген. Михаилом Алексеевичем Меандровым. Я познакомился с ним еще в Берлине, когда он был в чине полковника Красной Армии. Позднее я служил в гарнизонной церкви в Мюнзингене, где он был начальником Первой свободной офицерской школы и начальником гарнизона. Под его начальством я шел с частями этого гарнизона до Фюссена (Бавария). Вскоре все наши части были интернированы американцами. Я сразу установил с ними связь и постоянно ездил к ним для совершения богослужений и других общих дел. Так было до моего переезда в Мюнхен и назначения обслуживать лагерь другого священника.

Все это давало мне возможность видеть Михаила

6. В. Штрик-Штрикнельдт. Стр. 395, 396, 400.

Алексеевича при разных обстоятельствах, в результате чего я проникся к нему глубоким уважением. Среди некоторых других генералов и старших офицеров, он выделялся своим моральным обликом. Аскетический и трудовой образ его жизни не мог не быть для многих идеальным примером. Сын московского протоиерея, он через всю жизнь сохранил свою православную веру. Его нередко можно было видеть молящимся в церкви, как в Мюнзингене, так и в американском плену.

Ген. Меандров твердо верил в принципиальность и разумность американской демократии.

"Мы не преступники, писал он, а честные идейные борцы, и нам нечего бояться выдачи в руки советских властей, поручкой тому демократические государственные принципы, существующие в Америке"...⁷

Именно благодаря этому, оставаясь во главе интернированных военнопленных, он держал подчиненные ему части, в условиях плена, как организованную войсковую единицу и безоговорочно отрицательно относился к индивидуальным побегам. В начале плена для побегов не было никаких затруднений. Даже в конце, перед выдачами, при большом желании, это было возможно.

"Мы проиграли эту войну, но не битву за освобождение", часто говорил ген. Меандров. Эта короткая фраза передавала всю его непоколебимую веру в Россию и ее светлое будущее.

То, что он внушал другим, тому он оказался верен и сам. За несколько часов до выдачи, когда каждый спасался, как кто может, ему была предоставлена возможность побега, от которой он наотрез отказался.

Рыцарские слова этого благородного человека, почти смешные для наших дней, когда понятия совести и чести исчерпаны почти до конца, были: — "Ну, уж если... не верить слову американских офицеров, то после этого и жить не стоит".⁸

7. А. Г. Алдан. Стр. 80.

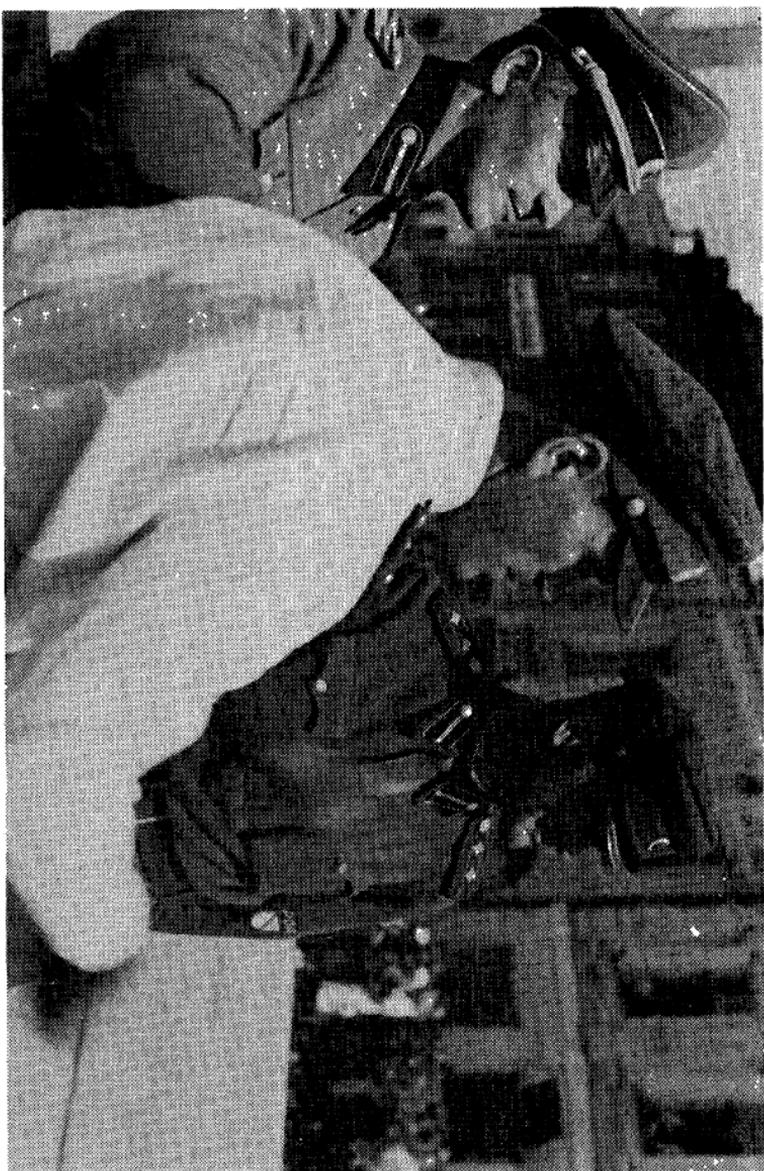
8. А. Г. Алдан. Стр. 49.

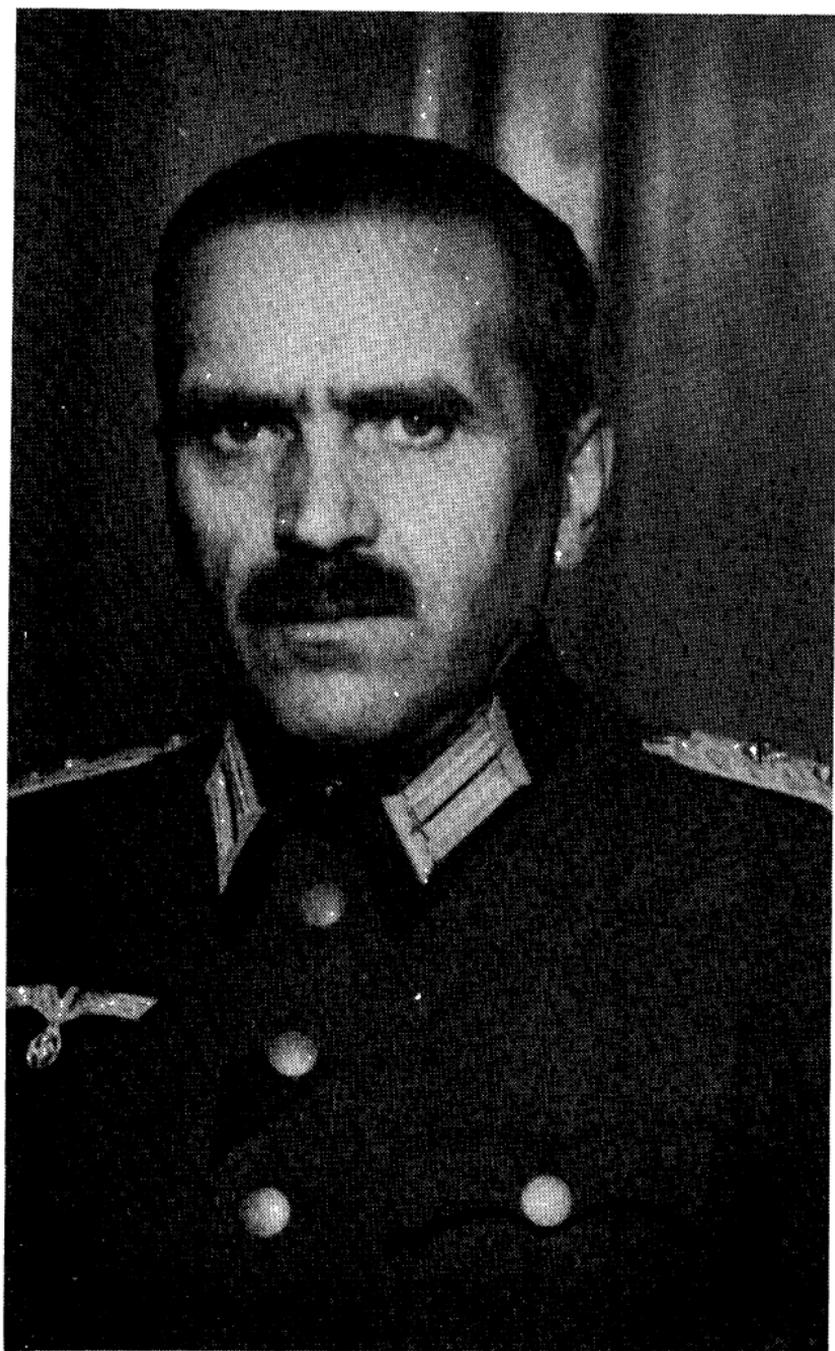
Ген. Власов принимает рапорт ген. Трухина.

Ген. В.Ф. Мальшкін.

Ген. Жуевков, полков. Кромуади, полков. Боряский / Псков, 1943 год/.

Ген. М.А. Меандров.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА

Раньше, чем перейти к описанию кульминационного периода развития Власовского Движения, т. е. осени 1944 года, необходимо упомянуть и о той стороне жизни, которая не относилась к видимой части событий, о которых мы говорили до сих пор.

Личность ген. Власова и все Движение не могли не нести на себе следов касания некоторых засекреченных сил, которые, кажется, чем дальше существует наш мир, тем больше приобретают на него влияние.

Прежде всего упомянем Рейнгардта Гелена, генерал-майора немецкой службы, "знаменитого шефа германской военной разведки до, во-время и после второй мировой войны".¹ Надо думать, что в лице ген. Гелена мы имеем редкий случай, когда глава всей военной разведки страны (Германии) после ее поражения, со всем своим аппаратом, переходит на службу к победителю (США). Это оказалось возможным только благодаря тому, что трудно определить, кто в этом человеке сильнее: Гелен — гениальный разведчик или Гелен — убежденнейший антикоммунист.

Не один раз Власовское Движение было обязано этому человеку спасением многих жизней от партийных сил национал-социалистической Германии.

В лице капитана В. Штрик-Штрикфельдта ген. Гелен находит себе единомышленника по русским делам. В.

1. Ирина Сабурова. "Друг ген. Власова." Газета *Новое Русское Слово*. Нью Йорк, 13 ноября 1974 г.

Штрик-Штрикфельдт — русский немец, бывший офицер русской царской армии и армии ген. Юденича на северо-западном фронте во время гражданской войны. Он еще до появления ген. Власова озабочен русской проблемой и ищет путей для изменения немецкой политики по этому вопросу, а с появлением ген. Власова всецело отдает себя работе, по его мнению, одинаково необходимой и для России и для Германии.

Кап. Штрик-Штрикфельдт был всегда откровенен с ген. Власовым. Характерен маленький эпизод, проливающий свет на подлинность отношений и доверие между ними.

В 1944 году у ген. Власова был устроен ужин по случаю его дня рождения. Присутствовали наши генералы, близкие друзья, кап. Штрик-Штрикфельдт, а также очень видный, но далекий нам человек, представитель немецкого министерства пропаганды. За ужином, произнося тост, Штрик-Штрикфельдт сказал, что ему было бы больно, если бы Андрей Андреевич мог подумать, что он, Штрик-Штрикфельдт, когда-либо его обманывал.

— Слышишь, что он сказал! — тихо произнес Власов находящемуся в этот момент около него И. Новосильцеву — он герой!²

Ген. Власов знал о невероятных препятствиях, которые вставали на пути его Движения. Но некоторые вещи ему не договаривали, давая возможность лишь догадываться. Хотя его никогда не посвящали в тайны заговора 20-го июля, он достаточно хорошо знал о той самостоятельной и активной роли, которая в связи с этим предназначалась РОА в деле освобождения России.

Власова довольно часто посещал полковник ген. штаба барон Фрейтаг-Лорингхофен. Друг и земляк этого полковника, С. Б. Фрëлих, состоял при ген. Власове. Со слов С. Б. Фрëлиха я и описываю эти события.

Заговор 20-го июля, в котором деятельное участие принимал упомянутый полковник Фрейтаг-Лорингхофен,

2. Рассказ И. Новосильцева. Магнитофонная запись хранится у автора.

был весьма детально разработан. Согласно плану предусматривался немедленный мир на западе (верховное немецкое командование в Париже даже подготовило аэродромы для высадки десантных войск союзников), а на востоке продолжение войны с превращением ее в гражданскую. Для этого была нужна хорошо подготовленная и мощная Власовская армия.

Но пока мы говорили о друзьях или хотя бы попутчиках, в деле борьбы с общим врагом — коммунизмом, они искали с нами союза без притязаний на нашу свободу и наши земли. Однако, в тот момент реальная сила принадлежала не им. Кому же она принадлежала? Если мы назовем немецкую армию, нац. — социалистическую партию и, наконец, самого Гитлера, то и это не будет полным ответом.

Итак, кому же она принадлежала, кем же отклонялись все предлагаемые проекты спешного развития Власовского Движения?

Мы знаем, что все старания добиться развития Власовского Движения или обрекались на полный неуспех, или достигали очень скромных результатов, которые, подобно первой ласточке, не делали весну. Почему? Являются ли достаточным объяснением хорошо известные ссылки на маниакальность Гитлера, недалеко-видность политического руководства и т. п.? Вся совокупность видимых причин недостаточна, чтобы дать ответ на поставленный вопрос.

Высшие политические круги национал-социалистической Германии были пронизаны советской агентурой, восходящей, как мы это теперь знаем, к самому Борману. "На кого работает Борман?" — спрашивали доверяющие друг другу немцы даже в самой Рейхс-Канцелярии, имея в виду кого-либо из западных союзников, но, конечно, никак не на Советский Союз. Борман как-то сказал, что "ген. Власов войдет в кабинет Фюрера только через мой труп". Слова эти стали понятны только после конца войны, когда выяснилась роль Бормана.³

3. Эти сведения, как и последующие — рассказ С.Б. Фрëлиха. Магнитофонная запись хранится у автора.

В то время Япония не была в войне с Советским Союзом, но воевала вместе с Германией (вспомним знаменитую "Ось": Берлин-Рим-Токио) против Англии и Америки. Оказывается, что Японское посольство в Берлине, дорожа своими отношениями с Советским Союзом, иногда оказывало ему услуги. Чуть удавалось продвинуть какую-нибудь Власовскую акцию, как японский посол предпринимал свой "демарш" и все шло на-марку, т. к. Гитлер невероятно дорожил дружбой с Японией. В этом сложном переплетении тайных нитей, путь которых нам проследить не дано, нужно видеть тот основной элемент, из которого может составиться ответ на поставленный вопрос: почему?

Но эти нити плетутся не только из вельмож первого ранга или послов иностранных государств. Они — как корни дерева: толстые переходят в средние, а средние в тонкие, почти невидимые нити. Сколько раз в жизни, возможно, каждый из нас, сам того не ведая, оказывался в роли такой ниточки?

Расскажу маленький эпизод из начального периода жизни ген. Власова в Берлине. Ген. Власов впервые был выпущен из-под замка на Викториаштрассе и А. Казанцев привел его в тот пансион, где квартировал сам и ряд его русских друзей. Тут, в кругу 5-6 близких людей, к числу которых принадлежал и И. Новосильцев, рассказывавший мне это,⁴ был устроен ужин. Новосильцев дружил с барышней, которая в то время работала секретаршей генерала — военного атташе японского посольства в Берлине. Она имела возможность через посольство получать продукты, которые по тем временам были диковиной, и дружеский ужин в честь первого дня свободы Власова вышел на славу.

В эти страшные годы войны жизнь была клубком противоречий (не то же ли происходит и в годы так называемого мира?). Для продвижения Власовского дела затрачивались огромные усилия, а достигались лишь более, чем скромные результаты. Но результаты все же были. Если их будут оценивать не современники, а

4. Магнитофонная запись хранится у автора.

потомки, то, возможно, они их назовут не скромными, а даже большими.

*
* *
*

Наконец наступило 14 ноября 1944 года, когда в Праге был учрежден Комитет Освобождения Народов России — КОНР, и подписан манифест, основной документ Освободительного Движения.⁵ Пребывание членов Комитета в Праге было кратковременным и поездка в Прагу была нужна только для того, чтобы этот акт состоялся не в Германии, а на славянской земле. Это было категорическим условием ген. Власова.

Продолжение пражского официального акта было в Берлине 18 ноября, в зале "Европа-Хаус".

"18 ноября, в одном из немногих уцелевших к тому времени зал Берлина, в "Европа-хаус", против Ангальтского вокзала, состоялся торжественный вечер по случаю создания КОНР. Зал, вмещавший около 1500 человек, был заполнен почти исключительно русскими; немцев почти совсем не было. Первые ряды были заняты духовенством и военнопленными, приведенными прямо из лагерей. Все остальные, какое бы положение они ни занимали, размещались позади. Таково было личное желание Власова. Сцена, на которой сидели члены Комитета, была украшена национальными флагами всех народов России, а по обеим сторонам ее огромными полотнищами свешивались русский трехцветный и андреевский флаги.

На этом собрании Власов еще раз зачитал Манифест и сказал большую политическую речь, в которой весьма резко и объективно были оценены цели и возможности русского движения и возможные будущие отношения между Россией и Германией."^{5a}

5. См. Приложение III.

5a. Л.В. Дудин (Н. Градобоев) стр. 52.

Когда в зале прозвучали знакомые слова песни: "На землю, за волю", — каждый почувствовал, что ныне эта песня стала боевым гимном Русского Освободительного Движения. Да, мы идем против тех, кто засел в Кремле и украл у нас счастье, землю, волю. Мы идем в бой за лучшую долю.⁶

"После Власова выступали с речами представители различных народов России, а также рабочих, интеллигенции, женщин, добровольцев и духовенства. Необычайные по силе и глубине чувства речи произнесли священник А. Киселев и поручик Димитриев. Первый говорил о демократических принципах Манифеста КОНР и о том, что новое движение не требует мести и преследований по отношению к сторонникам советской власти, а желает только мира и благополучия для всех граждан своей страны. Димитриев говорил о самостоятельности целей и стремлений русского национального движения и каждая его фраза вызывала в зале шумные аплодисменты. Когда же он сказал: "Мы не наемники Германии и быть ими не собираемся", в зале вспыхнула такая овация, что он долго не мог продолжать свою речь. Многие плакали. Это была минута высокого и редко встречаемого патриотического подъема. Русское движение сразу начинало перехлестывать через те рамки, в которые его хотели втиснуть немцы.

Через несколько дней в русском православном соборе в Берлине состоялось молебствие о даровании победы вооруженным силам КОНР. Служил глава православной церкви за границей, Митрополит Анастасий. На этом молебствии присутствовали почти все члены Комитета и оно так же вылилось в русскую патриотическую манифестацию. Перед собором развивался русский трехцветный флаг. Русский флаг был поднят на улицах Берлина, кажется, первый раз за последние тридцать лет. Через пять месяцев, над зданием рейхстага русскими руками был снова поднят флаг. Но он не был русский. Это был советский красный флаг — символ мировой революции".^{6а}

На этом незабываемом собрании 18 ноября, мне было поручено слово от лица Православной Церкви, текст

6. В. В. Поздняков, стр. 146.

6а. Л.В. Дудин (Н. Градобоев). стр. 54.

которого,⁷ записанный на магнитофонной пленке, хранится у меня. Несколько слов о судьбе этой записи, которую я вынужден был оставить с моими вещами в доме Деллингсхаузен в Берлине. Странная бывает судьба у вещей: дом был разрушен, а чемодан цел. Пережил осаду Берлина, оказался в советской зоне оккупации, но при содействии близкого мне человека, служившего в УНРА, был открыт и вынутая из него драгоценная запись доставлена мне в Мюнхен. Запись эта дает возможность судить о том, что именно из сказанного было близко собравшимся и что ощущали они как главное и наиболее важное, горячо приветствуя те или другие слова.

Это был день, когда мы впервые так уверенно ощутили себя силой, русской организованной силой, способной спасти Отечество. В зале было две тысячи русских и только несколько немецких наблюдателей на балконе зала. На расстоянии полугода от нас стояла смерть. Но опасность скорее ободряла нас, чем пугала. Наши сердца тогда бились так, как бились они, наверно, у Суворовских солдат, переходивших снежные вершины Альп. Ни о каком ощущении "обреченности" тогда не было и речи. Мы верили в победу. Это было не только нашим духовным ощущением, но и реальной возможностью, которая стояла близко, перед нами.

"Власов неоднократно говорил, что ему нужно лишь, чтобы Германия продержалась примерно на тех линиях фронта, которые были в октябре-ноябре 1944 года, до весны 1945 года, так как он рассчитывал к этому времени создать армию до 30-40 дивизий".⁸

Чтобы понять, чем для нас русских, было это время, эти дни, это собрание, я скажу, что настоятель Берлинского Кафедрального Собора,⁹ в котором я тогда служил, перед моей вышеупомянутой речью надел на меня ладанку с частицей мощей святого Александра Невского.

Отклик на Власовский Манифест был колоссальный.

7. См. Приложение IV.

8. Л. В. Дудин (Н. Градобоев). Стр. 44.

9. Широко известный на юге России советского времени, прот. о. Адриан Рымаренко, ныне в США, глубоко чтимый старец-архиепископ Роклендский Андрей.

Теперь мне самому даже как-то плохо верится, что это было именно так, хотя я и был свидетелем этого необыкновенного отклика. Со всех концов Германии самотеком устремились люди в КОНР, отдавая себя в полное и немедленное распоряжение генерала Власова. Соответствующих письменных заявлений почта приносила в среднем две с половиной тысячи ежедневно. Особо интенсивная запись в добровольцы РОА наблюдалась в дни опубликования Манифеста.

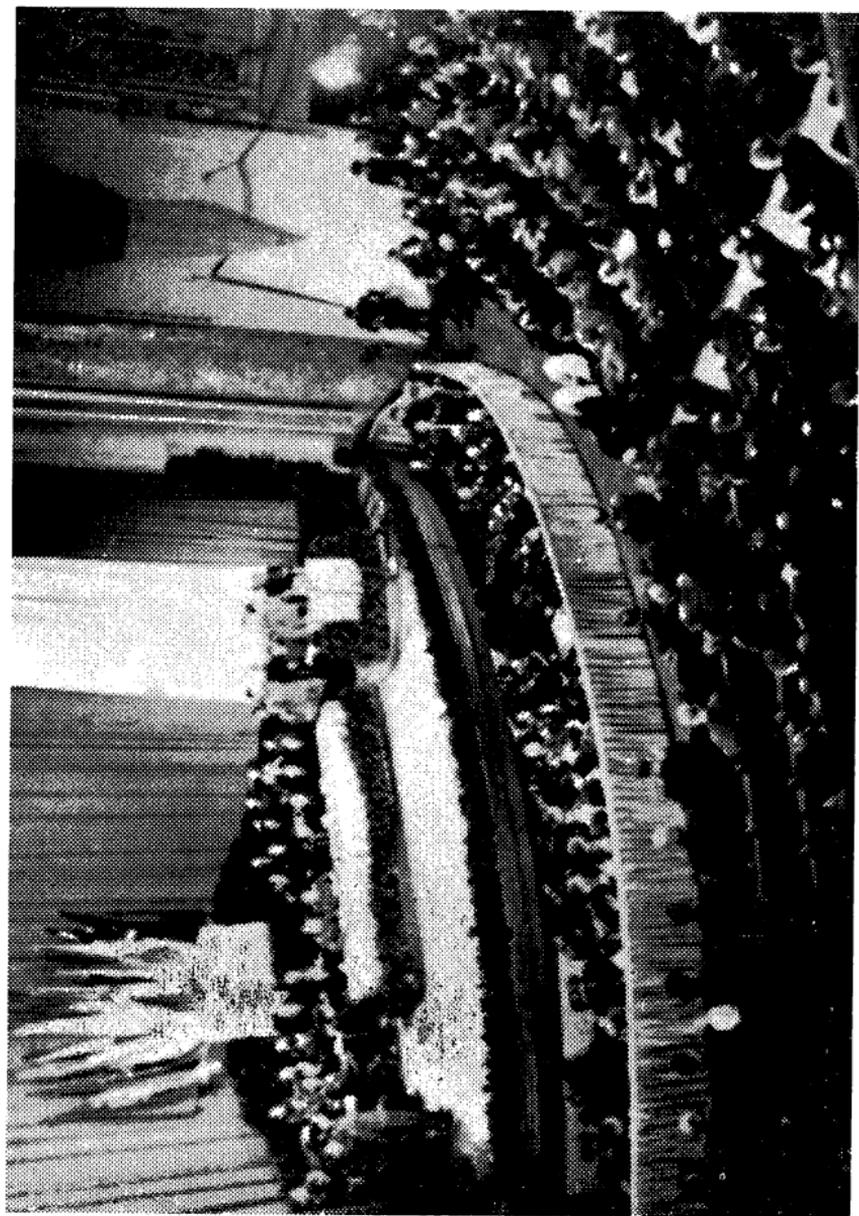
Но пусть об этих трепетных днях светлой самоотдачи огромного количества наших соотечественников, о взлете, на который не часто поднимались мы в нашей отечественной истории, расскажет ряд свидетелей.

Трудно найти слова, чтобы рассказать о том подъеме, о том взрыве энтузиазма, которыми встретили русские люди создание Комитета и опубликование Манифеста. Рабочие и военнопленные, солдаты вспомогательных частей и беженцы — все это бросилось на призыв к борьбе против большевизма. Самотеком по всем углам небольшой уже тогда Новой Европы, создавались группы и общества содействия, собирались средства, пожертвования, крестьяне приносили свои незамысловатые драгоценности, серебряные нателные кресты и обручальные кольца, рабочие — свои скромные сбережения, собранные за годы тяжелого труда. Во все инстанции Комитета приходило ежедневно до трех тысяч писем и телеграмм, с изъявлением готовности принять посильное участие в борьбе. Комитет считал, что в той или иной степени за участие в Движении высказалось в первые же дни больше 10-ти миллионов человек.

Наплыв в начавшиеся формироваться первые воинские части Русской Освободительной Армии превзошел все ожидания. Резервуар сил был почти неисчерпаемым. Только за один день 20 ноября (Манифест был передан по радио 19-го) из ближайших к Берлину лагерей было подано 62 тысячи индивидуальных и коллективных прошений о приеме в армию. Это составляло минимум пять дивизий состава мирного времени. К концу ноября число желающих поступить в части Освободительного Движения поднялось до трехсот тысяч, а к концу декабря число добровольцев поднялось до миллиона. С находящимися в составе немецкой армии русскими батальонами, с казачьими

Заседание КОНР'а в Праге 14 ноября 1944 года.

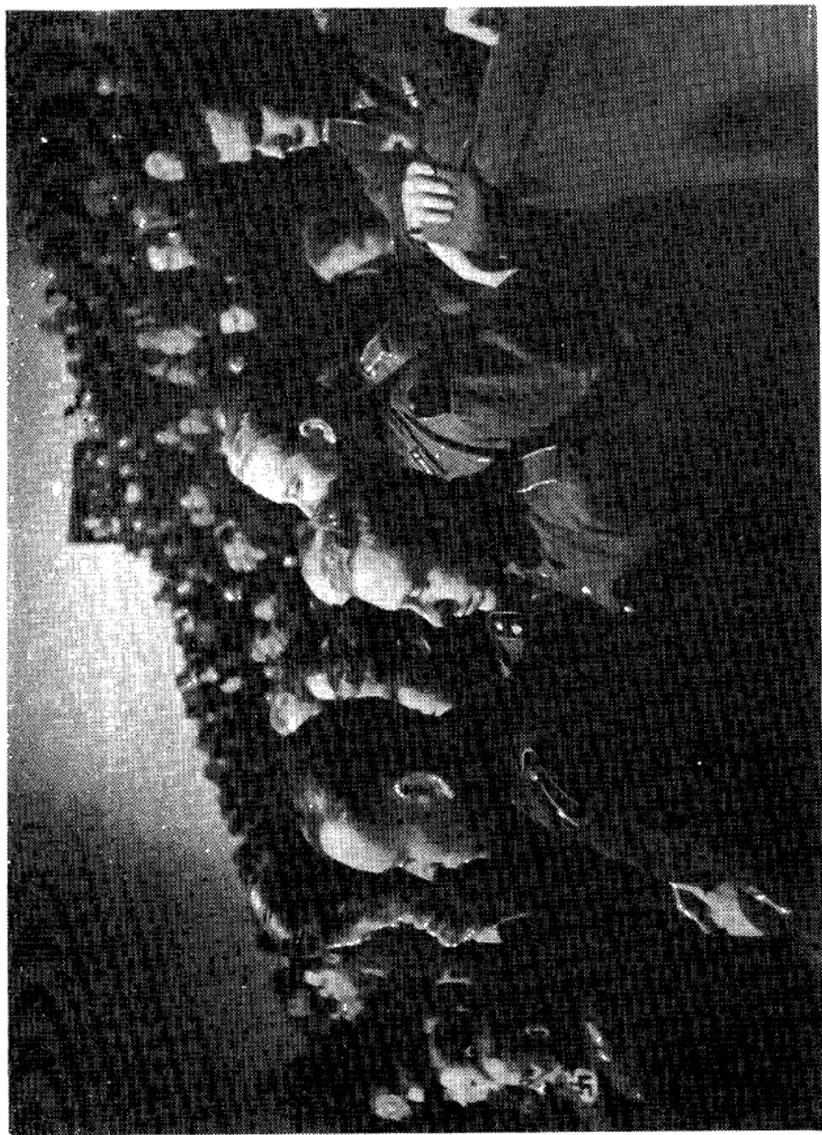
"Европа-Хаус" в Берлине во время обнародования Манифеста 18 ноября 1944 года.

"Европа-Хаус". Эстрада, где сидят члены КОНР'а.

"Европа-Хаус". Партер. /Прот. А. Рымаренко — настоятель Собора, Митрополит Берлинский Серафим, Митрополит Анастасий, первоиерарх Русской Церкви за рубежом/.

"Европа Хаус". Галерея. Среди толпы русских видны немецкие наблюдатели / левый угол фотографии./

"Европа-Хаус". Свящ. А. Киселев произносит слово от имени Православной Церкви.

частями -- (около 150 тысяч), сербскими частями Летича, изъявившими согласие влиться в Движение, и с армией генерала Недича (переговоры были почти закончены в положительном смысле) без опасности преувеличения можно считать, что создание двух-миллионной антикоммунистической армии в кратчайший срок было обеспечено. Предпринимались попытки связаться и со штабом Драже Михайловича.

Недостающее оружие, боеприпасы и все остальное руководители Движения предполагали достать путем разоружения немецких частей в момент краха. Впоследствии это частично и было проведено в жизнь.

Европа, антикоммунистическая Европа, к началу 1945 года была во власти двух чувств -- ненависти к Германии за ее обман и предательство и страха перед побеждающим коммунизмом...

Но не только двухмиллионная армия (не солдат, а политических бойцов, что увеличивало ее потенциал в несколько раз), не только возможная помощь Европы давали уверенность в успехе и конечной победе. Когда Красная Армия была уже в пределах Германии, Венгрии, Словакии, стояла у границ Австрии, шла по Балканам, когда части, прошедшие к Одеру, в ясную погоду могли видеть зарево горящего Берлина, увеличивалось число переходов на эту сторону. Переходя, люди не хотели разговаривать с немцами, искали власовцев, части Освободительной Армии, тогда еще формирующейся, чтобы включиться в их ряды для борьбы против Сталина. На севере, в Восточной Пруссии неоднократно переходили танки, на юге, в Хорватии, к казачьим частям перелетали, не всегда одиночные, самолеты. Манифест произвел с той стороны фронта большое впечатление. Он был переброшен в нескольких десятках миллионов экземпляров."¹⁰

"Все эти люди видели неизбежный крах Германии и отлично сознавали, что это дело времени и, притом, непродолжительного. Не кусок хлеба, не папиросы и не вино заставляли этих людей взяться за оружие против большевиков, шедших их же освобождать. Не изменой следует объяснить эту волну народного патриотизма, в тот момент, когда советские войска стояли под Берлином..."¹¹

10. А. Казанцев. *Третья Сила*. Стр. 290-291.

11. М. Китаев. *Материалы к Истории Освободительного Движения Народов России*. Стр. 73.

”В самом конце войны Вермахт позволил несколько самостоятельных военных операций власовцев. Одна из них, несмотря на свою незначительную величину, политически производит впечатление. Когда Красная Армия подходила к реке Одер, маленькая часть РОА, под командой полковника Сахарова, была послана на Восточный фронт. Эта часть участвовала в успешных боях, во время которых очень много советских солдат добровольно перешли на сторону РОА. При сдаче они объявляли, что сдались только потому, что столкнулись с Власовскими войсками.

Поразителен этот случай в самом конце войны, когда полная победа Сталина была уже обеспечена”.¹²

Люди обыкновенно делятся на оптимистов и пессимистов и под углом зрения того или другого умонастроения оценивают происходящее. Это же самое, конечно, наблюдалось и по отношению к Власовскому Движению. В связи с этим, в мое время, в Берлине в ходу была шутка о подлинном значении нарукавного знака чинов Власовской Армии — РОА. Наручный знак представлял собою синий Андреевский крест на белом фоне, обрамленный красной полоской. Над этой эмблемой стояли золотые буквы РОА. Одни расшифровывали значение этих трех букв так: русские, обманувшие Адольфа. Другие читали в них противоположное: русские, обманутые Адольфом.

Кем бы мы ни были, но мы хотели только одного: послужить спасению России.

Нередко высказывалось мнение, что все это напрасно, дорого стоящая игра в солдатики и т. п. Было ли это так на самом деле? Нет, не было. РОА было совсем реальное и правдивое начинание, которое прошло мимо своего осуществления на расстоянии всего нескольких шагов. Чуть-чуть иной поворот событий последних месяцев, и все намеченное стало бы осуществленной действительностью.

И это не фантазия. Для того, чтобы убедиться в этом достаточно вспомнить, с какой поспешностью и услужливостью делалось черное дело выдачи Сталину военнопленных и задать себе вопрос — почему? Не потому ли, что

12. Lyons, p. 250-251.

страшно боялись провокации со стороны "Великого Союзника"? А что будет с американским десантом и всем западным фронтом, если на восточном фронте Сталин вдруг устроит полное затишье, дав немцам свободу рук на западе? Если боялись, да еще так основательно, то, надо думать, что у немцев еще было то, чего нужно было бояться. Следовательно, и за 8 месяцев до конца войны немцы еще были сильны. И еще раз, следовательно: расчет ген. Власова, сделанный осенью 1944 года, что ему нужно 5-6 месяцев, чтобы иметь 30-40 дивизий, был вполне реален.¹³

"Человек предполагает, а Бог располагает", говорит наша старинная пословица. Нам же остается сказать о своих днях, так, как поем мы о днях минувших бородинского сражения: "Не будь на то Господня воля, не отдали-б Москвы..."

Приведу два отрывка, описывающие события последних месяцев войны: поход первой дивизии и разговор пропагандиста РОА с советскими солдатами через линию фронта. Эти описания показывают, как действительно мы были близки к освобождению родины: без немцев и без Сталина.

"Уже первые дни показали, что солдаты нуждаются в более обильном питании. Это не означало, что рос их аппетит. Причина лежала в другом совсем, и первым открыл ее немецкий майор Швеннингер, офицер связи, командир связной части, которая предшествовала дивизии. Весть о прохождении Первой власовской дивизии с быстротой молнии распространилась по лагерям "остовцев" и военнопленных. И одни и другие неудержимым потоком включались в ряды дивизии. Люди приходили обыкновенно ночью, одиночками или целыми группами. Роты и полки росли в численности с невероятной быстротой. Из Мюнзингена вышли 13. 000 человек. По официальным рапортам, уже на пол пути их численность дошла до 18. 000, а к концу и до 20. 000 человек.

Швеннингер очень скоро убедился в круговой поруке солдат. От его взгляда не могло ускользнуть, как солдаты перешептывались, как они тщательно скрывали вновь пришедших, как они трогательно одевали их в формы.

13. Л. Дудин (Н. Градобоев). Стр. 44.

В эти дни Буняченко, нога которого была в гипсе, больше лежал, чем сидел в автомобиле. Но, несмотря на свою неподвижность, он прекрасно знал о всем происходящем. Видя, как разрывается Швеннингер, он хотел облегчить работу и отправил ему на помощь полковника Николаева. Швеннингер заверял Буняченко, что со своей стороны он делает все, чтобы устранить какие бы то ни было репрессии со стороны немцев, но он считал, что Буняченко должен сделать что-то, чтобы остановить этот неудержимый поток "самопополнения". Николаев выслушал его жалобы, но, пожав плечами, все же отвечал: — Что же мы должны делать? Что бы вы делали, если бы были на нашем месте? Могли ли бы дать приказ стрелять в них? У вас хватило бы сердца и нервов прогнать их? Опять на голод и за колючую проволоку?...

Швеннингер умолк, не находя ответа.

— Наши солдаты послушны, — продолжал Николаев. — Но мы не можем от них требовать, чтобы они стреляли в своих товарищей. Не правда ли? А поэтому лучше, если мы забудем об этом. Ведь они не только включаются в наши ряды, но они и рассказывают, все, что у них наболело на душе, что они перестрадали. Как мы можем запретить нашим солдатам слушать эти рассказы? Ведь они сами уже о многом знали... Теперь же они знают о немцах все! Не думаете ли вы, что теперь пришла очередь вам молчать и забыть обо всем том, что происходит?

Положа руку на сердце, Швеннингер не мог не согласиться с доводами Николаева, но, несмотря на то, что он понимал, что начинается расплата за все содеянное зло, он должен был исполнять свои обязанности. Через три дня он пришел к Буняченко. Он застал его в чистой, хорошей комнате крестьянского дома. Окруженный своими офицерами, генерал лежал в постели. Его больная нога в гипсе была высоко поднята. Он медленно попивал из большого стакана. Кивнув Швеннингеру, он бросил свое обычное: — Ну, что у нас теперь хорошенького? — Осторожно и деликатно Швеннингер изложил свои заботы.

Буняченко отбросился на подушки и обвел взглядом своих офицеров. Его и без того узкие глаза стали щелочками. После длительного молчания он с нескрываемым озлоблением сказал: — Не хотите ли, майор, чтобы я вам рассказал сказочку? Жила-была одна девушка, которую привезли в Германию, когда там во-о-о как нуждались в рабочих руках! Попала наша девушка на работу на

фабрику. Она работала не покладая рук, не за страх, а за совесть, честно и прилежно; но, так как она была чужестранкой, она не была знакома со всеми правилами, которые для нее и ее подобных были написаны. Однажды она сделала что-то такое, что могла свободно делать у себя дома, но не здесь. Из-за этого ее вызвали в полицию. За ней пришел немецкий полицейский. Ввиду того, что полицейское управление было далеко, он приехал на велосипеде... Только один из них мог ехать в обратный путь на велосипеде, и это, конечно, был полицейский. Для того, чтобы по дороге не потерять девушку-украинку, он надел ей на шею петлю из веревки, а другой конец взял в руку, сел на велосипед и ... помчался!..

Грузное тело Буняченка напряглось. Его голос зазвучал угрожающе:

— ... Итак, мчался наш немецкий полицейский на своем велосипеде, а за ним, с веревкой на шее бежала украинка... — Генерал обвиняюще тыкал пальцем по направлению Швеннингера: — И эта сказка, увы, не выдумка. Этот случай произошел сегодня! — уже гремел он.

Швеннингер, растерявшись, едва собрался с духом и сказал: — Но... это же невозможно!

— Я сам это видел! рычал Буняченко. — Как же вы считаете, майор, если эта девушка из лап полиции прибежит к нам? Прогнать? Н-н-н-нет, голубчик, я ее не прогоню!"..¹⁴

Второй отрывок показывает, как слово, простое слово доходило до сердец красноармейцев, пока еще отделенных от нас линией фронта. В слове-то и была наша сила. Не оружие, а слово правды, в которое мы глубоко верили, было призвано для спасения России.

— "Язык общий всегда можно найти, — рассказывает Боженко, — и у нас редко бывало так, чтобы с той стороны не задал кто-нибудь вопроса и чтобы, в конце-концов, не завязался оживленный разговор. Ну, конечно, если по близости нет политических руководителей. Если они есть, начинается сразу же стрельба... Недавно выхожу я на передовую. Нас разделяет только узенькая речка. Их передовые посты окопались на самом берегу. Я сижу в небольшом окопе, — знаете, на тот случай, если после

14. "Очерки к истории Освободительного Движения Народов России". Стр. 98-99.

первых же слов резанут пулеметную очередь. Так было и на этот раз. Не успел я опуститься в окоп — до него нужно ползти по открытому месту — как с той стороны начали стрелять. Постреляли и перестали, вероятно, им показалось, что немцы что-то предпринимают на берегу. Кончили стрелять, я и кричу:

— Поберегите патроны, ребята! А то расстреляете все в немцев, для Сталина ничего не останется!

С той стороны приглушенный бас:

— Не беспокойся, останется...

— Ну, думаю, для начала не плохо. Завожу беседу. Немцы недалеко сзади, но я знаю, что по-русски из них не понимает никто ни слова. Текста я никогда не пишу, потому, что и сам не знаю, о чем и как буду говорить, — раньше это требовалось обязательно.

— Война, — говорю, — ребята, скоро кончится, у немца дух на исходе.

Смеются с той стороны.

— Мы, — говорят, — ему скоро последний выпустим.

— Правильно, — говорю, — так и надо. Ну, а потом, — говорю, — братцы, что, по колхозам пойдете, трудодни отрабатывать?

Молчат.

— Со всем этим, — говорю, — друзья, кончать надо, и с колхозами и со Сталиным. А кончать нам трудно. Не верим друг другу. Сговориться никак не можем. Вот мы стоим с вами, через речку беседуем, вы голову только высовываете, и мне страшно. А что мы, враги что-ли? Нет, не враги. Я так же как и вы, на Сталина и на партию двадцать лет работал, да не хочу больше. И вы тоже не хотите. А боимся друг друга.

С той стороны голос доносится.

— А ты не бойся, говори смело. Брат в брата стрелять не будет.

Я опять им, что вот, мол, сейчас разговоров много о том, что перемены будут большие после войны, послабление будет дано. А я, говорю, братцы, не верю в это. И все мы здесь не верим. Да и вы не верите. Сейчас, говорю, обещают, а потом, когда оружие сдадите, ничего не дадут. Надували уж не раз, пора привыкнуть.

Опять басит кто-то оттуда:

— Ну, мы так легко не отдадим. Мы тоже соображаем, научились...

Беседуем так довольно долго. Пить захотелось мне не
вмоготу, все таки не говорить, а кричать приходится.

— Ну, что-ж, братцы, — говорю, — досвиданья, пойду выпить чего-нибудь, горло пересохло, да вам отдохнуть пора.

С той стороны голос:

— Чего-ж уходить-то, вот тебе речка рядом, напейся, да еще потолкуем.

Дилемма стоит передо мной трудная. Речка — вот она, действительно, рядом, да чтоб дойти до нее нужно совсем вылезти и стать во весь рост. А ночь лунная, на сто метров кругом видно, как днем. А до них рукой подать. Страшно стало. А чорт их знает, двинет какой-нибудь из автомата — прощай пропагандист Боженко, не будет больше разговоров ночных вести!.. Опять же, может быть за это время какое-нибудь начальство к ним подползло, тогда они не стрелять не могут... С другой стороны, я только что говорил о братстве нашем, об общей нашей судьбе, о необходимости доверия друг к другу. Не выйду — некрасиво получится. Подумают, что разговор только на словах был. Быстро надо это сообразить, — задержка производит тоже нехорошее впечатление... Решился я. Перекрестился и вылезаю: будь что будет. Пристально смотрю в ту сторону, их не видно, в окопе сидят. Тихонько спускаюсь к реке. Пить уже мне совсем расхотелось. Нагибаюсь, булькаю руками в воде и иду обратно. Тут самый страшный момент наступил. Повернулся к ним спиной и чувствую — большая она у меня такая, и если выстрелят, не могут не попасть... Не выстрелили. Добрался я до своего укрытия, залез обратно, — как две горы с плеч свалились. "Спасибо, говорю, ребята". "На здоровье!" — кричат оттуда... Потом смена им пришла. Они что-то пошушукались, слышу другие голоса отвечают. Так я в ту ночь до утра домой и не уходил, все разговаривали".¹⁵

Таковы были настроения, а следовательно и возможности тех времен. Абсолютно верно замечание западного наблюдателя, сказавшего: "... что могло бы быть, если бы анти-советскому потенциалу среди русских людей были бы даны свобода развития и поддержка".¹⁶

15. А. Казанцев. *Третья Сила*. Стр. 284-286.

16. Lyons, p. 251

Но немцы неспособны были одуматься. В смеси самых противоположных явлений, в большинстве своем, к сожалению, отрицательных, прошли эти драгоценнейшие последние месяцы. Сказав А, немцы никак не могли произнести Б. Казалось, что им легче умереть, чем сдвинуться с проторенной дорожки. Гибкости для внутренней перестройки, быстрой ориентировки в ситуации развивающихся событий у них не оказалось.

После того, как 16 сентября 1944 года, Гиммлер сказал Власову: "Господин генерал! Я разговаривал с фюрером. С этого момента вы можете считать себя главнокомандующим армией..." только 28 января 1945 года ген. Власов был официально объявлен Главнокомандующим РОА. Прошло четыре месяца! Четыре месяца пускались на ветер тогда, когда ситуация требовала осуществить такие мероприятия в четыре дня!

Хорошо помню заснеженные места южной Германии. Мюнзинген — место расположения Первой Власовской дивизии. Туда я ездил служить благодарственный молебен по случаю официального опубликования генерала Власова Главнокомандующим РОА.

Колоссальный армейский маневр этого военного городка переполнен офицерами и солдатами во главе с командиром дивизии, генералом Буняченко. Служу молебен, говорю о подвиге св. кн. Александра Невского — защитника родной земли, что святость не только удел подвижников, но и князей-военачальников и рядовых воинов... Сколько из тех тысяч русских воинов, которых я видел тогда и думал, что им суждено стяжать себе святость на поле брани, стяжали ее, наверно, на путях мученичества и подвижничества в лагерях и тюрьмах.

Помню, потом ген. Буняченко меня спросил: "А что мне будет, если я возьму Киев?" Мы с ним беседовали о том, что святость не есть как-бы орден, который дается за самый факт воинской доблести, что если в нас успешно строится внутренний человек, то соответственно окрашиваются и наши внешние дела, а потому и говорит

Писание, что "Победивший себя больше завоевателя города". Дай Бог, чтобы зернышко нашего разговора помогло ему в часы его страшной кончины.

Обратное путешествие из Мюнзингена в Берлин затянулось. Железнодорожные пути неоднократно оказывались перебитыми бомбардировками и поезд направлялся на другие пути, что занимало очень много времени. За короткое время моего отсутствия Берлин очень изменился. Близость фронта особенно ощущалась, когда я приехал на вокзал, чтобы ехать за семьей, оставшейся под Берлином, в северо-восточном направлении. На мое счастье, нужная мне железнодорожная ветка была единственной еще не закрытой для пользования гражданского населения. Да, это действительно было мое счастье. Вернись я в Берлин несколькими днями позднее — и я потерял бы мою семью. Несмотря на пододвинувшийся фронт (ночами они слышали гул артиллерийской стрельбы), жена не двигалась с места и ждала меня. Сдвинуться — значило потерять друг друга. Со сколькими семьями произошли такие трагедии! Для нашей семьи это был один из самых опасных моментов в жизни и самых радостных встреч.

Как я писал, около этой деревни находился лагерь, в котором был наш Епархиальный книжный склад. Я уже не нашел ни лагеря, ни своих сотрудников: люди эвакуированы, а лагерь разграблен соседними немцами. В тот же день, бросив все, я вывез семью в Берлин. Нас приютили милые и сердечные Деллингсхаузен. Спустя несколько дней, влезая через окно в штурмуемый толпами беженцев поезд, мы покинули Берлин и направились на юг, в тот же Мюнзинген, в котором я так недавно был.

С нами были двое из моих сотрудников: Тамара Х. и Кирилл К. с женой и грудным ребенком. На Берлинский железнодорожный вокзал нельзя было проехать (почти не работала подземка и не ходили трамваи), мы шли пешком. На детской коляске поместилось имущество всех нас.

Я прибыл в Мюнзинген, когда из него уходили последние части Первой дивизии генерала Буняченко, с которой я тут так недавно встречался.

Я начал служить в тамошней гарнизонной церкви.

На месте Первой дивизии теперь формировалась Вторая дивизия, а так же находилась офицерская школа и запасная бригада. Мы быстро вошли в общую дружную, хотя и полную тревог, жизнь. Эта жизнь была настолько захватывающе русской, настолько целеустремленной, что дети наши — дочь Милица и сын Алексей — до того учившиеся в немецкой школе и совершенно свободно владевшие немецким языком, как-то противоестественно успели за несколько месяцев совершенно разучиться им пользоваться. Та обостренно русская жизнь, которой мы там жили, навсегда отразилась на детях, став основным стимулом их русского самосознания в будущем.

Скоро мое положение в Мюнзингене стало несколько странным. Дело в том, что осенью 1944 года митрополит Берлинский и Германский Серафим назначил меня возглавлять дело духовного окормления РОА. Однако, не прошло и нескольких месяцев, как Синод Русской Православной Церкви за рубежом поручил это дело архимандриту Серафиму (Иванову), назначив его протопресвитером¹⁷ РОА. Об этом я узнал от А. К. Свитича, оказавшегося заместителем председателя Совета по религиозным делам. Он в феврале или марте посетил меня в Мюнзингене и несколько странным тоном заявил, что мне предписывается ждать нового назначения.

Я обратился к генералу Меандрову — начальнику офицерской школы и гарнизона, в походной церкви которого я служил — с вопросом, не должен ли я теперь уехать. Он ответил, что я даже думать об этом не смею. Я остался служить дальше в несколько странном положении.

*

* *

Что же практически дало нам торжественное признание Власова и возглавляемого им КОНР'а, все заверения о полной договоренности и понимании, обещания открыть все двери, дать все необходимое? Практически все это ничего существенного не дало. Два

17. Протопресвитер — глава военного духовенства.

месяца, от ноября 1944 г. до января 1945 г., последняя возможность, когда фронт держали на Висле, была истрачена на бесконечное переливание из пустого в порожнее. Но час судьбы пробил, сроки, данные для стремительных действий, остались неиспользованными. В январе началось продвижение Красной Армии и маршал Жуков стоял на Одере, угрожая непосредственно Берлину.

Столицу Германии охватила паника.

Современникам и участникам непосильна оценка всей полноты исторического значения событий, в которых они участвовали. Кто о своих днях может безошибочно сказать, в чем и когда было поражение и когда победа? Беспристрастность и правильность оценок, поскольку таковые вообще существуют, требует перспективы, полнота обладания которой, естественно, сможет принадлежать только нашим потомкам. Власовское Освободительное Движение, как не было началом, так не является и концом известного периода Русской истории.

Ген. Власов не был лишен пророческого дара, когда сказал: "Наши идеи будут жить дальше, когда мы погибнем, после нас, семя взойдет когда-нибудь. То, что мы делаем, не напрасно".¹⁸

Немецкой журналистке Власов сказал: "Если судьба уготовила нам смерть — мы умрем. Но семена истины лежат в земле, они взойдут и дадут свой плод."¹⁹

И простой русской девушке — "остовке": "Если тебе удастся вернуться домой, Надя, не забудь меня. Расскажи своим друзьям, что намерения наши по отношению к нашему народу были честные."²⁰

18. Свен Стеенберг. Стр. 121.

19. Steenberg p. 162

20. Steenberg p. 123

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Немцы остались верны себе до конца. Они не только не содействовали созданию антикоммунистической русской национальной силы, но потратили много усилий на то, чтобы мешать этому, чтобы разобщать и то, что в этой области уже было достигнуто.

Первенство в таком гнусном и безумном деле наверное следует отдать Восточному министерству с фанатиком г-ном Розенбергом во главе, до последнего стоящим на позиции, что "... цель восточной политики Рейха заключается в достижении расчленения (decomposition-разложения) территорий востока и его народов."¹

От главного управления СС ничего, кроме эффектных жестов, Освободительное Движение не получило.

КОНР предпочитал армейские круги главному управлению СС, но разве от ген. Власова зависел выбор, с кем вести переговоры? Разве национал-социалистическая Германия не была диктатурой, в которой все, через Гимmlера, восходило к единому Фюреру? Армия не была исключением из этого правила. Помощь армии оказывалась, но лишь постольку, поскольку это происходило почти незамеченным на партийных верхах. Символом утраты армией последних крох самостоятельности служит, после покушения на Гитлера, отмена традицион-

1. Секретный доклад (Geheime Reichssache) Walter Labs, высокого чиновника Восточного министерства от 25 ноября 1944 года. Конфискованные немецкие документы. Вашингтон. Библиотека Конгресса.

ной военной отдачи чести — прикладыванием руки к козырьку фуражки — и введение в армии формы партийного приветствия — вытягивания кверху правой руки.

Не свободный выбор, а воля непреодолимых обстоятельств привела ген. Власова к дверям Гиммлера.

Горьки были эти последние дни.

Ген. Власов попал во все увеличивавшуюся зависимость от СС полковника Э. Крёгера, без которого он не мог шагу ступить, который с подручными, последнее время, был при нем день и ночь.

В начале февраля, из-за приближения фронта, Комитет Освобождения Народов России переводится в Карлсбад. Однако, пропагандная часть его деятельности (радио, газеты) остаются в Берлине. Карлсбад, тихий, не пострадавший от налетов курорт, очень удобен для размещения потерявших уже свое значение учреждений. "Главное управление СС, ведавшее делами КОНР'а, немедленно перевело туда же большое число своих сотрудников с их семьями, и устроило для них комфортабельную и совершенно безопасную жизнь".²

КОНР оказывается изолированным. Части РОА, расположенные в районе Ульма, как и пропагандные отделы в Берлине, оказались почти недостижимыми.

В конце марта в Карлсбаде происходит последнее заседание КОНР'а. На этом собрании участники его отвели душу, наговорив в лицо представителям СС все, чего те заслуживали.

Вспомним здесь приведенный выше разговор ген. Власова с немецким полковником Фрейтаг-Лорингхофен, и слова ген. Власова о "последнем отчаянном шаге", который будет возможен, если найдутся соответствующего мужества и рассудительности германские офицеры. Час для такого "отчаянного шага" давно настал, но германских офицеров, готовых пойти с Власовым, не оказалось. Те германские офицеры-патриоты, которые участвовали в заговоре 20 июля, были уничтожены. Русские немцы, которые раньше способствовали Власову, были отстранены. Главный из них, капитан В. Штрик-

2. Л. В. Дудин (Н. Градобоев). Стр. 66.

Штрикфельд, был даже на полулегальном положении.

Последние три месяца это — агония Германии. Это перебитые пути сообщения, это такое интенсивное господство в воздухе союзной авиации, которое почти парализовало возможность дневного движения по дорогам, это такой недостаток горючего, что многие автомобили двигались на отоплении деревом. При таких обстоятельствах надежды на интенсивное формирование наших частей сводились на нет.

Но оставались, пускай небольшие, но все же уже существующие наши собственные вооруженные силы: две дивизии (вторая — полувооруженная), запасная бригада — совсем безоружная, авиационные силы, офицерская школа... по тем временам и это была сила, с которой нельзя было не считаться. Ведь ген. Буняченко снял с фронта и провел свою Первую дивизию от Одера до Праги вопреки приказам немецкого командования и немцы не рискнули его разоружить. И не только дошел до Праги, но и освободил ее от немцев. Советские войска лишь на следующие сутки вошли в уже освобожденную Первой дивизией Прагу.³

Я, как военный священник, шел с Мюнзингенским гарнизоном, отступавшим вглубь Баварии. Со мной была моя семья — жена и двое детей. Идти было очень трудно т. к. переходы были большие, притом приходилось идти только ночами из боязни обстрела с воздуха. Женщины держались за обозные телеги, а некоторые даже привязывали себя за пояс веревкой, чтобы из-за полного изнеможения не отстать и не потеряться. В обозе соседняя с моей церковной повозкой была повозка нашего врача. В виде исключения, докторша как и дети, получила разрешение ехать на этой повозке, а не идти пешком, ибо она накануне выступления из Мюнзингена родила младенца.

В день, когда был получен немецкий приказ изменить направление нашего движения, мы стояли на дневке в районе Фюссена. Ген. Меандров созвал совещание старших офицеров. Не зная этого, я зашел к нему, но

3. В. А. Артемьев. *Первая дивизия РОА*. И-во СБОНР. Канада 1974 г. Стр. 122.

увидел, что тут важное собрание, хотел уходить. Меня заметили: "А, отец Александр! Заходите. Да заходите же!" раздалось несколько голосов. Помню, как разговоры там поразили меня: никто не знал, что делать, не было общего плана, не было связи с ген. Власовым... Тут решилась и моя судьба. Ген. Меандров приказал мне остаться в этом селе, вместе с группой больных, женщин и детей, и войти в контакт с представителем КОНР^а, который, по слухам, должен был быть в Фюссене.

В тот же день я на велосипеде поехал в Фюссен: Там я неожиданно нашел Митрополита Анастасия, которого привез туда ген. Власов. Митрополит просил как можно скорее перебраться к нему. Через несколько дней, уже находясь под американской оккупацией, мы все стали перебираться в Фюссен. Там, вместе с Владыкой-Митрополитом, встретили конец Страстной недели и Св. Пасху.

Когда, побывав в Фюссене, я "гнал" ночью на велосипеде обратно в свое село, мне навстречу шел почти сплошной поток бегущих в горы обрывков немецкой армии — машин, повозок, верховых, пеших, небольших частей, иногда даже орудий...

Почему не разоружали этих людей, почему не брали их склады, как это когда-то предполагалось? Почему не осуществлялся план продвижения на соединение с казаками (150 тысяч человек)⁴, с Русским Корпусом (60 тысяч человек) или с Драже Михайловичем, как, опять-таки, ранее предвиделось? Может быть нужно было не чувствовать себя в плену у Крёгера, а его арестовать? Между прочим подобие такого плана предлагалось Власову, но он отверг его⁵. Был ли прав ген. Власов?

Почему последние месяцы все так происходило? Был это "паралич воли"?⁶ Можно ли было исключительно мужественными мерами добиться тех реальностей, на которых строился наш первоначальный замысел? Для ответа на этот вопрос нужно быть военным или политиком. Не являясь таковым, мои соображения в этой области могут оказаться недостаточно компетентными.

4. А. Казанцев. Стр. 290.

5. В. Штрик-Штрикфельдт. Стр. 380.

6. А. Солженицын. *Вестник Р. X, Д.* № 115. Стр. 175.

Но неумение ответить на вопросы еще не снимает самих вопросов. От них уйти нельзя. Это и побуждает меня поделиться своим личным пониманием происшедшего.

Ниже мы прочитаем о последнем свидании кап. Штрик-Штрикфельдт с ген. Власовым. Можно ли в описании этого свидания увидеть появление трещин в монолитном облике ген. Власова?

Может быть и можно, но не обязательно.

Есть ли достаточно оснований делать сопоставления якобы решительности ген. Буняченко с якобы нерешительностью ген. Власова? Видеть в почти полной покорности ген. Власова полковнику СС Э. Крёгеру подавленность духа, а не расчет политика, путем сложных комбинаций, идущего к своей последней цели?

Не были ли действия ген. Власова связаны с надеждой на понимание и содействие Запада? Ожиданием результата от попыток установить контакт с Западом?

Власовское Движение было, по существу, движением идеалистов. Не веря ни Кремлю, ни Берлину, взоры были обращены к демократиям Свободного мира — США и Англии. Надежда была на то, что если не сейчас, в дни упоения победой над Германией, то немного позднее Союзники поймут истинное положение вещей и Движение будет оправдано и поддержано.⁸ Сам Власов предполагал, что на это потребуются до полутора лет. Но это оказалось трагическим заблуждением-иллюзией.

7. "Остатки РОА сдались американской армии в Чехии и Австрии, находясь под патетическим впечатлением, что они отдают себя в дружеские руки. Вера в то, что Союзники, покончив с Гитлером, повернут теперь на Сталина, была широко распространена не только среди советских граждан в немецкой форме, но и среди миллионов их соотечественников. Это дает возможность понять, почему десятки тысяч стремились к Власову даже в последние месяцы, когда поражение Германии было абсолютно обеспечено". Lyons, p. 251-252

8. Во второй половине 1944 года создается при КОНР специальный департамент для сношения с западными странами. Через шведского военного атташе пытаются установить связи с некоторыми государствами и международным Красным Крестом (Steenberg, p. 181).

"Зимой 1944-1945 гг. иностранные представители в 3-м Рейхе (Ватикан, Испания, Сербия и др.) вошли в официальный контакт с КОНР, ом". (Dallin, p. 652).

В подтверждение того доверия к западным союзникам, которое царило в Мюнзингене, я расскажу случай, как однажды, вблизи военного городка, немецкая зенитная батарея подбила союзный аэроплан. Несколькоми часами позже западный аэроплан атаковал нашу батарею, возвращавшуюся в казармы после учебной стрельбы. Были убитые и раненые.

Решительно всеми этот случай понимался так: американец отомстил за убитого товарища, принял наше орудие за то, которое стреляло по подбитому самолету. Действительно, это был единственный случай, когда союзная авиация тронула Мюнзинген, хотя кругом всю Германию разносили в пух и прах.

Это еще не все.

Несколько дней спустя, когда мы хоронили наших убитых курсантов офицерской школы, за город к кладбищу шла огромная толпа народа, войсковая часть, как почетный караул, я в облачении, хор... Над процессией появились западные аэропланы. Они летели низко-низко, как бы участвуя в нашем траурном шествии. Это не вызвало ни у кого ни паники, ни смущения. Близко от меня шла моя жена с детьми. У меня и мысли не было опасаться за них.

Такова была вера в наших потенциальных союзников.

Это понять, осмыслить Власовское Движение Свободный Мир не смог, даже и до наших дней. В этом трагедия как Западного Мира, так и реализации идеи Власовского Движения.

Со свойственной его таланту ясностью А. И. Солженицын воспроизводит наши тогдашние надежды, их трагический конец и говорит:

”Все теплилась — нет, горела такая надежда: вот конец войны, вот и приходит время могучим англоамериканцам потребовать от Сталина изменения внутренней политики — вот сближаются армии с Запада и Востока и над раздавленным Гитлером столкнутся! — так тут-то и выгодно Западу сохранить и использовать нас? Ведь понимают же они, что большевизм — враг всего человечества?

Нет, и близко не понимали! О, западная демократическая тупость..."⁹

Как подтверждение этого нелестного мнения Солженицына, мы вынуждены привести выдержку из доклада Черчиля британскому кабинету. Сей всемирно известный политический деятель 19 февраля 1945 г. сообщил, что...

"Он (Черчиль) чувствовал, что русские (Советские — прот. А. К.) имели сильное желание гармонического сотрудничества с двумя англоязычными демократиями. Премьер Сталин могущественнейший человек, к которому он (Черчиль) испытывал полное доверие."¹⁰

*
* *
*

Но мы должны вникнуть в те внутренние процессы, которые усиливались в душе ген. Власова по мере приближения к концу. Умственно человек может иметь надежды, бороться за свои идеи, а глубиной внутреннего мира души ощущать реальную близость конца и соответственно на это реагировать. Ощущение конца становилось доминирующим во всем сложном комплексе происходившего во внутреннем мире ген. Власова.

Однако вернемся к событиям последних дней.

Капитан В. Штрик-Штрикфельд виделся с ген. Власовым последний раз в конце апреля 1945 г. в Баварии.

"Когда генерал уже лег спать, я еще раз зашел к нему, и он сказал мне: — Простите, Вильфрид Карлович, я много пью в последнее время. Я пил и раньше, но никогда не пьянствовал. А теперь хочу забыться. Крегер все время подливает мне и думает, возможно, держать меня этим в руках. Но он ошибается. Я все вижу и все слышу. Я знаю свой долг и не спрячусь от ответственности. Прошу у Бога силы выдержать все до конца... А когда-нибудь вы скажете всем, что Андрей Андреевич Власов и его друзья любили свою родину и не были изменниками. Обещайте мне это".¹¹

9. Дополнение к "Архипелагу ГУЛАГУ" т. I. См. *Вестник Р. Х. Д.* № 115, стр. 176.

10. Bethell, p. 34

11. В. Штрик-Штрикфельдт. Стр. 382.

Приведенные выше слова производят очень странное впечатление. Не хочется верить, что это говорит ген. Власов. Он был человеком большой личной храбрости, выдержки, рассудительности. Что же произошло с ним?

Слова, приведенные капитаном Штрик-Штрикфельд, сказаны 18 апреля в Баварии, а 27 апреля аэроплан с ген. Власовым приземлился на территории Чехословакии, куда только-что пришла Первая дивизия. Как известно, эта дивизия вышла из немецкого повиновения и, в создавшихся условиях, немецкие старания сводились не столько к тому, чтобы ее вернуть к повиновению, как хотя бы удержать от военных действий против немцев.

Ген. Власов прилетел не один, а вместе с фельдмаршалом Шернером и многими сопровождавшими. Фельдмаршал прилетел уговаривать командира дивизии ген. Буняченко. Ген. Власов был привезен в надежде на то, что он окажет влияние на строптивного генерала.

Переговоры производят странное впечатление. Ген. Власов поддерживал немецкого фельдмаршала, говорил вяло, "производил впечатление уставшего, морально подавленного человека, вынужденного играть роль".¹² Ничего не добившись, фельдмаршал улетел, а ген. Власов остался, окруженный немцами — СС полковник Крёгер и компания.

"Не сразу представилась возможность ген. Власову встретиться с ген. Буняченко в отсутствие немецкой свиты, которая ни на минуту не оставляла его одного."¹³ Наконец генералы смогли остаться без немцев, одни, вместе с некоторыми из своих полковых командиров. Перед ними предстал прежний Власов. Он объяснил, что "немцы еще рассчитывают, что смогут... заставить наши войска воевать вместе с ними. Я всеми силами стараюсь поддержать в них эту надежду, иначе наши несчастные люди и наши войсковые части, находящиеся в Германии в незащитном положении, могут быть подвергнуты жестоким репрессиям..."¹⁴ Он одобрил действия дивизии и

12. В. П. Артемьев. Стр. 98.

13. В. П. Артемьев. Стр. 99.

14. В. П. Артемьев. Стр. 99.

предупредил, что если в присутствии немцев он будет говорить другое, противоположное тому, что говорит сейчас, чтобы тогда его словам не придавать значения. Все поняли, почему ген. Власов так вел себя при немцах. Поняли, одобрили и ободрились.

После этого вряд ли нужно еще пояснять скрытый смысл поведения ген. Власова у кап. Штрик-Штрикфельдт, когда они виделись последний раз.

Атмосфера в районе расположения Первой дивизии накалялась с часу на час... Между немцами и власовцами ежедневно происходили конфликты с применением оружия. Через два дня СС-кое окружение ген. Власова сочло свое дальнейшее пребывание тут крайне опасным и по их просьбе, под нашей охраной, они были вывезены на территорию Германии и ген. Власов перестал быть их пленником.

Полковник Артемьев подробно, с точностью записей дневника, описывает все события дальнейших дней, в которых ген. Власов принимал, подобающее его положению, участие. Власов был прежним ген. Власовым.

*
* *
*

Первые соприкосновения с американцами... круг суживается... надежды вызывают тревогу... Идут планомерные выдачи власовцев, пленных, остовцев — всех советских граждан. Друзья познаются в беде. Как это правильно. Десятилетиями русский народ старались разделить, натравить друг на друга: красные! белые! Что же показали годы войны? Русское Освободительное Движение состояло на 90% из вчерашних "красных", у которых без всяких затруднений нашелся общий язык с "белым" меньшинством. Те и другие одинаково любили свою родину и одинаково понимали ее благо.

Наступил конец войны. Красные "красных", как негров во времена "хижины дяди Тома", вылавливали и обращались с ними как со скотом на убой. Выше мы уже много говорили о том, как это происходило. В данном случае мы приведем, неопубликованное ранее, письмо

советского ген. Соколовского американскому ген. Клэй, о выдаче ген. В.Ф. Малышкина.¹⁵

Что ж в это время делали "белые" — старые эмигранты, на которых формально не претендовал Советский Союз? Делали все, чтобы спасти своих: от ходатайства Православной Церкви за рубежом,¹⁶ общественных комитетов и лиц, занимавших высокое положение,¹⁷ до укрывательства, подделывания документов, чтобы доказать, что советский человек не советский, а старый эмигрант... делалось все, чтобы спасти кого возможно.

Да простят мне моралисты, но это было время, когда ложь для спасения человеческой жизни была, я уверен, абсолютно оправдана.

В эти страшные дни русский народ показал свое единство, нарушить которое не способны никакие агитационные ухищрения.

*
* * *

Личное мужество не оставляло ген. Власова до самого последнего момента. Именно в это время он отвергает предложение бежать самолетом в Испанию. Его не покидала выдержка и тогда, когда он понял, что все и окончательно кончено: в последние дни перед выдачей он пытался свою жизнь обменять на судьбу солдат РОА — собою выкупить их свободу... Уже в Советском Союзе, в дни перед собственной казнью, он спасает сотоварищей-генералов...

Создавая Освободительное Движение, ген. Власов искал поддержки у своих, находившихся также в немецком плену, старших сотоварищей — генералов Лукина, Понеделина и Снегова. Во время специальной встречи они

15. См. Приложение У.

16. Обращение главы Русской Православной Церкви за границей, Митрополита Анастасия, к главнокомандующему ген. Д. Д. Эйзенхауэру. См. Приложение VI.

17. Обращение ген. А. И. Деникина к ген. Д. Айзенхауэру и сенатору Ванденбергу. См. Приложение VII.

договорились, что Власов будет пробовать, и если немцы действительно сдержат свои обещания, то к нему присоединятся и эти генералы. Но для защиты их в то время была пущена версия, что ген. Лукин, якобы, прогнал от себя ген. Власова, назвав его изменником.¹⁸

Журнал "Советское Государство и Право" дает отчет о судебном процессе над ген. Власовым, из которого мы узнаем, как на нем держал себя подсудимый генерал.

При внимательном чтении протокольной записи, приведенной в этом журнале, становится ясным, что ген. Власов прикрыл собой вышеупомянутых генералов. "... Все они, читаем в протоколе, от сотрудничества с фашистами с презрением отказались, да еще и высказали Власову в лицо, что они считают его предателем и изменником Родины".¹⁹ Таким своим ложным показанием, т. е. придерживаясь берлинской версии, ген. Власов, сам находясь на пороге смерти, спас жизнь этих генералов, тогда еще живых и находящихся в Советском Союзе.

В эти страшные дни в нем рос внутренний человек, крепились проявления высшей рассудительности, когда отлагаются земные расчеты и вещи видятся в свете иных категорий. Он стоял на пороге другого мира и последним "терпением" готовился перейти к силе иного оружия, которое только и дает подлинные победы.

*
* *
*

Автомобиль, в котором находился ген. Власов, его адъютант и ординарец, под конвоем американских солдат в джипе, был остановлен советскими военными. Власов был опознан. Он вышел из машины.

Американцы торговались и не хотели отдавать "своих пленных". Советские требовали их себе. "... Власов слушал с таким выражением лица, как будто речь шла совсем не о

18. Об этом мне рассказал С. Б. Фрелих. Об этом же пишет и В. Штрик-Штрикфельдт. Стр. 33-34.

19. *Советское Государство и Право* № 2, 1973 год, стр. 92.

нем. Он смотрел куда-то в необъятную даль отсутствующим взглядом”.²⁰

Для ген. А. А. Власова наступила его Голгофа. Смотри на эту “необъятную даль” чужой земли, он, вероятно, видел просторы своей родины, за которую отдавал свою кровь, как семя будущего освобождения России.

*
* *
*

Военная Коллегия Верховного Суда СССР, согласно сообщению, опубликованному 2 августа 1946 года в газете “Известия”, ... “приговорила обвиняемых Власова, Малышкина, Жиленкова, Трухина, Закутного, Благовещенского, Меандрова, Мальцева, Буняченко, Зверева, Корбукова и Шатова к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение”.

По слухам, доблестных сынов России вешали особым способом — на крюк под ребро, как в мясных вешают туши животных.

Погибли руководители и тысячи безвестных участников Освободительного Движения, а вместе с ними и миллионы тех, кто только дышал с ними одним воздухом, невольно попав в Германию, кто даже не рискнул обнаружить свои затаенные мечты о свободной и вольной России.

Вечная вам память!

Вам посвящается эта книга!

Мы, оставшиеся в живых, помним вас и молимся о вас!

²⁰. *Очерки к истории Освободительного Движения Народов России* Стр. 121.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МАНИФЕСТ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОСТИ

Манифест Комитета Освобождения Народов России — это основной официальный документ, излагающий принципы и цели Освободительного Движения. Этот документ тщательно разрабатывался в разных группах и комиссиях, при крайне трудных условиях надвигающегося конца войны.

Манифест был торжественно провозглашен и подписан в Праге 14 ноября 1944 года. Документ этот, созданный и обнародованный русскими на территории пленившей их Германии, может быть назван явлением беспрецедентным. Чем же удивителен этот документ? Тем, что, созданный в условиях полной зависимости от национал-социалистической диктатуры, он ни одним словом не восхваляет эту диктатуру, тем, что он более чем прозрачно ставит коммунизм и нацизм на одну степень зла, тем, что он полнейшим молчанием обходит антисемитизм, совершенно обязательный в условиях тех дней. Добиться опубликования такой неслыханной дерзости могли лишь люди сильной воли и большой смелости. Люди, которые не только были готовы, но и шли в тюрьмы, не отступая от своих принципов.

”Что касается их храброго манифеста (Пражский), то... принятие собранием (съездом в Праге): ”помощь Германии на условиях, не затрагивающих честь и независимость нашей родины”... наверное казались нацистам, даже в часы их сумерок (конца), невероятной наглостью славян...”

Однако, вдумчивый автор добавляет:

”То, что антисоветские русские занесли на бумагу в Праге, может быть в один прекрасный день рассмотрено освобожденной страной как Декларация Независимости”.¹

Ген. Власов отказался надеть немецкий мундир, сказав: ”не по плечу нам”, и тем стал символом чистоты риз Освободительного Движения, его знаменем.

Известно, что многие печатные материалы — листовки, воззвания, газеты — не только циркулировали в Европейской части Советского Союза, но доходили до Сибири, до ее восточных окраин. Мало того. Пленные принесли текст Смоленского воззвания,² которое сбрасывали с немецких аэропланов над фронтом и оккупированными областями, уже в заново переизданном где-то в Советском Союзе виде. Такова была жажда этого желанного слова. Вот, когда начался Самиздат! При такой жажде свободного слова, известий о готовящемся освобождении, какой же огромный интерес должен был быть и был к Манифесту?³ Его влияние не поддается учету. Он был первой конструктивной политической программой, проработанной идеей начатков государственного устройства России без коммунистической партии. Те попытки осмыслить государственное устройство России будущего, которые за послевоенные тридцать лет рождались в русском сознании и доходили оттуда к нам, в зарубежье, не были, думаю, лишены влияния Манифеста.

Манифест прозвучал, как голос русских из немецкого Кацета русским в Советский Гулаг. Голос этот не был голосом сломленного, поработанного человека. Наоборот, он был голосом твердым, смелым, говорящим, что в любых условиях можно бороться и побеждать. Манифест внушал веру в то, что было однажды выражено ген. Власовым словами, которые для рус-

1. Lyons, p. 248

2. Смоленское Воззвание — первый официальный документ ген. Власова, определяющий задачи Освободительного Движения.

3. Текст Манифеста в огромном количестве сбрасывался над Советской территорией.

ского человека, всегда и при всех обстоятельствах, останутся дорогой правдой: "Россия — наша! Прошное России — наше! Будущее России — тоже наше!"

Естественно, что Манифест и все идеи, в нем высказываемые, не родились в течение этого месяца, когда выработывалась его словесная форма. Он был плодом поисков в Советском Союзе, и результатом размышлений в плену, в таких русских очагах, как лагерь Дабендорф.⁴ Там люди получали возможность осознать происшедшее и происходящее, выработать пути на дальнейшее. Оттуда исходили идеи русского самосознания, оплодотворяющие мысль тех, кто находился, как по эту, так и по ту сторону фронта.

Как мы уже говорили, в оккупированных немцами русских землях находилось 60 миллионов жителей. Если к этому прибавить десять или больше миллионов "остов" и пленных, то, следовательно, 70-80 миллионов так или иначе соприкоснулись с вне-советским миром. Каким ужасным и даже кошмарным для подавляющего большинства из них он ни оказался, они все же стали проводниками о существовании этого другого мира, мира, который к ним обернулся волчьим оскалом, но который был сыт и благоустроен для своих граждан! Естественно, что возникал вопрос и искался ответ: как устроить свою жизнь без Сталина и Гитлера?

Вчитываясь в текст Манифеста мы видим, что его основные идеи близки идеям "февраля" 1917 года.

От времени составления Манифеста, нас отделяет уже тридцать лет. За это время многое изменилось и сейчас мы дышим совсем другим воздухом. Шагнули ли мы вперед или назад — не является сейчас предметом наших суждений. Достаточно отметить наличие больших сдвигов в пониманиях и оценках. То, что в то время мало обсуждалось и не нашло никакого отражения в Манифесте, то теперь, громогласно на весь мир, выдвигается Солженицыным и еще более определенно рядом людей в самом Советском Союзе.

4. См. статью Н. Штифанов "Дабендорф". Газета *Новое Русское Слово*, 8 февр. 1974 г. Н. Й.

Мысли проф. И. Д. Гримма,⁵ сторонника мнения, что не идеи "февраля" должны быть положены в основу законодательства новой русской государственности, а идея авторитарной власти "с поправкой на происшедшее",⁶ т. е. с учетом всего того опыта, который был приобретен за эти десятилетия, были в то время не популярны.

Сам факт возникновения Власовского Движения, все идеи с этим связанные и, конечно, Манифест, расшевелили, дали рост всему тому разнообразию мысли, которое мы, огульно, не вдаваясь в рассмотрение "правизны" или "левизны" этой гаммы воззрений, можем назвать "инакомыслием".

За время второй мировой войны произошла великая переоценка духовных ценностей. Тот адресат, которому в свое время могли подаваться начатки прозрения, из потребителя перерастает в поставщика. То, что было посеяно, взошло, принесло плод и теперь может подать питание духовно обнищавшему Западу. Сказанное ничего общего не имеет с мыслью о перерождении сущности коммунизма. Такого явления, к сожалению, нет. Мы говорим о процессах в СССР, происходящих вопреки марксизму, о процессах, всегда подспудно живших в нашем народе, а теперь все более крепнущих и, как гул пробуждения вулкана, все громче и дальше распространяющих свой голос.

Эти явления, конечно, не носят повального характера. Как любые идеи и процессы, приводящие к большим историческим сдвигам, так и в данном случае, сдвиги в перемене сознания относятся, конечно, далеко не ко всему населению Советского Союза.

Ни о чем нельзя говорить огульно, ни о духовном возрождении России, ни о моральном одряхлении Запада.

Есть одна черта, которую можно было бы назвать де-

5. Проф. И. Д. Гримм, профессор философии права Юрьевского университета, занимавший пост начальника юридического отдела Гражданского Управления КОНР'а.

6. Воспоминания. Д. А. Левицкий. Магнитофонная запись.

талья, если бы она своими корнями не уходила в глубокие пласты человеческого бытия. Я имею в виду то национальное самосознание народа, которое интернациональный коммунизм запечатал семью печатями ленинского лозунга: "история началась с октября". Мы должны были стать народом без прошлого, без корней. Национальное сознание, патриотизм были объявлены величайшим злом и преступлением. Только смертельная опасность во время первой стадии войны побудила расковать этого Прометея. И это послужило переломному моменту войны и привело к победе.

Произошло невероятное: офицерские погоны, ордена, имена национальных героев... Но, не даром говорят, что "слово не воробей, вылетит — не поймаешь". Чувства национальной гордости, любовь к своему прошлому, памятникам старины до самых скромных включительно, стали широко разливаться и захватывать интерес широких масс. Этот интерес — симптом глубокого всенародного оздоровления. Здоровый национализм далек от болезни, именуемой шовинизмом. Ведь никто в мире не отказывается от великого дара свободы только потому, что свобода может болеть произволом, как национализм шовинизмом.

Но какое отношение имело Власовское Движение к пробуждению национальных чувств в Советском Союзе? Власовское Движение сыграло роль возбудителя. То, что было пережито в плену и то, что, как это ни парадоксально, было в этом плену осмыслено и осознано, требовало создания своей собственной, национальной, третьей силы, без Сталина и Гитлера. Сталин это учитывал и поспешил выдвинуть лозунг борьбы "за Родину". Этим он взял в свои руки решающий фактор войны, который упустили немцы. Правильно было сказано, что, собственно, не Сталин выиграл войну, а Гитлер проиграл ее. Однако, победа ценой допущения в народные массы национального сознания, была для интернационального коммунизма равносильна принятию в свой организм смертельной бациллы.

Манифест вошел в историю России, как большая поворотная веха. "Манифест больше, чем то, что в нем написано",⁷ а потому ему еще долго жить творческой жизнью.

Власовское Движение было сдавлено, расплющено, физически уничтожено силами Советского Союза и Западными Демократиями. Но так можно уничтожить людей. Слово же, сказанное ими — Манифест, как документ, ни убить, ни уничтожить нельзя! Ибо это идея!

Свободный мир слеп и не увидел, не понял, а может быть и не захотел понять идеи Власовского Движения. Запад предал на страшные муки тех сынов России, которые хотели для своей родины той же свободы, которой так гордится Запад.

Рассказывают, что когда военный суд в американской зоне оккупации постановил передать Советскому Союзу капитана РОА Н. Ф., то этот капитан в своем последнем слове сказал, что он умрет, но за одну его жизнь Америка будет платить тысячами американских жизней.

С того дня не прошло и трех лет, как в 1948 году пришлось перебрасывать воздушный мост в Берлине, с 1950 по 1953 год американским солдатам отдавать свои жизни в Корее, затем последовал и Вьетнам с десятками тысяч жертв. Но это все еще только начало...

Манифест, как был, так и останется бессмертным и грозным оружием слова правды.

7. Слова Б. А. Филиппова, сказанные во время его выступления в Нью Йорке в 1974 г. на собрании, посвященном обнародованию Пражского Манифеста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Желая дать посильный ответ на вопрос о духовном облике ген. Власова и его дела, я не мог не коснуться того, в чем это дело состояло и как оно себя проявило.

Для того, чтобы понять духовную сущность человека, мало выяснить, ходил он в церковь или не ходил. Хотя связь человека с Церковью и является важным показателем для понимания его духовного облика, однако, не единственным. В зависимости от обстоятельств, при которых живет человек, объективность этого показателя может подниматься или снижаться. Но есть иной критерий, гораздо менее зависящий от внешних обстоятельств: как отзывается человек на те положения, в которые его ставит жизнь, и как, в зависимости от этого, он поступает. Даже незначительные моменты в жизни человека и его реакции на них, способствуют выяснению облика. Производное от этих действий есть добро или зло. В Священном Писании результат этой возможности назван "плодом". Например — "По плодам их узнаете их".¹

Естественно, что я не мог быть свидетелем всего множества рассматриваемых событий и пользовался собранным материалом. Я предпочитал не брать на себя передачу чужих впечатлений, а возможно больше цитировать свидетелей. Может быть такой подход способствует умножению разнообразных представлений о ген. Власове. Возможно. Но вряд ли это плохо. Ни одно изложение событий и впечатлений о людях, будь оно выражено в

1. Евангелие от Матфея 7. 16.

самой категорической форме, не может быть совершенно объективным. Совершенный и абсолютный облик каждого человека отпечатлется только после конца истории, на страшном и беспристрастном суде Божиим.

*
* *
*

Ген. Власов отказался от компромисса с национал-социалистической Германией, от пути марионеточного правительства, по образцу некоторых других народов. Однако, он пошел на сотрудничество с немцами, чтобы служить России в критический час ее судьбы. В этом его величайшая заслуга.

Сотрудничество сотрудничеству рознь. Так, как его понимал и как его осуществил ген. Власов, оно не роняло, а поднимало русское достоинство. Сам факт, когда военнопленный сумел заставить своего победителя и идейного врага говорить с собой как с равным, снимает всякое подозрение.

Политическую бескомпромиссность генерала Власова подтверждают следующие слова: "Генерал Власов никогда не стремился польстить немцам и шел с ними исключительно ради русской национальной независимости".² Образно ген. Власов это выразил отказом надеть немецкий мундир — "не по плечу он нам". Тем самым он закрыл себе возможность продвижения в условиях нацизма. Не сделай он этого, все могло бы принять другой оборот, вплоть до иного конца этой войны. Только "запродай" он Россию немцам — все бы пошло иначе.

Но возможно ли было бы после этого говорить о чистоте риз, о том, что духовное выше материального и, что только на правильной, принципиально моральной и духовно оправданной основе, можно строить жизнь!?

Не сделав этого, он проиграл меньше того, что выиграл. Проиграл победу, опирающуюся на оружие, а выиграл победу идеи, несущей моральное оздоровление нашему народу. Он это знал и сознавал, иначе не мог бы

2. Gehlen, p. 84

сказать, что "Если нам суждено умереть, мы умрем физически, но не исторически".³

Однако, поражение давно есть, а победы еще нет. А разве для истории тридцать лет это — срок? Разве у нас нет показателей роста морального оздоровления нашего народа?

Они есть! Число их растет и будет расти!

"Во 2-й мировой войне Запад отстаивал СВОЮ свободу и отстаивал ее ДЛЯ СЕБЯ, а нас (и Восточную Европу) вгонял в рабство еще на две глубины".⁴

"Власовское движение погибло... не по вине власовцев. Оно было дружно придушено и коммунистами, и нацистами, и демократиями".⁵

Страшная и горькая правда. Однако, такое "дружное" действие я назвал бы не реализмом, а слепотой. Ибо исторический опыт человечества учит, что все бесчеловечное, а следовательно аморальное, само в себе собирает силы, в конечном итоге, приводящие к гибели. В этом причина недолговечности всех бесчеловечных систем.

*

* *

"Кто здесь настолько гнусен, что не хочет любить свое отечество? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Я жду ответа".⁶

Но кто может навязывать другим свое понимание того, чем и как он должен выражать любовь к своему отечеству?

Дитрих Бонхёфер, немецкий богослов и участник Движения Сопротивления сказал, что в некоторых случаях измена является патриотизмом, а патриотизм — изменой.

3. В. Осокин. Стр. 9.

4. А. Солженицын. *Вестник Р. Х. Д.* № 115. Стр. 176.

5. Н. Штифанов. "Дабендорф". *Новое Русское Слово*, 8-го февр. 1974 г.

6. Шекспир. *Юлий Цезарь*. Полн. Собр. сочин., т. 5, стр. 276; Москва 1959 г.

“Джордж Вашингтон и Вениамин Франклин в глазах Британского королевства были предателями, — сказал Власов. Но они вышли победителями в борьбе за свободу. Американцы и весь мир чествуют их как героев. Я — проиграл, и меня будут звать предателем, пока в России свобода не восторжествует.”

Нельзя без глубокого уважения относиться к памяти тех немецких патриотов, которые хотели покушением на Гитлера спасти свою страну и были казнены нацистами, для которых они были предателями.

Мы чтим, как достойных сынов отечества, тех белых воинов, от генералов до мальчишек-кадетов, которые, проявляя неслыханное мужество, отдали свои жизни за Россию. А разве во время гражданской войны, по ту сторону баррикад, не находились достойные примеры незабвенной, по своему понимаемой, любви к родине?

Пройдет время. Наше “сегодня” станет историческим “вчера”. Наши потомки спокойно и объективно скажут, что во время второй мировой войны среди тех, кто искренне любил родину, виновных не было: патриотам, находящимся по эту сторону фронта, нужно было бороться с врагом внутренним — поработившим Россию коммунизмом; тем, же, кто был по ту сторону — нужно было защищать родину от завоевателя.

Возможна ли такая трагедия?! Да, она оказалась возможной!

Борьба не кончена. Она продолжается. Но для нее не обязательно огнестрельное оружие, потому что решающим полем битвы являются сердца людей, торжество светлого человеческого облика. Одни, прочтя эти слова, назовут их, быть может, фантазией, а другие — высшей реальностью, которой мы еще не научились владеть в повседневности. Каждый в меру своего опыта.

Обыкновенно успехи нас портят, а поражения углубляют. В часы известного успеха, Сталин, при разговоре о привлечении авторитета Римского Папы, желая продемонстрировать свой материалистический

подход, спросил: "А сколько у него дивизий?" И он же, во время немецких побед, в первые месяцы войны, обратился к памяти святого князя Александра Невского и других русских святых и национальных героев. Одни сочтут эти его действия продиктованными страхом и растерянностью, а другие — мудростью.

Церковь давным давно знает о реальном присутствии и действии в нашем мире сил невидимых. Знает, что смерть не есть исчезновение и мертвые не суть несуществующие, что у Бога все живы.

Некоторые современные научные открытия позволяют рациональным путем убедиться, что духовное начало конкретно и реально. Раньше же это познавалось лишь путем духовного опыта и религиозного познания. Хотя такое познание ставит нас перед конкретностью только, так сказать, "фасада" духовных реальностей, но не их существа, однако, это все же великая возможность и помощь на пути богопознания.

Возьмем открытие замечательного русского ученого В. И. Вернадского (1863-1945 гг.) — ноосферу. Будучи одним из основоположников био-геохимии — науки, изучающей взаимодействия химических и жизненных процессов — Вернадский доказал, что происшедшее и происходящее представляют собой единый и неразрывный жизненный комплекс. Ноосфера — это слой (над биосферой земли) умственной и духовной энергии человечества. Это как бы результат, плод деятельности раньше живших людей, который реально влияет на течение современной жизни. Например: научные открытия, гениальные произведения, героические поступки и все, чем вдохновлялись, что любили, чему служили люди ушедших поколений, не только хранится в памяти потомков, но и действенно в их жизни. Оно не только прошлое, но хотя и незримое, но конкретное, настоящее, т. к. все едино и непрекращаемо.

Сопоставим Вернадского с известным западным ученым Тейар де Шарден, который писал, что субъекту "...способному анализировать, как физические, так и психологические небесные реакции, первой особенностью

нашей планеты показалась бы не синева ее морей или зелень ее лесов, а фосфоресценция ее мысли”⁸

Труды этих современных мужей науки приводят нас к твердому убеждению, что мысль, замысел, слово, любовь — основные элементы нашего бытия — вечны. Персонализованные, олицетворенные в обликах своих носителей, они не только пассивно хранятся в вечности, но в известной мере и при известных случаях активно участвуют в реальностях нашей жизни. На этом основано наше молитвенное обращение к святым и их заботы и участие в нашей жизни.

*
* *
*

В глубоко символическом романе Андрея Платонова “Чевенгур”, есть сцена освобождения города. Но это не описание реального сражения. Это не реальные войны, хотя в панике граждане и кричат: “Казачи! Кадеты на лошадях!”, а “... неизвестные Чевенгуру⁹ солдаты”. Все тут необыкновенно и даже невозможно: наступая, двигаясь “Они держали винтовки поперек, приподняв их руками, не готовясь стрелять... в этом спокойном наступлении была машинальная сила победы...” По ним стреляют защитники города Чевенгура — коммунисты, а они “без выстрела продолжали стремиться в город... Еще раз была произнесена в наступающем отряде неслышная команда — винтовки засветились и потухли...”¹⁰ Так была одержана эта невероятная победа. Что это, фантастика? Нет, это только более пристальный взгляд, чем тот, к которому мы привыкли. “Нам знакомо одно лишь насущное, видимо-текущее, да и то по наглядке, а *концы и начала* — это все еще пока для человека *фантастическое*”.¹¹

8. Тейар де Шарден. “Феномен человека” или журнал “Аврора” № 12 за 1970 г. Стр. 59.

9. Чевенгур — название города.

10. Андрей Платонов. *Чевенгур*. И-во ИМКА-Пресс. Париж 1972 г. Стр. 368.

11. Достоевский. Дневник писателя.

Платонов отнюдь не писатель-фантаст. Он глубокий писатель-мыслитель.

Сумеем ли мы понять, в каком оружии сила и как этим оружием пользоваться? Откроется ли нам знамение — "Сим победиши"?

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПРИЛОЖЕНИЕ I

На долю д'Алькэна выпала честь представить Власова райхсфюреру. Он с глубоким удовлетворением отметил мысленно, с каким достоинством держал себя русский генерал.

Очевидно, страдания и глубокие переживания закалили его характер.

Гиммлер приветствовал Власова, и в его взгляде можно было прочесть изумление. Генерал произвел на него впечатление своим ростом, достоинством и глубоким голосом. Райхсфюрер вежливо предложил ему сесть, и сам начал разговор, обращаясь к гостю: "господин генерал", затем немного помолчал, как бы раздумывая, но продолжал: — Я должен честно признаться, что я глубоко сожалею, что эта встреча произошла только теперь...

Д'Алькэн внимательно следил за тоном и за выражением лица Гиммлера.

— ... Но я уверен, что ещё не поздно. Те решения, к которым мы должны здесь прийти, требуют известного времени для созревания. Я не принадлежу к числу людей, быстро выносящих свои суждения, но, если я принимаю какое-нибудь решение, я остаюсь при нем.

Гиммлер скользнул ощупывающим взглядом по лицу д'Алькэна. Очевидно, его смущало присутствие человека, знающего его уже давно. Как бы торопясь, он продолжал: — Я знаю, что обо мне говорят, но это меня не беспокоит. Болтают, что угодно; однако, даже эти сплетни повышают мое значение, вызывают большее уважение. Поэтому я и не собираюсь опровергать эти разговоры...

Райхсфюрер произносил каждое слово, как бы

подчеркивая его, как человек, который заведомо знает, что ему мало верят, но желающий выставить свою проницательность.

— Было сделано много ошибок, — продолжал он, и я знаю все ошибки, которые касаются вас. Поэтому сегодня я хочу говорить с вами с бесстрашной откровенностью...

Д'Алькэн был совершенно поражен тем, с какой легкостью и умением Гиммлер обошел и сгладил все то, что пропастью лежало между ним и Власовым.

— ...Не моя вина, что назначенная нами первая встреча была отложена, — мягко продолжал "Черный Генрих". — Вам известны причины, а также и вся ответственность, тяжелым бременем павшая на мои плечи. Я надеюсь, что вам все это знакомо и понятно!

Власов внимательно следил за Гиммлером и одновременно как бы впитывал в себя перевод д-ра Крэгера. Его лицо было неподвижной маской, скрывающей все его мысли, чувства, обвинения и сомнения. Он раздумывал: кто это? Гиммлер? Страшный, опасный, проклинаяемый и ненавистный Гиммлер? Самый первый с "верхней полки" нацистской иерархии, с которым наконец, ему удалось встретиться?...

Когда Гиммлер окончил свое обращение, Власов немного помолчал, а затем спокойно, разделяя слова, как бы облегчая работу переводчика, начал: — Господин министр! Благодарю вас за приглашение. Верьте, я счастлив, что, наконец, мне удалось встретиться с одним из настоящих вождей Германии и изложить ему свои мысли...

Инстинкт подсказывал Власову нужные слова.

— Господин министр, — продолжал он глубоким, грустным голосом; — вы сегодня самый сильный человек в правительстве Третьего Райха, я же... генерал Власов, первый генерал, который в этой войне на боевых полях России разбил германскую армию под Москвой. Разве это не перст судьбы, который привел к встрече этих двух людей?

Упорный взгляд Власова не отрывался от бледного одутловатого лица Гиммлера, ища в нем отклика на рискованные слова о поражении германской армии.

Гиммлер мастерски держал себя там, где всякий другой уже сорвался бы. Он только бросил косой взгляд на Д'Алькэна и опять застыл. Власов поднял голос и с некоторой торжественностью сказал:

— Прежде, чем изложить вам, господин министр, свою программу, я должен подчеркнуть следующее: я ненавижу ту систему, которая из меня сделала большого человека. Но это не мешает мне гордиться тем, что я — русский. Я — сын простого крестьянина. Поэтому я и умею любить свою родину, свою землю так же, как ее любит сын немецкого крестьянина. Я верю в то, что вы, господин министр, действительно готовы в кратчайшее время прийти к нам на помощь. Если удар будет нанесен в самое чувствительное место, система Сталина, уже обреченная на смерть, падет, как карточный домик. Но я должен подчеркнуть, что, для обеспечения успеха, вы должны вести с нами работу на принципе полного равенства. Именно поэтому я и хотел бы говорить с вами так же откровенно, как вы это сделали...

Гиммлер медленно опустил голову в знак согласия, и, помолчав, сказал:

— Прошу вас.

Власов выпрямился на стуле и, гордо подняв голову, продолжал все тем же тоном:

— К сожалению, господин министр, на нашем пути все еще находится много препятствий, которые мы должны расчистить. Меня глубоко поразила и оскорбила ваша брошюра "Унтерменш". Я буду счастлив услышать лично от вас, что вы сейчас об этой брошюре думаете?

Д'Алькэн ожидал взрыва. Власов никогда с ним об этой брошюре не говорил. Но Гиммлер принял этот вызов с кошачьей вкрадчивостью, которой до сих пор за ним не замечалось.

— Вы правы, — сказал он мягко, с легкой грустью; — нам нужно расчистить и этот вопрос. Он относится к прошлому, ко времени, когда было много непонимания и недоразумений, которые и привели к разным воззрениям и суждениям.

Д'Алькэн встречался уже с разными "переменами" в Гиммлере, но не мог себе представить, чтобы сдвиги в

райхсфюрере зашли так далеко, что он готов был отказаться от своих начальных убеждений хотя бы на словах.

— Брошюра, — продолжал Гиммлер, — о которой вы мне напомнили, относилась исключительно к "большевистскому человеку", продукту системы, к тому, кто угрожает тем же Германии, что он сделал на вашей родине. В каждом народе есть "унтерменши". Разница лежит в том, что в России "унтерменши" держат власть в своих руках, в то время, как в Германии я посадил их под замок и засовы. Вашей первой задачей является провести ту же акцию и у вас в отечестве.

Гиммлер отбросился назад и внимательно рассматривал Власова, желая прочесть в лице "азиата", какое впечатление произвел такой казуистический ответ на вопрос об "унтерменшах". Пойдет ли Власов на эту удочку?

— Теперь мой черед задать прямой вопрос, господин генерал: действительно ли русский народ и сейчас поддержит вас в попытке свергнуть политическую систему, и признает ли он вас, как своего вождя?

Настороженность Власова исчезла. Он почувствовал почву под ногами и спокойно, но веско ответил:

— Я могу честно, в обоих случаях сказать "да", при условии, что вами будут выполнены известные обязательства. — Не останавливаясь и не давая Гиммлеру открыть рта, он перешел в наступление. — Вы вторглись в пределы моей родины под предлогом "самозащиты" от нашего "удара в спину". Это не совсем отвечает истине. Правда, Сталин замышлял в 1941 году напасть на Германию, но он не чувствовал себя достаточно сильным и подготовленным к этому. Уже давно он разрабатывал план напасть в начале 1942 года на южную часть Европы. Главный удар был бы направлен на Румынию, Болгарию, Грецию и Дарданеллы. По теории Ленина, в борьбе против капиталистического мира, страны капиталистов должны были падать одна за другой.

...Сталин раздумывал. Он боялся войны. Он надеялся распространить коммунизм в южной Европе без нападения на Германию, которая в это время была занята

в войне с Англией. Поэтому он надеялся "без большой крови" захватить ключевые позиции, с которых произвести нажим на Германию, и этим парализовать ее стремления к нападению. Поэтому мы и сконцентрировали столько ударных армий именно на юге России. Я должен признаться, что ваш неожиданный удар удался и застиг нас врасплох, в стадии приготовления и формирования. Этим и объясняются ваши первые молниеносные успехи...

... Я не могу удержаться, чтобы не похвалить ваши военные действия, ваших солдат, хотя уже в самом начале нам было ясно, что вы не выиграете войну по той стратегии и тактике, с которой вы ее вели... — Власов сделал паузу и твердо продолжал: — Я знаю, господин министр, что вам известно мое мнение, и именно поэтому вы меня так упорно отстраняли.

Д'Алькэн непрерывно наблюдал за Гиммлером, который с трудом сдерживал волнение. Он знал, что Гиммлер чувствует на себе его взгляд, и из-за этого напряжение его еще усиливается. А Власов продолжал:

— Может быть обо всем этом не стоит говорить, но я должен вам, господин министр, объяснить, почему я еще в 1941 году знал, что если вести войну так, как вы ее ведете, вы никогда не победите. Если у вас была возможность этого достигнуть, так это было под Москвой и Ленинградом, куда вы должны были бросить всю немецкую военную силу. Это заставило бы нас бросить на произвол судьбы всю южную часть фронта...

Д'Алькэн волновался: Власов шагал по тонкому льду. Сколько раз Гиммлер говорил об опасной гордости русских! Как он сейчас воспринимал слова Власова? Но, как ни странно, лицо Гиммлера приобрело до некоторой степени спокойное выражение. Возможно, он с интересом знакомился с совершенно новым миром, до сих пор никогда не встречавшись с "ведущими унтерменшами"?

— Господин министр! — не унимался Власов. — Я знаю, что еще сегодня я могу покончить войну против Сталина.

... Если бы я располагал ударной армией, состоящей из граждан моего отечества, я дошел бы до Москвы, и

тогда закончил бы войну по телефону, поговорив с моими товарищами, которые сейчас борются на другой стороне. Вы думаете, что такой человек, как, например, маршал Рокассовский, забыл про зубы, которые ему выбили в тюрьме на допросе? Эти мои боевые товарищи, сыны моей родины, знают, что здесь происходило и происходит и не верят в честность немецких обещаний, но, если появится настоящая русская освободительная армия, носительница национальной, свободной идеи — массы русского народа, за исключением негодяев, массы, которые в своем сердце антикоммунистичны, поверят, что час освобождения настал, и что на пути к свободе стоят только Сталин и его клика...

... Господин министр, вы должны мне верить в том, что я имею достаточно авторитета, чтобы командовать освободительной армией и поднять на ноги народ России. Я — не какой-нибудь маленький человечек. Я не перебежал к вам из-за шкурного вопроса, как многие другие, которых никто на моей родине не знает, или как те, которые ищут пищи своему честолюбию. Я попал в плен, потому, что не было другого выхода. Не физического выхода, а потому, что в дни моего раздумья в Волховском "мешке", я начал понимать многое, что делалось в России. Именно благодаря этому пониманию, у меня созрело решение принять предложение немцев включиться в общую работу, несмотря на опасность стать "изменником родине"...

... Я никогда не думал, господин министр, что мне придется так долго ждать встречи, которая произошла сегодня... Однако, несмотря на все оскорбления, на все разочарования, я и дальше придерживаюсь взгляда, что только в сотрудничестве с Германией мы найдем путь к освобождению России. Возможно, что сама судьба, успехами Сталина, ускорила это свидание. Господин министр, я — не нищий. Я не пришел к вам сюда с пустыми руками. Поверьте, что в спасении и освобождении моей родины лежит и спасение Германии!

Смел ли кто-нибудь до сих пор сказать Гиммлеру о спасении Германии? думал д'Алькэн. Он никак не мог понять, что заставляло Гиммлера выслушивать Власова, не

впадая в бешенство. Можно было это объяснить только тем, что сильная, прямая натура Власова, его все качества вождя, его разумные рассуждения и его смелость произвели такое впечатление на райхсфюрера, что он забыл о своей самонадеянности и уверенности в легкой победе. Власов сделал длинную паузу, давая Гиммлеру возможность высказать все, что он хочет, но тот сохранил свою тактическую сдержанность и просто предложил:

— Господин генерал, пожалуйста, откройте мне ваши взгляды на сегодняшнее военное положение.

Власов оглянулся вокруг себя, как-бы ища карты, но, не найдя ее, сказал:

— Я могу вам заранее предсказать дальнейшие операции красной армии. Я следил за ней ежедневно за все время моего плена, я делал эти предсказания, но никто меня об этом не спрашивал. Каждая насильственная система имеет свои слабости, также и коммунистическая. Она очень негибка и чувствительна ко всему неожиданному. Вот такой неожиданностью для большевиков было бы создание национальной, освободительной армии.

Власов поднял голос:

— Дайте мне необходимую русскую силу! Я все время был против того, чтобы многочисленные батальоны, сформированные из моих соотечественников, перебрасывались во Францию, на западный фронт или в любые другие места. Теперь они попали под волну англо-американского наступления. Они должны бороться, а за что — они сами не знают. Они разрознены, они разбиты. А ведь вы можете их срочно собрать, поставить под мою команду и положить этим начало большой освободительной армии!

... Еще не поздно, господин министр. Еще не поздно! Находящихся в Германии русских людей достаточно для армии в миллион и больше человек — не только в лагерях военнопленных, но, главным образом, там где около шести миллионов моих земляков работают на оборону Германии. Из них вы всегда можете создать костяк настоящей армии, которая может кардинально изменить положение на Востоке. Если вы мне дадите свободу действий, мне легко созвать людей. Но помните, что

только я, русский, могу призвать их под знамена. Ни один немец это сделать не может, так как именно вас всех обвиняют во всех перенесенных и переносимых страданиях и унижениях.

Власов опустил голову и немного помолчал, но затем воспрянул и, глядя прямо в глаза застывшему Гиммлеру, почти выкрикнул:

— Огромный военный материал, которым вы располагали, теперь уже большею частью бессмысленно растрачен во Франции. Все же я прошу вас, господин министр, дайте мне оружие, оружие!

Он покраснелся, его глаза метали молнии из под стекол очков. Он не скрывал своего волнения, так как знал, что наступил решающий час, и Гиммлер должен вынести свое окончательное решение.

Гиммлер выждал, очевидно, намеренно делая напряжение еще большим, а затем бесстрастным голосом сказал:

— Господин генерал! Я разговаривал с фюрером. С этого момента вы можете считать себя главнокомандующим армией в чине генерал-полковника. Вы получите полномочие собрать офицеров по своему усмотрению, до чина полковника. Только, что касается ваших генералов, я должен попросить доставлять ваши предложения начальнику кадров немецкой армии. Все, что вы мне рассказали, в высшей степени интересно...

Опять Гиммлер сделал паузу и затем продолжал:

— Я придерживаюсь мнения, теперь, выслушав вас, что конечно, существует возможность формирования армии. Как главнокомандующий резервами, я имею в своих руках средства для того, чтобы это сделать. Но, к сожалению, эти средства ограничены. Возможно, что вы найдете достаточно людей, но мы не должны забывать, что те, кто устремится в вашу армию, оставят за собой пустые места на наших заводах. Мы же не смеем разрешить себе снизить продукцию нашей промышленности! Однако, все же решающим вопросом является вооружение. Я могу пойти на формирование первых двух дивизий. Было бы крайне некорректно с моей стороны обещать вам сегодня больше и затем

сокращать свои обязательства. Будете ли вы, господин генерал-полковник, удовлетворены моим предложением — приступить теперь к формированию только двух дивизий? Если да, то я немедленно отдам соответствующие приказания.

Лицо Власова потемнело. Он упал с высоты, на которую его подняли его стремления, он понял и границы теперешних возможностей Германии, ее потенциал. Он почувствовал, что это так, что в этом нет сомнений. В глазах его ясно отразилось разочарование, но он взял себя в руки:

— Господин министр, — сказал он с глубоким вздохом: — я принимаю во внимание существующие препятствия. Но я не теряю надежды, что две дивизии — это только скромное начало, так как вы сами знаете, что одни вы не сможете пробить стену головой. Поэтому расширение формирования — в наших обоюдных интересах.

— Конечно, конечно! торопливо и почти весело воскликнул Гиммлер, облегченно почувствовав, что все трудное и неприятное прошло. — Наши арсеналы в данный момент, из-за переноса нашей промышленности, очень скудны. Но, верьте, это скоро изменится, главным образом, благодаря работе и испытаниям над новым оружием, о котором вы не могли не слышать, и которое сыграет решающую роль в войне... Сами понимаете, что я не могу вдаваться в подробности...

Д'Алькэн, внимательно и с трепетом следивший за происходившим разговором, сразу же заметил, что на поверхность всплыл старый Гиммлер, умеющий лгать, не сморгнув, хотя он действительно надеялся на решающий эффект "нового оружия". Власов продолжал:

— Несмотря на то, что русские части во Франции разрознены и разбиты, я считаю своим долгом еще раз подчеркнуть необходимость собрать их и реорганизовать...

Гиммлер, не обращая внимания на знаки, которые ему делал Бергер, поторопился с ответом:

— Конечно, конечно, это само собой разумеется...

— Эти ваши слова я принимаю с благодарностью к сведению, — пробасил Власов, — но одновременно и как обещание прекратить распыление национальных русских

сил в Германии. Если мы хотим победить Сталина, то это будет невозможно, если и дальше "восточное министерство" будет делать, что ему заблагорассудится, разбивая наши силы на разные сепаратистские группы и комитеты. Эти группы управляются честолюбивыми людьми, которым все равно, что они ведут людей бороться за чужие интересы.

... Если нам удастся добиться освобождения России, то само собой разумеется, что там именно в России, будет предоставлена возможность украинцам, кавказцам и другим решить, хотят ли они, чтобы их государства стали независимы, или они желают остаться членами великой России. Я почти уверен в исходе подобного выбора и в том, что те силы, которые, при помощи "восточного министерства" и других немецких учреждений, уже заранее пытаются оторвать национальности от великой России, ни в коем случае не найдут отклика среди самого народа этих частей моей родины. Наш народ понятия не имеет о созданных здесь своих "вождях". Национальные республики уже давно соединены в экономическом плане всерусской государственности. Это мое убеждение. Конечно, я могу ошибаться, но во всяком случае, мы должны начинать с этой платформы: совместной честной борьбы против Сталина, за свержение его режима.

... Мне известно, господин министр, что вашей главной идеей является новая Европа, и что ваши эс-эсовские части состоят из представителей разных европейских народов. Они сегодня борются плечом к плечу, дружно, без споров. Будущий же, новый, порядок можно создать только тогда, когда победа будет достигнута. Если я, при вашей помощи, смогу свергнуть Сталина и его режим, то я знаю, что за эту услугу в будущем мне придется принести некоторые жертвы. Возможно, что когда-нибудь мы станем перед проблемой уничтожения старых границ и начертания новых. Возможно, что в будущей "общей Европе" Украина станет равноправным членом, но она при этом не сделается сепаратистской частью России. Но обо всем этом мы будем говорить только после совместно достигнутой по-

беды, на принципах взаимопонимания и полного равноправия.

Бергер опять попытался дать какой-то знак Гиммлеру, но тот или не видел его, или не хотел видеть. Он слушал Власова с напряженным вниманием. Д'Алькэн так же напряженно прислушивался ко всему разговору, чувствуя, что происходит самый критический момент. Он чувствовал, что Власов импонировал Гиммлеру своей смелостью, прямоотой и борьбой за свою армию. В немногих словах он сумел создать мост через непроходимую, как казалось на первый взгляд, пропасть — гиммлеровскую идею о германизации востока. Бергер тоже был поражен. Он перестал сигнализировать и положился на судьбу, хотя в душе все еще горело желание предупредить Гиммлера об опасных трениях в самой организации Эс-Эс, которые могут вспыхнуть, если Гиммлер всецело станет на сторону Власова. Власов же не выпускал из своих рук ведущую роль в этом разговоре.

— Господин министр, — сказал он: — если вы искренне стремитесь к победе, то вы должны снять с меня запрет вести разговоры с представителями так называемых "националов". Вы имеете власть это сделать. Вы можете все разрозненные силы объединить на базе предположительного федерализма, которая существовала бы на протяжении всего времени борьбы с коммунизмом. В общем, я не могу от вас скрыть, что я пережил столько разочарований, что я больше не хочу тратить силы на бесцельную, ненужную борьбу одних против других. Я стремлюсь к тому, чтобы прямые переговоры вести только с одним немецким авторитетом...

Гиммлер слушал, не перебивая, не отрываясь, почти не дыша. Он был так глубоко захвачен словами Власова, что ответил без всякого размышления:

— Здесь, рядом со мной, сидят два человека, с которыми вы познакомились. Группенфюрер Бергер будет заменять меня во всех вопросах, касающихся вас. С ним вы будете тесно сотрудничать. Кроме того, я назначу д-ра Крэгера связным... — он опять не замечал или не хотел заметить тревожные сигналы, которые снова стал подавать Бергер.

— Благодарю вас, господин министр, — поклонился Власов. — Я даже не рассчитывал на это. Но я еще не кончил. Я должен затронуть еще некоторые факты. Дело касается моих соотечественников, находящихся на работах в Германии. Вы опасаетесь, что включение их в ряды освободительной армии нанесет удар немецкой промышленности?

— Да! — ответил Гиммлер, желая отвлечь Власова от его темы. — Поверьте, что я много думал, много наблюдал за этими людьми. Должен признаться, что мы поражены. Эти люди превзошли все наши ожидания. Случаев саботажа не так уже много, как мы предполагали...

— Господин министр, — перебил Власов: — если мои соотечественники будут знать, что они работают не для чужой страны и чужих стремлений, никакого саботажа не будет. Если мы рассеем их сомнения насчет честности намерения Германии освободить их родину, они будут работать больше, лучше, жертвенно. Кроме того, наша победа над Сталиным лежит не в одном формировании освободительной армии, а и в создании единого политического центра, который будет иметь право обнародовать программу нового строя на родине.

— Об этом мне уже было сообщено, — поторопился Гиммлер, — у меня есть общее представление о центре, так же как и об освободительной армии. Я предполагаю, что вы одновременно будете и главой этого центра...

Власов дал знак своему адъютанту принести карту.

— Если мы уделили сегодня столько времени всем вопросам, то я прошу разрешения дать мне возможность доложить вам об уже разработанных планах для армии и для правительства, которые мы сначала, из осторожности, назовем "комитетом".

Гиммлер заерзал. В его взгляде была неуверенность и даже растерянность. Как будто он сам стал сомневаться в том, что все обещанное можно провести в жизнь. Протянув руку вперед, он пробормотал: — Спасибо! Я отдам приказ просмотреть ваши предложения...

Власов продолжал:

— Я не закончил вопрос о "комитете". В связи с ним,

я хочу просить, чтобы план был расширен, и все мои соотечественники, находящиеся в Германии, все русские подданные были бы подчинены именно комитету. Это подчинение сопровождалось бы всеми дисциплинарными правами. В этом случае я приму на себя ответственность, чтобы включение моих соотечественников в освободительную армию не отозвалось на продукции. Я позабочусь о том, чтобы оставшиеся на местах рабочие силы усилили напор, так как, повторяю, они будут знать для кого и для чего они работают.

— Согласен с вашим мнением. Мы обязаны заняться вопросом о ваших людях. Я уже подготовил свою позицию для того, чтобы она произвела полное облегчение условий жизни ваших земляков... Однако... боюсь, что полное подчинение вам... гммм... не очень разумная вещь. Ведь вы должны будете их наказывать. Это может бросить известную тень, тем более, что... Обо мне лично уже давно создано очень плохое мнение. Все же я думаю, — торопливо говорил Гиммлер, — я надеюсь все это урегулировать позже. Когда сначала будет создана ваша армия, а затем комитет, как вы его назвали, я вас представлю фюреру в рамках вполне официального приема. Тогда... тогда возможно будет заключить союз...

Когда Гиммлер начинал заикаться, искать слова и рассыпаться в неясных и незаконченных фразах, это обычно говорило о том, что прием закончен. Д'Алькэн это хорошо знал и не изумился тому, что Гиммлер поднялся. Поднялся и Власов. Как любезный домохозяин, Гиммлер пригласил Власова к столу. Все последовали в столовую.

Во время еды велись обычные разговоры, но некоторые слова Власова твердо врезались в память присутствовавших. Когда Гиммлер спросил Власова, почему был убит Тухачевский, Власов, не сморгнув ответил: — Тухачевский сделал ту же ошибку, как и ваши противники, господин министр, 20 июля! Он не знал психологии масс...

С начала разговора и до конца обеда прошло шесть часов — максимум времени, которое можно было занять у Гиммлера. Когда Власов попрощался и ушел, Гиммлер

задержал д'Алькэна. Он молча ходил по вагону — кабинету и, наконец сказал:

— Вы правы. Это — крупная, большая личность. Но вы не должны забывать, что он — славянин. Я вам приказываю все время находиться начеку и немедленно доносить мне обо всем, что будет выходить за пределы нами сегодня говоренного. Я должен все время быть настороже!

Гиммлер опять прогулялся взад и вперед по вагону и добавил: — То, что говорил Власов о будущем, меня глубоко поразило. С ним мы достигнем гораздо большего, чем всей пропагандой. Однако, он — славянин и останется славянином... *

*"Очерки к истории Освободительного Движения Народов России", стр. 65-70.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

К. Кромиади

А. А. ВЛАСОВ И ЦЕРКОВЬ

Спрашивают: Как относился генерал Власов к религии и церкви?

Не желая влиять субъективной оценкой на сложившееся представление о покойном генерале, сыгравшем во время второй мировой войны историческую роль, я воздержусь от высказывания своего личного мнения и постараюсь по возможности точно передать то, что генерал, имя которого стало знаменем Русской Освободительной Борьбы, сам неоднократно высказывал по затронутому вопросу.

А. А. Власов говорил: "Верить или не верить — это дело совести каждого человека и никто никого в этом не должен неволить. Тем более, что насилие над человеческой волей в корне противоречит христианскому учению. Я вполне понимаю и отдаю должное той большой и благородной роли, которую сыграли религия и церковь в истории русского народа, но полагаю, что занимаясь обслуживанием религиозных потребностей народа, его воспитанием в культурно религиозном отношении и вопросами благотворительного характера, церковь не должна снисходить до вмешательства в политические и государственные дела, дабы тем самым сохранить свой высокий авторитет в глазах нашего народа, который, переживая большевистские гонения, остался глубоко религиозным..."

В дополнение к сказанному я позволю себе напомнить о первом приеме Митрополита Анастасия, Председателя Архиерейского Синода, генералом Власовым в Берлине в 1944 г.

Однажды Митрополит Серафим сообщил мне о том, что Митрополит Анастасий, приехавший в Берлин, выразил желание видаться с генералом Власовым. Я немедленно доложил генералу об этом. Андрей Андреевич, выслушав, поручил мне сейчас же поехать к Митрополиту Анастасию и доложить ему следующее: "Владыка, ген. Власов узнал о Вашем приезде в Берлин и очень хотел бы посетить Вас, но тяжелое положение, в котором он находится, и сложная политическая обстановка не позволяют ему выезжать и делать визиты. Генерал просит извинить его. Но, если бы Вы, Владыка, нашли для себя удобным и возможным его навестить, то генерал был бы Вам очень благодарен".

В тот же день Митрополит Анастасий в сопровождении Митрополита Серафима выехал в Далем. Подъехав к вилле на Кибицвег 9, в которой находился штаб ген. Власова, мы увидели выстроенный перед виллой почетный караул для встречи Митрополита.

Как только Митрополит Анастасий вышел из автомобиля, строй взял на караул и замер. Ответив на приветствие караула, Митрополит направился к вилле. У входа в дом его встретил дежурный по штабу с рапортом. От входной двери до гостинной выстроились в две шеренги все офицеры штаба. Приняв рапорт и поблагодарив офицеров, Владыка направился дальше. Генерал Власов ожидал своего гостя у входа в гостинную. Он подошел под благословение со словами: "Благослови, Владыка!"

Так генерал Власов встретил Митрополита Анастасия.

У нас у всех нервы были натянуты, а у некоторых на глазах были слезы. В тяжелые дни гонений и бесправия, когда каждый из нас пережил много обид, как личного, так и общенационального характера, эта встреча произвела на всех особенно радостное впечатление. Не менее был растроган и сам Митрополит.

После обычных в таких случаях взаимных вопросов и ответов, мы удалились, а оба иерарха вели беседу с генералом в течение двух часов. Во время этой беседы Митрополит Анастасий передал генералу решение Архиерейского Синода поддержать Русское Освободительное Движение и обслужить имеющимся в его распоряжении духовенством религиозные потребности тех, которые, не смотря на исключительно тяжелые условия, поднялись на борьбу за освобождение нашей Родины.

После беседы все члены штаба были приглашены на обед и общее собеседование с иерархами...

ПРИЛОЖЕНИЕ III

МАНИФЕСТ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они

понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Русскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила

требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бесовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на социальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насильем, террором и подкупам сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме,

при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, создающий их материальное благосостояние; установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто

прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революции 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Войска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в **объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков.** Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за

судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть наши усилия. Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе. Не выпускайте полученного оружия из рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и несправедливость.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЛЮДИ!

Представители дорогого отечества нашего!

В сегодняшний ответственный и светлый день объединения сил народных, мое немощное слово будет о Том, в имени Которого мы, верующие люди, видим центр и источник всего светлого и лучшего, что только знаем... о Боге, о Боге Христианском.

Существует не только классовая правда и не она занимает высшее нравственное положение, как учили нас эти четверть века, но существует правда божественная, которая всегда, при всех условиях и для всех правда. Нет одного нравственного требования для рабочего, а другого для интеллигента, но для всех один нравственный закон и одни для всех нравственные требования и права. "... Каждый бо от своих дел или прославится или постыдится..." Социальные деления временны, но перед правдой Божией предстанем мы все равными, получить то, что заслужили за земные свои дела.

Жить так, чтобы не страшно было умереть, чтобы не стыдно было дать ответ за прожитое — вот то, к чему зовет нас Церковь Христова, Церковь Православная.

Церковь Христова указывает путь, раскрывает смысл, обновляет наши духовные силы. Нация творит, создавая быт и устои, входящие в плоть и кровь народа. И в безумстве своем жалки те правители, которые хотели изъять то, что в наших жилах и крови — искание правды подлинной, правды, которая есть Христова правда.

Исключительно тяжел нынешний исторический момент — родина наша в нищете и развалинах, десятки миллионов сынов ее скитаются на чужбине, кругом кровь и неисчислимы мучения. У нас нет сейчас возможностей прекратить это бедствие, этот страшный бой. Но есть возможность пресечь то, что как дрова костер, питает общее несчастье. И эта возможность сегодня декларирована пред нами. Много хороших слов и добрых намерений высказано в декларации, но нашлись в ней и слова золотые, небесные слова. Вот они: "Никакой мести и преследований". Вот в этих словах, словах христианского милосердия заключено пресечение нынешнего нашего бедствия. Они — знамя нашей силы и мощи, ибо "все, что вечно — человечно".

Мы отвыкли слышать подобное, нас звали все к отмщению, разоблачению и искоренению, а вот эти слова открывают новые горизонты, в них залог прекращения ужасной бойни нынешнего дня! В них поворотный момент хода событий и образа мыслей многих людей.

Много доброго декларировано сегодня, но самое драгоценное — это призыв и обещание прекратить вражду, отпустить узников на свободу, дать свободный труд и не вменять во грех происхождение и прежний образ мыслей. Нашей движущей силой должна быть любовь к измученному и обманутому соотечественнику, любовь в противовес тем, кто идет во имя зла и ненависти. Помогите Бог, чтобы намерения эти осуществились. Ведь только при их осуществлении возможно спасение Родины. Дело наше должно быть чистым, белоснежным, а не грязно-серым, и только тогда оно даст то, что ждем мы от него. Святое дело спасения родины может делаться лишь чистым сердцем и чистыми руками!

У кого из нас не болит сердце при мысли, что святое дело спасения родины связано с необходимостью братоубийственной войны — ужасного дела. Каков ответ, каков выход? Выход в том, что чем чище, чем белее будут дела наши, чем больше будет проведено в жизнь из того, что декларируется, тем меньше будет пролито братской крови. Чем больше милосердия и человеколюбия с нашей стороны, тем кратковременнее бой. Чем полнее

осуществление обещанного у нас, тем меньше сил у врага, поработителя нашего народа.

”Война есть зло, но она бывает злом наименьшим и даже благим”. Именно таково положение в сегодняшний исторический день.

Вы, глубокочтимый генерал Андрей Андреевич, вы, члены Комитета спасения народов России и мы все, рядовые работники своего великого и многострадального народа, станем единодушно и смело на святое дело спасения отчизны. Не гордо, потому что ”Бог гордым противится, а смиренным дает благодать”, но мужественно и смело, потому что ”не в силе Бог, а в правде”.

Помните, как говорил отец былинного богатыря Ильи Муромца в своем наставлении сыну — ”на добрые дела благословение дам, а на плохие дела благословения нет”.

Так и ныне благословение Того, в руках Которого судьбы мира, да пребудет с теми, которые хотят творить правду, вечную Христову правду! *

*Слово священника о. А. Киселева, сказанное в Берлине 18 Ноября 1944 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Генерал -- Лейтенанту Клэю
Заместителю Военного Губер-
натора.
Министерство Военного Прави-
тельства Германии /США/.

Дорогой Генерал!

По имеющейся у нас информации, бывший офицер Красной Армии, генерал-майор во Власовской армии, Василий Федорович Малышкин, сейчас содержится под арестом в специальном лагере (тюрьме) для военных преступников в Гайдельберге (возможно в настоящее время переведенного), в секторе Третьей Американской Армии, Американской оккупации Германии.

Генерал-майор В. Ф. Малышкин был начальником генерального штаба Власовской армии, был одним из активных организаторов и руководителей его (примечание переводчика: этого движения), и воевал на стороне немцев против соединений Красной Армии на протяжении всего времени войны против фашизма.

В. Ф. Малышкин является особым преступником против Советского государства и должен быть привлечен к строжайшей ответственности.

На основе параграфа I, Подпараграфа (а) директива штаба, *У С Ф Е Т* (*У* = соединенные; *С* = Штаты; *Ф* = Вооруженные силы; *Е* = Европейский; *Е* = Театр), генерал Малышкин подлежит передаче Советскому Командованию, вне зависимости от его желаний, как человек, захваченный в немецкой форме и под ружьем.

Во время нашей беседы, Вы согласились передать В. Ф. Малышкина в самом скором будущем.

Я буду Вам очень благодарен, дорогой генерал, если Вы ускорите процесс передачи генерал-майора В. Ф. Малышкина Советскому Командованию.

Искренне Ваш

/ / Генерал Армии / / Соколовский

/ / Соколовский

/ = напечатано на машинке/

/ = подпись/.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

Обратный перевод с английского

СИНОД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ

Мюнхен 25 августа 1945
No. 318

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГЕНЕРАЛУ ДВАЙТУ Д. АЙЗЕНХАУЕРУ,
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ США
ЗАГРАНИЦЕЙ

После семи лет ужасной войны — солнце мира взошло над страждущей землей. Этот мир завоеван героизмом Союзных Войск и мудростью, отвагой и самоотверженной доблестью их вождей. Среди их имен — Ваше имя стоит на первом месте. Эти имена будут благословляться теми народами, которым победа Союзных Войск вернула свободу.

С чувством глубокого удовлетворения эта победа была встречена беженцами из разных стран, которые сейчас проживают в Германии. Некоторые из этих беженцев были вывезены из стран, оккупированных немцами, насильственным путем. Чем труднее была их жизнь на чужбине, чем тяжелее ежедневный труд и лишения, — тем больше они стремились вернуться домой, к своим родным.

Только одни русские, которых в Германии было больше, чем представителей любой другой нации, были

лишены этой радости. Они были принуждены оставаться на чужбине потому, что между ними и их Домом — стена, переступить которую не позволяет им их совесть и здравый смысл. Психологически, многим людям их трудно понять. Трудно понять людей, которые предпочитают тяжелую жизнь на чужбине возвращению к себе домой. Да, это вопрос, который уже давно требует самого тщательного рассмотрения друзьями русского народа и всеми интересующимися судьбами русского народа и России...

Русские, конечно, любят свою родину не менее, чем французы, бельгийцы или итальянцы любят свою. Русские тоскуют по родине. Если, несмотря на это, они все же предпочитают оставаться на чужбине, не имея жилища, часто будучи голодными и не имея юридической защиты, то это только по одной причине: они хотят сохранить самую большую драгоценность на этой земле — свободу: свободу совести, свободу слова, право на собственность и личную безопасность. Многие из них уже состарились и хотели бы умереть на родине, но это невозможно, куда там господствует власть, которая основана на терроре и подавлении человеческой личности.

Я должен со скорбью свидетельствовать, что это продолжается и сейчас, после окончания войны. Этот факт засвидетельствован теми из наших соотечественников, которые поехали туда по своей собственной воле или же в результате пропаганды, — и в ужасе вновь бежали оттуда. Замечателен тот факт, что не только интеллигенция, но и крестьяне и простые рабочие, которые покинули Россию после 1941 года, когда она вступила в войну, и которые были воспитаны в условиях советской жизни — не желают возвращаться в Советскую Россию. Когда пробовали их депортировать силой, они взывали в отчаянии и молили о милосердии. Они даже иногда кончают самоубийством, предпочитая смерть на чужой земле, чем возвращение на родину, где их ожидают одни страдания.

Такое трагическое происшествие мело место 12 августа в Кемптене. В этом месте, в лагере Ди-Пи, — большое скопление русских эмигрантов, т. е. людей, которые покинули Россию вскоре после революции, а

также бывших советских граждан, которые несколько позднее выразили свое желание остаться за границей. Когда американские солдаты явились в лагерь с целью разделить этих эмигрантов на дв категории и выдать бывших советских граждан в советские руки, то они нашли всех эмигрантов в церкви, горячо молящихся Богу, дабы Он их спас от депортации. Будучи крайне беззащитными и покинутыми, они считали церковь своим последним и единственным убежищем.

Никакого активного сопротивления не было оказано. Люди, стоя на коленях, только молили о помиловании, стараясь, в полном отчаянии, целовать руки и даже ноги офицеров. Невзирая на это, они были силой изгнаны из церкви. Женщин и детей солдаты волокли за волосы и били. Даже священников не оставили в покое. Священники всячески старались защитить свою паству, но безуспешно. Одного из них, старого и уважаемого священника, выволокли за бороду. У другого священника изо рта сочилась кровь, после того как один из солдат, стараясь вырвать из его рук крест, ударил его в лицо. Солдаты, преследуя людей, ворвались в алтарь. Иконостас, который отделяет алтарь от храма, был сломан в двух местах, престол был перевернут, несколько икон были брошены на землю. Несколько человек было ранено, двое пытались отравиться; одна женщина, пытаясь спасти своего ребенка, бросила его в окно, но мужчина, который, на улице, подхватил на руки этого ребенка, был ранен пулей в живот.

Можно себе легко представить, какое огромное впечатление произвел этот случай на всех свидетелей. Особенно он потряс русских, которые никак не ожидали такого обращения со стороны американских солдат. До сих пор они видели от них лишь помощь и поддержку. Американские власти всегда оказывали уважение и доброжелательство русским церквям и церковным организациям. Надежда на защиту доблестной американской армии и побудила так многих русских стремиться попасть в американскую зону оккупации.

Считая трагедию в Кемптене единичным случаем, имевшим место по недоразумению, русские люди твердо

верят, что ничего подобного никогда больше не повторится. Они надеются, что им, как и раньше, будет оказана благожелательная помощь. Они уверены, что победоносная Американская Армия, Армия страны, которая славится своей любовью к свободе и человечеству, поймет их желание отстаивать свои наилучшие национальные и религиозные идеалы, ради которых они страдают уже более 25 лет.

Мы с радостью отмечаем, что мы, русские эмигранты в Европе, не одиноки в этом отношении. Недавно мы получили сообщение от епископов нашей Церкви в Соединенных Штатах о том, что они не согласились признать новоизбранного патриарха в России. Они считают, что было бы несовместимо с их чувством достоинства и священнической совестью быть в подчинении у учреждения, которое находится под полным контролем Советского правительства, старающегося воспользоваться этим в своих целях. Голос наших собратьев говорит об убеждении их многочисленной паствы в США.

Мы укрепляемся в вере, что стоим на правильном пути, отстаивая свою независимость от Московских церковных и политических властей до времени установления нового порядка в нашей стране, основанного на принципе истинной демократии, т.е. свободы, братства и справедливости. Одержав славную победу вместе со своими союзниками, и раздвинув свои границы, Россия могла бы стать самой счастливой страной, если бы она вернулась к здоровой политической и социальной жизни.

Будучи уверенными, что победа вечной правды наконец восторжествует, мы всегда молимся, чтобы настали для нее, — России, — как можно скорее лучшие дни, и чтобы мир и благополучие во всем мире установились бы по прошествии дней войны.

Благословение Господне да будет на Вас.

Ваш покорный слуга

МИТРОПОЛИТ АНАСТАСИЙ

МЕМОРАНДУМ

Разрешите приложить к этому письму МЕМОРАНДУМ, в котором выражены пожелания русских эмигрантов, имеющие отношение к тем фактам, которые я упомянул в моем письме.

1. Мы просим, чтобы русские, которые не считают себя советскими гражданами и живут на территории Германии, оккупированной Американскими войсками, были бы защищены от насильственной репатриации, невзирая на срок, когда они покинули Россию.

2. Мы просим признать их бесподданными — политическими эмигрантами, и отдать приказ местным властям выдать им документы, свидетельствующие об этом.

3. Мы просим разрешить русским эмигрантам сформировать национальные комитеты, на подобие тех, которые формируются югославянами, литовцами, поляками и другими. Национальные комитеты смогли бы защищать их интересы и быть посредниками между ними и Военным правительством, предоставляя ему нужную информацию.

4. Мы просим предоставить русским эмигрантам работу, которая дала бы им возможность заработать себе на жизнь, а старым, больным и слабым предоставить убежище до того срока, когда русские смогут вернуться на свою родину.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

Переписка генерала А. И. Деникина с генералом Айзенгауером и сенатором Ванденбергом по поводу

НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ

В декабре 1945 года генерал Деникин прибыл в Соединенные Штаты. Вскоре в газетах начали появляться сведения о насильственной репатриации б. советских военнопленных — Власовцев, казаков и других, и об ужасах, творившихся при этом.

Ген. Деникин обратился за содействием к ген. Айзенгауеру. Свое письмо, в котором он обрисовал страшную судьбу этих несчастных людей и меры принуждения, к которым прибегали американская и английская стража, закончил он следующими словами:

„Я могу себе представить, какие чувства должны испытывать американские офицеры и солдаты — участники таких экзекуций...

Ваше Превосходительство, я знаю, что имеются "Ялтинские параграфы", но ведь существует еще, хотя и попираемая ныне, традиция свободных демократических народов — Право Убежища.

Существует еще и воинская этика, не допускающая насилий даже над побежденным врагом.

Существует, наконец, христианская мораль, обязывающая к справедливости и милосердию.

Я обращаюсь к Вам, Ваше Превосходительство, как солдат к солдату и надеюсь, что голос мой будет услышан.
Прошу принять уверения в моем искреннем уважении.

Генерал А. Деникин.

Бывший главнокомандующий русскими армиями
1917-1920 г.г.

ОТВЕТ ИЗ ШТАБА АЙЗЕНГАУЕРА

(Перевод с английского)

Так как генерал Айзенгауер в это время отсутствовал из Вашингтона (он отбыл в Европу), то письмо вскрыл и ответил на него генерал Thos. I. Handy, который следующим образом объяснил причины и основания насильственных репатриаций:

”Политика С. Ш. в отношении СССР требует от военных властей С. Штатов содействия репатриации советских граждан, которые пожелают быть репатрируемы. В отношении тех, кто не желает возвращаться в Советский союз, политика нашего правительства состоит в том, чтобы не употреблять силы в принуждении к репатриации, за исключением тех случаев, когда данный индивидуум был одновременно фактическим гражданином в границах Советского союза к 1-му сентября 1939 г. и подходит под одну из следующих категорий:

1. Был взят в плен в германской форме.
2. Был чином советских вооруженных сил к 22июня 1941 г. и не был ими от службы освобожден.
3. Был, на основании серьезных доказательств, сотрудником врага, добровольно ему помогавшим и его поддерживавшим.

Политика нашего правительства установлена после долгого и тщательного взвешивания всех этих факторов и Армия должна выполнять ее как можно лучше”.

Thos. I. Handy, general Acting Chief of Staff.

18 февр. 1946 г.

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА А. И. ДЕНИКИНА К АМЕРИКАНСКОМУ СЕНАТОРУ АРТУРУ ВАНДЕРБЕРГУ

Октябрь 1946 г.

.....Сотни тысяч человек "дисплейсед персонс" сидят в лагерях оккупированной Германии и Италии. Эти люди лишены самых элементарных человеческих прав на свободу и вольный труд, т.е. на то, за что столетиями боролось человечество.

И среди этих обездоленных самые несчастные — русские, ибо грозит выдача советской власти, с необыкновенным, зловещим упорством добывающейся этой "репатриации".

Теперь, когда столь многое из того, что творится за "Железным занавесом", стало явным, когда явилось уже столько живых свидетелей неопишуемой жестокости, с которой коммунистическая диктатура обращается с человеком, общественному мнению США должно быть понятно, почему эти русские люди больше всего боятся... возвращения на родину. Знала ли история подобное явление, чтобы десятки, сотни тысяч людей, вывезенных из родной страны, где протекала вся их жизнь, и где, следовательно, сосредоточились все их интересы, где остались их семьи и близкие, — не только всеми силами противились бы возвращению, но одна возможность его доводила бы их до сумасшествия, до самоубийства.

Пресса касалась этого вопроса не раз, в официальных докладах он освещен вполне. И Вы знаете, конечно, о тех кошмарных драмах, которые разыгрались в лагерях Дахау, и Платтлинге, когда американские солдаты силою волокли упиравшихся, обезумевших от ужаса, обливающихся кровью русских пленных, которые бросались под колеса грузовиков, перерезывали себе горло и вены, старались воткнуть себе в грудь штык американского солдата — только бы избежать "возврата на родину"... Эти страшные страницы стали уже достоянием истории и, думаю, их никогда не забудут участники — ветераны США.

Я знаю, что оправданием у творивших это дело

служат Ялтинские договоры... Но подобный торг человеческими душами не может быть оправдан никакими политическими договорами. Ибо есть нечто превыше политики — христианская мораль, достоинство и честь человека.

Массовые выдачи в последнее время прекратились, но в небольшом числе советской власти все еще удается добывать свои жертвы. Как она с ними поступает, также хорошо известно. Путем невероятных усилий отдельным репатриированным удалось вырваться обратно из лагерей СССР, и они поведали о всем пережитом на страницах печати. Эта была так страшна, что иностранцам все еще трудно в нее поверить. А тем временем русские люди, сидящие за проволокой лагерей, в приютах Красного Креста или на частных квартирах в зоне американской оккупации, живут в постоянном смертельном страхе, ожидая выдач их Советам.

Все эти люди — мужчины, женщины, дети, старики — чувствующие себя как на краю пропасти, перенесли такие лишения, такие страдания, что, если бы описать все ими пережитое, получилась бы небывало жуткая книга человеческой скорби.

Они стучатся во все сердца, они шлют повсюду свое тревожное С. О. С., не переставая верить, что и за ними будет признано право на жизнь. Они ждут решения правительства свободлюбивого народа.

Господин Вандерберг, помогите своим влиянием и авторитетным словом этим замученным людям, никакого преступления не совершившим, желающим работать на любом поприще, только бы жить, мыслить и умереть свободными.

Один русский религиозный мыслитель сказал недавно, что "человеческая совесть больна"... От болезни можно, ведь, выздороветь, только смерть безнадежна.

Помогите же тем, кто верит в человеческую совесть!

Искренне Ваш

А. И. Деникин

б. Главнокомандующий Русской армией (1917-1920)

(Архив К. В. Деникиной)

ИСТОЧНИКИ

Книги и статьи на русском языке

1. Алдан, А. Г.: *Армия обреченных*, Изд-во Архив РОА, Нью Йорк, 1969
2. Артемьев, В.П.: *Первая дивизия РОА*, Изд-во СБОНР, Канада, 1974
3. Ахматова, Анна: *Реквием*, Изд-во Товарищество Зарубежных Писателей
4. Баграмян, И.Х., Маршал Сов. Союза: *Как началась война*, Изд-во Министерство Обороны СССР, Москва, 1970
5. Вознесенский, Николай: *Военная экономика СССР в период отечественной войны*, Госполитиздат, Москва, 1948
6. Дудин, Л. В. (Н. Градобоев): *Материалы к истории Освободительного Движения Народов России*, Изд-во СБОНР, Канада, 1970
7. Казанцев, А.: *Третья Сила*, Изд-во Посев, Франкфурт, Германия, 1952
8. Китаев, М.: *Материалы к истории Освободительного Движения Народов России*, Изд-во СБОНР, Канада, 1970
9. Китаев, М.: *Как это началось*, Изд-во Архив РОА, Нью Йорк, 1970
10. Кромиади, К.Г., полк.: *А.А. Власов и Церковь*, Изд-во "Милосердный Самарянин", Германия, 1954
11. Кромиади, К. Г., полк.: *Советские военнопленные в Германии в 1941 г.*, НОВЫЙ ЖУРНАЛ № 32, Нью Йорк
12. Николаевский, Б. И.: *Пораженчество 1941-1945 годов и генерал Власов*, НОВЫЙ ЖУРНАЛ № 18 и № 19, Нью Йорк
13. Осокин, В.: *Андрей Андреевич Власов*, Всеславянское изд-во, Нью Йорк, 1966
14. Платонов, Андрей: *Смерти нет*, Изд-во Советский Писатель, Москва, 1970
15. Платонов, Андрей: *Чевенгур*, Изд-во ИМКА-Пресс, Париж, 1972

16. Поляков, И. А., генерал: *Краснов — Власов*, Нью Йорк, 1959
17. Поздняков, В.В., полковник: *А. А. Власов*, Сиракузы, США, 1973
18. Русланов, И.: *Молодежь в русской истории*, Изд-во Посев, Франкфурт, Германия, 1972
19. Сабурова, И.: *Друг генерала Власова*, НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО, 13-ого ноября, 1974
20. Сандалов, Л.М., ген.-полк.: *На Московском Направлении*, Изд-во Наука, Москва, 1970
21. Солженицын А.: Дополнение к *Архипелагу ГУЛагу*, ВЕСТНИК РХД, № 115, Париж, 1975
22. Солженицын, А.: *Архипелаг ГУЛаг*, Изд-во ИМКА ПРЕСС, Париж, 1975
23. Сречинский, Ю.: *Как мы покорились*, Изд-во Заря, Канада, 1974
24. Степун, Ф.А.: *Родина, Отечество и Чужбина*, НОВЫЙ ЖУРНАЛ, № 43, Нью Йорк
25. Стенберг, Свен.: *А.А. Власов* (перевод И. Сабуровой), Австралия, 1974
26. Черчилль, Винстон.: *Вторая Мировая Война*, Изд-во Им. Чехова, Нью Йорк, 1955
27. Штифанов, Н.: *Дабендарф*, НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО, 18 фев. 1974
28. Штрик-Штрикфельд, В.: *Против Сталина и Гитлера*, Изд-во Посев, Франкфурт, Германия, 1975
29. Шукшин, В.М.: Письмо в Изд-во Молодая Гвардия, *Василий Шукшин*, т. I, Изд-во Молодая Гвардия, Москва, 1975
30. По книге Юрген Торвальд, перевод М. Томашевского. *Очерки к истории Освободительного Движения Народов России*, Изд-во СБОНР, Канада, 1965

Книги на иностранных языках

1. Bethell, Nicholas: *The Last Secret*, Basic Books, New York, 1974.
2. Dallin, Alexander: *German Rule in Russia 1941-1945*, London — MacMillan & Co. Ltd, New York — St. Martin's Press, 1957.
3. Deane, John R.: *The Strange Alliance*, The Viking Press, N.Y., 1947.

4. Epstein, Julius: *Operation Keelhaul* The Devin-Adair Company Old Greenwich, 1973.

5. Gehlen, General Reinhard: *The Service*, Popular Library, New York, 1972.

6. Lyons, Eugene: *Our Secret Allies*, Little, Brown & Co., Boston, 1953.

7. Salisbury, Harrison E.: *The 900 Days; The Siege of Leningrad*, Harper & Row, 1969.

8. Steenberg, Sven: *Vlasov*, Alfred A. Knopf, New York, 1970.

Периодические издания

1. *Аврора*, № 12, 1970 г., Ленинград

2. *Вестник Р.Х.Д.*, № 115, 1975, Париж

3. *Воля Народа* — газета, 28 января 1945 г., Берлин

4. *Заря* — газета, 3 марта, 1943 г., Берлин

5. *Красная Звезда* — газета, II марта 1942 г., Москва

6. *Новое Русское Слово* — газета, 13 ноября 1974 г., Нью

Йорк

7. *Новый Журнал*, № 18, 19, 32, 43, Нью Йорк

8. *Против Течения*, № 2, 1954 г, Нью Йорк

9. *Советское Государство и Право*, № 2, 1973, Москва

*Список лиц, предоставивших ценный исторический материал:
магнитофонные записи, письма, рукописи, документы.*

1. Градобоев, Н.

2. Деллингсхаузен, Э К.

3. Кромиади, К.Г.

4. Курганов, И.А.

5. Левицкий, Д.А.

6. Левицкий, С.А.

7. Новосильцев, И.Л.

8. Филипов, Б.А.

9. Фрёлих, С.Б.

10. Черемшанская, В.Л.

11. Шатов, М.В.

12. Шейко, С.А.

Фотографии

Собственность:

1. Полковника К.Г. Кромиади
2. Протоиерея А. Киселева

Из книг:

1. Полковника В.В. Позднякова
2. Составителя библиографии ОДНР — М. В. Шатова

Справочники

М. В. Шатов, "Библиография ОДНР в Годы Второй Мировой Войны", 1961, Нью Йорк

М.В. Шатов, "Материалы и документы ОДНР в Годы Второй Мировой Войны", 1961, Нью Йорк

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вместо предисловия	7
От автора	8
Глава 1. Наше прошлое	9
Глава 2. Кем порождено Власовское Движение	28
Глава 3. Когда Власов стал Власовым	41
Глава 4. Внутренний мир генерала Власова	61
Глава 5. Ближайшие сотрудники	90
Глава 6. Последние полгода	105
Глава 7. Последние дни	136
Глава 8. Манифест и его отражение в современности ...	148
Заключение	154
Приложение:	
I -- Встреча Власова с Гиммлером	163
II -- А.А. Власов и Церковь — полковник К.Г. Кромиади	177
III -- Манифест КОНР'а	180
IV -- Слово от Православной Церкви — Прот. А. Киселев .	187
V -- Письмо ген. Соколовского ген. Клэй	190
VI -- Обращение Митрополита Анастасия к ген. Д.Д. Айзенхауеру	192
VII -- Обращение ген. А. И. Деникина к ген. Д.Д. Айзенхауеру и сенатору Ванденбергу	197
Указатель источников	201
Оглавление	205

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО "ПУТЬ ЖИЗНИ"

СКЛАД ИЗДАТЕЛЬСТВА:

St. Seraphim Foundation, Inc.
322 West 108 Street
New York, N. Y., 10025. USA

НАШИ ИЗДАНИЯ

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ. В. Н. ИЛЬИН. 206 стр.	долл. 4.50
ИЗБРАННОЕ. Борис ЗАЙЦЕВ. 252 стр.	5.00
РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ (Сборник статей). Е. Е. КЛИМОВ. 263 стр. Иллюстрации.	6.00
ЛЕТО ГОСПОДНЕ. Ив. ШМЕЛЕВ. 529 стр.	9.00
ВОСПОМИНАНИЯ. М. В. ДОБУЖИНСКИЙ. 400 стр. Иллюстрации.	10.00
ОБЛИК ГЕНЕРАЛА А. А. ВЛАСОВА. (Записки военного священника). Прот. Александр КИСЕЛЕВ. 208 стр. Фотографии.	7.00
ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ. (Издание Комитета русской молодежи). 144 стр. Многочисленные изображения икон Богородицы в красках.	10.00